

К. А. Воробьев

# ЗАПИСКИ ОРНИТОЛОГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ





К. А. ВОРОБЬЕВ

ЗАПИСКИ  
ОРНИТОЛОГА

*Издание второе,  
дополненное*

---

Москва

1978

В 75 Воробьев К. А. Записки орнитолога.—М.: Наука, 1078.—■  
255 с., 2 л. ил.

*Автор книги, заслуженный деятель науки К. А. Воробьев,— известный орнитолог и зоогеограф — всю свою жизнь посвятил изучению птиц. Его экспедиционные маршруты охватили самые разнообразные области нашей страны: дельту Волга, Кавказ, Среднюю Азию, Якутию, Уссурийский край, побережье Ледовитого океана и многие другие.*

*В своей книге автор рассказывает о природе тех мест, по которым он путешествовал, о птицах нашей страны, описывает повседневную экспедиционную работу орнитолога. В книге много иллюстраций, среди которых ряд уникальных фотографий.*

*Первое издание этой книги, вышедшее в 1973 г., на всесоюзном конкурсе на лучшие произведения научно-популярной литературы было удостоено первой премии Всесоюзного общества «Знание». В 1974 г. книге присужден Почетный диплом Московского общества испытателей природы. Второе издание значительно переработано, включены новые очерки.*

20.5

*Ответственный редактор  
доктор биологических наук  
Р. Л. БЕМЕ*

## *Жизнь, посвященная птицам*

Большое счастье найти правильный путь с первых же самостоятельных шагов в жизни и следовать этим путем годы, десятилетия, всю жизнь. Именно такое счастье выпало на долю Константина Александровича Воробьева — одного из старейших наших орнитологов. С 13-летнего возраста все его помыслы, все интересы и устремления были связаны с птицами, их изучением, с путешествиями в поисках новых знаний о них. С ружьем, биноклем и записной книжкой, верхом, на лодке, на собачьих упряжках и оленях, а чаще просто пешком К. А. Воробьев исколесил Среднюю Азию и Дальний Восток, тундры и горные хребты Якутии, дельту Волги и Среднюю Россию. И, естественно, помимо научных материалов, интересных, зачастую сенсационных открытий в дневниках и записных книжках ученого с каждым годом накапливались зарисовки природы, впечатления, воспоминания о встречах с охотниками, оленеводами, лесниками. Сейчас эти воспоминания стали всеобщим достоянием. К. А. Воробьев написал книгу «Записки орнитолога», своеобразное повествование о жизни, посвященной птицам. Книга получилась интересной, причем интересной в нескольких планах, и в научно-популярной литературе она займет особое место.

Прежде всего это восторженный гимн разнообразной природе нашей необъятной страны. Тонкий наблюдатель, отличный стилист, К. А. Воробьев сумел одинаково живо и верно передать аромат и свежесть весенней степи, суровую и мрачную красоту горных хребтов центральной Якутии, застывший зной тугаев Сумбара и Теджена, неизъяснимую прелесть выходящей из-под снега тундры. Любое из этих мест по-своему прекрасно, и каждый посетивший их человек оставляет там частицу своей души — вот основной девиз автора. И этим настроением невольно заражается читатель.

Но К. А. Воробьев не праздный наблюдатель, не турист, ищущий новых впечатлений. Любое его путешествие — это прежде всего труд, упорный, систематический, каждодневный труд исследователя. Любое его путешествие — это триумф зоолога, научные открытия, приподнимающие завесу еще над одной тайной природы. Читатель как бы становится участником этих открытий: мысленно он присутствует при нахождении впервые гнезда белого

•журавля — стерха, вместе с автором он раздвигает сухую траву и видит гнездо острохвостого песочника, зрелище, которого не удалось до этого наблюдать ни одному зоологу. Вместе с автором он бредет по тундре в поисках колоний розовых чаек, разыскивает птенцов кроншнепа-малютки и американского бекасовидного веретенника. Находит гнезда индийского жулана, пестрого дрозда и турача — птиц, о жизни которых ученые еще почти ничего не знали. Бесконечный поиск, в который вовлекается читатель, доставляет огромную радость, заражает каким-то особым энтузиазмом, желанием еще больше узнать о каждой из птиц. А тому, как узнать, учит опыт К. А. Воробьева, история его жизни и работы.

Как упоминалось, «Записки орнитолога» — книга многоплановая. Читатель найдет в ней много интересных сведений общенаучного характера. Экскурсы в прошлое позволят ему понять многое из того, что делается в природе сейчас. Ведь К. А. Воробьеву пришлось стать очевидцем того, как менялась за последние десятилетия природа многих районов нашей страны, от Подмоскovie до Уссурийского края и сибирских тундр.

К. А. Воробьев учился у замечательных ученых — у М. А. Мензбира, П. П. Сушкина, С. А. Бутурлина, С. И. Огнева, которых мы привыкли именовать «старшим поколением». Воспоминания о работе с ними доносят до нас их идеи, позволяют лучше понять огромный вклад этих ученых в отечественную науку о птицах, как бы воскрешают ту эпоху, когда из хаоса разрозненных, отрывочных знаний стало выкристаллизовываться стройное представление о птицах нашей Родины — видовом составе, распространении, экологии, хозяйственном значении.

К. А. Воробьев относится к числу наиболее видных современных орнитологов нашей страны. Он опубликовал много научных статей и несколько книг, из которых особое значение имеют монографии — «Птицы Уссурийского края» и «Птицы Якутии», широко известные не только у нас, но и за рубежом.

Предлагаемая читателю книга «Записки орнитолога» заслуживает самого большого внимания. Нет сомнения в том, что ее с интересом и удовольствием прочтет каждый, кому дорога наша природа, кто любит ее и стремится познать глубже.

Доктор биологических наук

*В. Е. Флинт*

*Светлой памяти  
дорогого учителя и друга  
Сергея Ивановича*

**ОГНЕВА**

*эту книгу посвящаю.*

*Автор*

## **От автора**

Мне было 13 лет, когда я, ученик второго класса Коммерческого училища, взял у своего школьного товарища книгу М. Н. Богданова «Из жизни русской природы»<sup>1</sup>. Эта замечательная книга, написанная известным зоологом, сыграла в моей жизни большую роль. Она пробудила глубокий интерес к природе, к животному миру и окончательно решила мою судьбу.

Отдельные места из книги М. Н. Богданова запомнились мне на всю жизнь. Они написаны с поразительной силой, ярко, талантливо. С тех пор у нас в доме появились клетки с птицами; это были чижи, зяблики, снегири, большие синицы, москочки, зарянки, пеночки.

Впоследствии я постоянно держал на даче, в саду, хищных птиц, которых брал еще птенцами из гнезд. У меня жили ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, осоед и коршун. Таким образом, я имел возможность постоянно наблюдать за своими пленниками и хорошо узнать их особенности и повадки.

В эти же годы были сделаны и первые наблюдения в природе.

Однажды в погожий сентябрьский день я впервые увидел высоко в небе косяк пролетающих на юг журавлей. Как зачарованный, долго смотрел им вслед, пока не затихло курлыканье и не исчезли в далекой синеве силуэты прекрасных птиц. Этот день я не могу забыть до сих пор, и кажется, что именно с того дня меня особенно потянуло в далекие, неведомые и неизученные края.

Первой книгой о птицах, которую я приобрел, была книга И. К. Шамова «Наши певчие птицы, их ловля и содержание в клетках»<sup>2</sup>. Эта маленькая книга московского охотника, тонкого знатока певчих птиц, немало способствовала моим увлечениям птицами.

<sup>1</sup> Первое издание этой книги вышло в 1889 г., последнее в 1960 г.

<sup>2</sup> Книга вышла в 1876 г. под редакцией известного зоолога Л. П. Сабанеева.



Несколько позднее моими настольными книгами стали книги Д. Н. Кайгородова «Из царства пернатых» и «Пернатые хищники», а также Н. А. Холодковского и А. А. Силантьева «Птицы Европы». Последняя книга очень помогла мне на первых шагах знакомства с птицами, так как она имела повидовое описание и определитель птиц с 60 цветными таблицами.

В юношеские годы очень большое значение в развитии моих знаний в области орнитологии имело классическое произведение Альфреда Брема «Жизнь животных», в котором четыре тома с многочисленными превосходными иллюстрациями посвящены птицам.

Еще в детстве мне много раз приходилось убеждаться в полном равнодушии окружающих меня людей к природе своей страны, в отсутствии у них не только интереса, но также и самых элементарных знаний в отношении животного и растительного мира.

Мне хорошо запомнились некоторые случаи, когда люди проявляли полное неведение в отношении даже самых обычных и хорошо известных наших птиц. Как-то раз мой дед подошел к клетке, в которой сидел снегирь. Рассматривая его, он спросил: «Какая это птица?» Я сказал. Дед с недоверием покачал головой и возразил: «Не дятел ли это?»

Однажды, сидя на берегу реки, я спросил знакомого студента-техника, показывая на пролетающую в стороне ворону: «Какая это птица?» Он внимательно смотрел на ворону, пока та не скрылась за лесом, и наконец совершенно серьезно ответил, что «это только не ворона и не журавль».

Невольно вспоминаются здесь замечательные слова нашего выдающегося художника-анималиста А. Н. Комарова: «Есть одна очень большая радость на земле: любите природу и Вы узнаете эту радость своим здоровьем, творчеством. Всеми восторгами жизни я обязан нашей родной природе. Берегите и любите природу, мои юные друзья».

К этому мне хочется еще добавить, что понятие Родина для всех нас всегда связано с окружающей природой. И чем больше, чем лучше мы знаем ее, тем сильнее любовь наша к Родине. Это мое глубокое убеждение.

\* \* \*

Летом наша семья ежегодно жила на подмосковной даче в Расторгуеве. Я бродил по окрестным лесам и обширным лугам поймы Пахры. А спустя два-три года стал совершать уже более отдаленные и продолжительные экскурсии, выезжая на Оку. В эти годы моим постоянным спутником на экскурсиях был брат Александр, который с интересом и большим увлечением помогал мне. Он очень хорошо искал гнезда, ловко лазал по деревьям и впоследствии стал прекрасным охотником.

Цель наших походов — наблюдения за птицами. Особенно интересовали нас тогда их гнезда и яйца. По целым дням два юных фанатика, часто забывая обо всем на свете, лазали по глухим, заросшим кустарником оврагам, бродили по старым заброшенным паркам, шарили по дуплам, тщательно осматривали живые изгороди, в которых особенно любят гнездиться мелкие птицы. Под вечер, усталые и голодные, часто в изодранной одежде, но радостные и счастливые, с массой новых впечатлений мы возвращались домой и заносили в дневник свои наблюдения — тайны, только что открытые нам природой.

Надо прямо сказать, что нелегко доставались нам некоторые гнезда. Много раз представлялся нам случай свернуть себе шею. И в детстве, и после, во время своих экспедиций, неоднократно «летал» я с деревьев, два раза срывался со скал, забираясь туда в поисках гнезда синего каменного дрозда. Однажды повстречался на дереве с коброй, что также могло иметь для меня печальные последствия, несколько раз тонул в болотных топях и на озерах, добираясь до гнезд.

Вспоминаются некоторые находки гнезд. Вот, например, гнездо ястреба-тетеревятника — первое гнездо хищной птицы, найденное нами весной 1917 г. в подмосковных лесах (Расторгуево). Гнездо обитаемо, это хорошо видно в бинокль по пушилкам, застрявшим на сучьях гнезда. Здесь же держатся и ястреба, издавая по временам свой характерный громкий крик «ке-ке-ке-ке». Гнездо помещается на огромной сосне, на высоте 18 м. Я уже преодолел значительно больше половины высоты, но оставшаяся часть представляет еще большие трудности, так как выше начинается гладкий и скользкий, как полированный, красный ствол сосны и толстые, но иногда гнилые сучья. Некоторые из них выдерживают тяжесть моего тела, другие неожиданно ломаются, и я чудом удерживаюсь на дереве.

Так продолжается несколько раз, но опасность сорваться и полететь вниз не останавливает меня, ведь до гнезда, где лежит кладка яиц ястреба-тетеревятника, остается всего каких-нибудь три-четыре метра. Напрягая последние силы, я карабкаюсь все выше и выше. Надо во что бы то ни стало добраться, и я добиваюсь. Под гнездом два толстых крепких сучка дают мне возможность хорошо укрепиться и подробно исследовать его. В гнезде нахожу четыре крупных бледно-голубоватых яйца, которые я бережно кладу в специальную коробку с ватой и осторожно опускаю ее на шнурке на землю. Затем начинаю обследование гнезда. Лоточек его выложен свежими зелеными веточками и корой сосны. Здесь же лежат перья грача, крыло и лапа сойки, лапа п перья ушастой совы, несколько птичьих костей и клочья беличьей шерсти. Все это я забираю себе в карман, чтобы потом еще раз подробно исследовать остатки добычи ястребов. Затем, сделав промеры гнезда и записав все эти данные в книжку, последний раз осматриваю его и начинаю спускаться. Снова ряд опасных

моментов, но теперь мне не так уже страшно. Теперь я обладатель ценной кладки яиц и знаю, как делает свое гнездо осторожный пернатый хищник. По-видимому, эти два обстоятельства и воодушевляют меня.

\* \* \*

Как-то зимой, в Москве, просматривая свои старые орнитологические записи, я нашел следующие строки: «6 ноября 1919 года начал заниматься в Зоологическом музее МГУ по орнитологии у С. И. Огнева. Наша группа состоит из шести студентов, в состав ее вошли: Гептнер, Юрканский, Промптов, Соболевский, Перелешин и я. После краткого пояснения Сергей Иванович выдал нам коллекционный материал — я взял сорокопутов».

Эта коротенькая запись воскресила в памяти далекие дни моей юности, первые научные занятия с орнитологическими коллекциями, первую зоологическую экспедицию в Воронежскую губернию и первые успехи в науке. Это было тяжелое время — годы гражданской войны, разрухи и голода. Но, несмотря на тяжелые условия, мы, юные студенты, с большим увлечением занимались любимой наукой. Молодость, жажда знаний, сознание, что начинается самостоятельная научно-исследовательская работа, — все это очень облегчало и украшало нашу жизнь. Кроме коллекций, мы получили также доступ к библиотеке Зоологического музея, а позднее — и к библиотеке С. И. Огнева.

Осенью того же года я обучался препарированию птиц у старого препаратора Зоологического музея Августа Карловича Цельмина. Это был большой мастер своего дела; помимо работы в музеях Москвы, он принимал участие в полевых исследованиях наших ученых. В 1905 г. А. К. Цельмин участвовал в большой экспедиции С. А. Бутурлина на Колыму.

В первые годы пребывания в университете я очень много читал и по целым дням работал с коллекциями. Тогда-то после маленького подмосковного мира птиц передо мной впервые открылось огромное богатство и разнообразие орнитологической фауны. Я познакомился с замечательными трудами наших выдающихся путешественников и натуралистов. С захватывающим интересом читал книги Н. М. Пржевальского о путешествиях в Уссурийском крае и в Центральной Азии, сочинении Г. И. Радде «Птицы Кавказа», Н. В. Слюнина «Охотско-Камчатский край», Р. К. Маака «Путешествие на Амур» и «Путешествие по долине р. Уссури», Н. А. Зарудного «Птицы Восточной Персии», Н. А. Северцова «Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня», А. Ф. Миддендорфа «Путешествие на север и восток Сибири» и многие другие. Эти книги, несомненно, сыграли большую роль в моей последующей деятельности, в формировании моих научных интересов. Изучение фауны птиц Советского Союза стало делом всей моей жизни.

Весной 1920 г. директор Зоологического музея профессор Г. А. Кожевников предложил мне и В. Г. Гептнеру коллектировать для музея птиц Московской губернии. Это предложение было принято нами с большой радостью, так как оно давало возможность совершать более отдаленные и длительные экскурсии, а наличие соответствующих официальных бумаг очень облегчало первые шаги исследовательской деятельности. Кроме того, мы получили ружья, а также снаряжение и материалы, необходимые для коллектирования и препарирования. Затем мы получали ежемесячную зарплату (первую в жизни) и деньги на расходы по проведению наших работ.

С большим энтузиазмом принялись мы за работу. Весна и лето прошли в постоянных экскурсиях по Московской губернии. Излюбленными местами наших скитаний стали пойменные луга по Оке, Пахре и Яхроме, леса Подольского и Серпуховского уездов, а также Сенежское озеро.

В те далекие времена в Московской губернии сохранялись еще достаточно глухие места. Даже в ближайших окрестностях Москвы (например, на станции Расторгуево) весной токовали тетерева, гнездились вальдшнепы, коростели, перепела, сарычи, ястреба-тетеревятники, осоеды, ушастые и болотные совы, неясыти, зеленые дятлы, зимородки, сойки, ворон и было много певчих птиц. Здесь-то и началось мое первое с ними знакомство.

Надо отметить, что в эти годы я довольно часто посещал птичий рынок на Трубиной площади. Общение с птицеловами, среди которых встречались весьма оригинальные, было для меня интересно и в какой-то степени расширяло орнитологический кругозор. Здесь среди довольно большого разнообразия пойманных птиц попадались и сравнительно редкие виды. Так, например, я видел у птицеловов белых лазоревок, варакушек, серых сорокопутов, щуров, белокрылых клестов, дубоносов, крапивников, свистелей, ястребиную сову, мохноногих сычей, сычика-воробья, серую неясыть и многих других. Сычей и сов птицеловы ловили сетью в то время, когда они бросались на манную птицу. Однажды летом я видел в клетке гнездо москочки, в котором находилось семь птенцов. Самец и самка, несмотря на стоящих рядом людей, кормили птенцов, собирая на дне клетки «муравьиные яйца». В другой раз продавали варакушку-альбиноса, пойманную на торфяном болоте под Москвой. Птичка была белого цвета, с красноватым пятном на слабо-голубой груди. Такая окраска птицы, конечно, очень большая редкость.

Среди птиц, собранных нами в 1920 г., оказалась интересная фаунистическая находка. В одну из своих весенних поездок на Оку с В. Г. Гептнером нам удалось добыть несколько экземпляров садовой овсянки. Эта находка в то время вызвала у зоологов большой интерес. Когда мы принесли наши орнитологические сборы профессору Г. А. Кожевникову, он тотчас же позвонил по телефону М. А. Мензбину и радостно сообщил маститому орни-

тологу, что его студенты нашли и добыли в Московской губернии садовых овсянок.

Результаты первых юношеских наблюдений в природе были изложены мною в работе «Орнитологические исследования в Московской губернии», опубликованной в 1925 г.

Вскоре студенты В. Г. Гептнер и Н. И. Соболевский уехали в Тургайскую экспедицию. Я продолжал просмотр и изучение орнитологических коллекций музея. Однажды вечером, когда я дольше обычного задержался в музее за рабочим столом, С. И. Огнев пригласил меня принять участие в работах зоологической экспедиции по изучению фауны Воронежской губернии. Конечно, это очень интересное предложение было принято мною с восторгом. До сих пор хорошо помню тот вечер, когда я, счастливый, возвращался из университета домой. Наконец-то сбывались мои мечты — я буду работать в научной экспедиции.

По вечерам я иногда засиживался в музее, и тогда мы долго беседовали с Сергеем Ивановичем о предстоящей весной экспедиции, намечали районы наших исследований, строили различные планы. Это были хорошие, незабываемые дни — время непрерывной учебы, раздумий, мечтаний. Здесь, в тиши рабочего кабинета Сергея Ивановича, в беседах с ним возникали, росли и крепли, может быть, лучшие порывы и стремления его учеников.

Несколько позднее я получил приглашение от К. И. Скрыбина принять участие в Туркестанской экспедиции в качестве орнитолога. Это интересное предложение мне, к сожалению, пришлось отклонить, так как я уже готовился к Воронежской экспедиции С. И. Огнева.

\* \* \*

Страсть к путешествиям появилась у меня с юношеских лет. Так, будучи еще студентом Московского государственного университета, я начал свою экспедиционную деятельность по изучению фауны Советского Союза. Два лета (1921—1922) я принимал участие в работах зоологической экспедиции по изучению фауны Воронежской губернии, возглавляемой С. И. Огневым. На следующий год (1923) мы проводили исследования фауны Северного Кавказа. В состав экспедиции входили С. И. Огнев, Л. Б. Беме, В. Г. Гептнер, Н. В. Шибанов и я. Эти первые экспедиции под руководством С. И. Огнева были для меня очень хорошей школой, ибо я впервые по-настоящему имел возможность познакомиться с методикой полевых исследований, а также впервые увидеть фауну степей и гор. Большим счастьем я считаю то, что первые шаги в научно-исследовательской работе и значительная часть моей творческой жизни прошли в содружестве с этим выдающимся ученым, научившим меня серьезно и честно относиться к науке.

На четвертом курсе университета, летом 1924 г., готовясь к последним экзаменам, я познакомился в Москве с известным

исследователем Дальнего Востока В. К. Арсеньевым, беседы с которым неудержимо потянули меня в таежные дебри Уссурийского края. Но попасть в эту далекую и заманчивую страну мне удалось лишь спустя несколько лет. До сих пор в моей библиотеке хранится книга В. К. Арсеньева «Дерсу Узала», подаренная мне автором в день нашего знакомства — 2 июня 1924 г.

В начале следующего года я окончил университет и решил весну и лето провести среди природы, изучая птиц. Вскоре представилась и вполне реальная возможность осуществить предполагаемую мною поездку. Государственный музей Центрально-Промышленной области заинтересовался исследованием фауны северной части Костромской губернии и взял на себя финансирование этих работ.

В первых числах апреля я выехал в Галич, откуда на лошадях еще по зимнему санному пути отправился на север в глухую деревеньку Лыгово, расположенную в 100 км от железной дороги. В те времена это было очень глухое место, настоящий «медвежий угол». Пять месяцев провел я в Костромских лесах. Здесь мне удалось познакомиться с новыми для меня птицами. Это были белые куропатки, орлан-белохвост, большой крохаль, мохноногий сыч, глухая кукушка, трехпалый дятел, кукушка, овсянка-ремез, пеночка-таловка. Впервые я охотился на глухариную току, и с тех пор навсегда полюбилась мне эта охота.

В 1926 г. я начал самостоятельные исследования в дельте Волги и в прикаспийских степях. Незадолго до этого там был создан Астраханский государственный заповедник, в котором уже в течение нескольких десятилетий успешно ведется научно-исследовательская работа. Результаты исследований орнитофауны волжской дельты послужили темой моей кандидатской диссертации «Материалы к орнитологической фауне дельты Волги и прилегающих степей».

В 1932 г. я был зачислен зоологом Амурской экспедиции, во время которой нами было проделано три маршрута — по реке Горин (левый приток Амура) на озеро Эворон, по реке Хунгари (правый приток Амура) и по реке Хор (правый приток Уссури). Это дало мне возможность хорошо ознакомиться с богатой и оригинальной фауной Уссурийского края, а также узнать своеобразную жизнь удэгейцев и гольдов, населяющих бассейн нижнего течения Амура.

Последующие мои экспедиции проходили в Средней Азии. В течение пяти лет (1935—1940) я работал на юге Туркмении, возглавляя орнитологический заповедник Гассан-Кули.

Помимо изучения зимовки птиц на юго-восточном побережье Каспия, на границе с Ираном, я проделал несколько экспедиций в прилегающую пустыню, в западную часть Копетдага (в долину Сумбара), на среднее течение Мургаба и в район Кушки, а также на хребет Кугитанг. Эти исследования внесли много нового в познание орнитологической фауны Туркмении.

Предварительные результаты экспедиционных исследований в Средней Азии, а также на Дальнем Востоке и в Якутии были опубликованы мною в «Докладах Академии наук СССР» по представлению академиков Л. А. Орбели, Е. Н. Павловского и К. И. Скрябина.

В 1945 г. я начал работу в Дальневосточном филиале Академии наук СССР по изучению птиц Приморья. За пять лет работы в филиале я совершил ряд экспедиций от корейской границы и озера Ханка на юге, до бухты Терней на севере. Посетил и некоторые острова в Японском море. Наш Дальний Восток представляет для натуралиста большой интерес. Такого богатства и разнообразия животного и растительного мира нет нигде на территории Советского Союза. Среди замечательных птиц Приморья можно отметить японского журавля, дикушу, трехперстку, мандаринку, рыбного филина, иглоногую сову, ширококрылую кукушку, широкорота, голубую сороку, черноголовых дубоносов, древесную трясогузку, белоглазку, сутору, личинкоеда, синюю мухоловку, японского свиристеля, овсянку Янковского и многих, многих других.

Результаты исследований, продолжавшихся пять лет, я изложил в книге «Птицы Уссурийского края», вышедшей в 1954 г. Однажды из Японии пришел пакет. Эта монография была издана в Японии, в Токио, в двух томах со всеми цветными таблицами.

Весной 1952 г. я снова предпринял экспедицию в Среднюю Азию. На этот раз мои исследования проходили на самом юге нашей страны — в Бадхызе, на границе с Афганистаном. В эти жаркие районы Туркмении проникают многие южные виды птиц. Я встретил здесь кольчатых горлиц, своеобразных пустынных куликов-бегунков, украшенных чибисов, черных чечанчиков. В фиташковых лесах хребта Гяз-Гедык мне удалось впервые в Советском Союзе найти гнезда замечательных индийских жуланов.

Весной 1955 г. в Зоологическом институте Академии наук СССР я защищал докторскую диссертацию на тему: «Орнитологическая фауна Уссурийского края и ее зоогеографический анализ». Официальными оппонентами были профессора В. Г. Гептнер, Л. А. Портенко и А. И. Иванов. Председателем Ученого совета — академик Е. Н. Павловский. Защита прошла успешно. Ученая степень доктора биологических наук была присуждена мне единогласно.

В это же время Якутский филиал Академии наук СССР предложил мне написать монографию «Птицы Якутии». Это предложение было принято мной с большим удовлетворением и радостью. Обширная неведомая страна, представлявшая по существу «белое пятно» на фаунистической карте Советского Союза, уже давно манила меня. Манили и бескрайная, глухая тайга, и далекая тундра, и могучие горные хребты Северо-Восточной Азии.

В Якутии я проделал восемь экспедиций, охвативших значи-

тельную территорию и включивших самые разнообразные географические зоны и ландшафты этой страны, ранее совершенно не затронутые орнитологическими или зоогеографическими исследованиями. Наши маршруты прошли через Алдано-Учурский хребет. Олёкмо-Чарское нагорье, хребет Черского в верховье реки Индигирки, Верхоянье у 63 параллели, включая высокогорную область хребта Орулган, приколымскую и прилазейскую тундру, а также тундру, заключенную между реками Хромой и Индигиркой.

Охватить исследованиями столь отдаленные районы Якутии удалось лишь благодаря широкой возможности пользоваться самолетами как гражданской, так и полярной авиации. За время этих работ мы проделали на самолетах 29 рейсов. Самолеты доставляли наш экспедиционный отряд в самые отдаленные, труднодоступные, а подчас и ненаселенные районы Якутии. Кроме того, это давало нам возможность экономить огромное количество времени и сил. Достаточно сказать, что если С. А. Бутурлину в 1905 г. на переход из Якутска в низовье Колымы потребовался целый месяц трудного и утомительного пути, то в 1957 г. рейсовый самолет доставил наш экспедиционный отряд из Якутска в Нижние Кресты на Колыме за 9 летных часов. Результатом этих исследований явилась монография «Птицы Якутии», вышедшая в Издательстве Академии наук СССР в 1963 г.

В Якутии мне впервые удалось изучить биологию многих замечательных видов птиц, среди которых можно назвать стерха, канадского журавля, каменного глухаря, три вида гаг (гребенушку, очковую и сибирскую), беркута, острохвостого песочника, американского бекасовидного веретенника, пепельного улита, кроншнепа-малютку, розовую и вилохвостую чаек, бородатую неясыть, желтобровую овсянку, малую пестрогрудку, альпийскую завирушку.

Весной 1965 г. я выехал в горный Таджикистан, желая ознакомиться с индо-гималайским элементом орнитофауны, проникающим сюда с юга. Как необозримы просторы нашей Родины, как богат и разнообразен ее животный и растительный мир! Всего два года тому назад я изучал орнитологическую фауну северо-восточной тундры. Наш маленький отряд спуускался тогда на моторной лодке по реке Алазее, направляясь к Северному Ледовитому океану. Несметные полчища гусей и уток летели над тундрой дальше на север. Замечательные белые журавли и розовые чайки — это чудесное украшение Арктики — приковывали к себе наше внимание.

Теперь я в солнечном Таджикистане, на южных склонах Гиссарского хребта. Конец апреля. Весна здесь в самом разгаре: в полном цвету стоят яблони, миндаль и черешни. Мощные деревья грецкого ореха только еще раскрывают почки.

Ежедневные экскурсии в горные ущелья давали богатый материал. Я впервые встретил здесь одну из красивейших птиц



нашей фауны — райскую мухоловку. Имел возможность наблюдать и изучать биологию синих птиц, тимелий, белогорлых соловьев, рыжехвостых мухоловок, длиннохвостых сорокопутов и многих других. А летом, когда добрался до Анзобского перевала, лежащего на высоте 3372 м над уровнем моря, встретил гималайских уларов и целый ряд характерных высокогорных птиц. В июне здесь сохранялись еще огромные снежные поля.

Сейчас в Москве, когда я пишу эти строки, передо мной на столе лежит пара птенцов-пуховичков гималайского улара с высокогорий Гиссарского хребта. Это — редчайшие в коллекциях экземпляры. Они добыты 8 июня 1965 г. у Анзобского перевала на высоте 3200 м.

На следующий год я посетил Тянь-Шань, где производил орнитологические исследования в Заилийском Алатау. А весной 1967 г. снова побывал в Южной Туркмении, в тугаях по реке Теджен и в прилегающей пустыне.

Итак, за плечами 37 экспедиций. За это время немало прошел и проехал я по Советскому Союзу, изучая его богатую и своеобразную фауну. На самолетах и вертолетах, на пароходах, катерах и лодках, на автомашинах и собачьих упряжках, на лошадях и оленях добирались мы до укромнейших, труднодоступных уголков нашей страны. Эти экспедиции всегда приносили интересный, нередко уникальный научный материал и были для меня богатейшим источником новых и сильных впечатлений. Ни один раз моя жизнь висела на волоске и смерть заглядывала в глаза. В экспедициях иногда приходится рисковать — это неизбежно, и в подобных ситуациях всегда побеждают знание, смелость, решимость и опыт полевого натуралиста.

Исследование фауны Советского Союза было делом всей моей жизни. Палатки наших экспедиций стояли и в знойной пустыни у афганской границы, и в Уссурийской тайге, и в горах Якутии, и на побережье Северного Ледовитого океана.

И теперь, когда вспоминаешь былое, перед глазами возникают незабываемые чудесные картины родной природы и снова я вижу заснеженные вершины хребта Черского, таежные тропы Сихотэ-Алиня, озеро Ханка, водные просторы Амура, Колымы, Индигирки и Лены, тундру у Северного Ледовитого океана, жаркие пустыни Закаспия и Бадхыза, горные ущелья в Гиссарском хребте и в Тянь-Шане, тугаи по Мургабу, Теджену и Амударье. И всюду, куда бы я ни попадал, где бы ни проходили маршруты наших экспедиций, природа открывала мне свои тайны и щедро дарила то, о чем мечталось когда-то в детстве и юности.

Природе я обязан многим: она наполнила содержанием всю мою жизнь, осветила ее красотой и радостью. Велика и ни с чем не сравнима радость, которую дарит людям природа. В природе я вижу не только красоту, но прежде всего индивидуальность, могущество и величие своей Родины. Мне выпала завидная доля, и я счастлив, что моя жизнь проходила в путешествиях по род-

ной стране, среди разнообразной чудесной природы. Я не хотел бы прожить иную жизнь.

Хороша и очень увлекательна наука, которой я занимался, только жизнь человека коротка...

\* \* \*

Эта книга написана на основании личных наблюдений в природе, записей в полевых дневниках. Прошло более полувека с тех пор, как я начал работать по изучению фауны Советского Союза. Значительная часть моей жизни прошла в экспедициях.

С чувством глубокой симпатии и благодарности вспоминаю я здесь своих помощников по экспедициям — препараторов и лаборантов, которые безропотно переносили со мной все трудности, невзгоды и лишения походной жизни. Вот сейчас я смотрю на старую фотографию мальчика с ружьем и биноклем. Это А. А. Лавровский, ныне доктор биологических наук, который много лет тому назад, совсем еще юным, начал работать под моим руководством в Астраханском заповеднике, а впоследствии вместе со мною принимал участие в Амурской экспедиции.

Очень много помогли мне в моих исследованиях Анна Халлы Анна Мурат Оглы из аула Гассан-Кули, В. А. Линдгольм, М. А. Омелько, В. В. Аверкиев, В. И. Перфильев и многие другие.

Фотографии для иллюстрации книги любезно предоставили И. А. Нейфельдт, Э. Н. Голованова, Ю. Б. Пукинский, Э. И. Гаврилов, А. С. Мальчевский, Ю. Б. Шибнев, М. В. Штейнбах, В. И. Перфильев, А. И. Иванов, К. А. Юдин, Ю. К. Роцевский, А. Е. Луговой, А. А. Кишинский и В. М. Песков. Я приношу им глубокую благодарность за прекрасные фотографии, которые оживили и украсили книгу. Многие из них представляют значительный научный интерес и выполнены с большим мастерством. Часть фотографий сделана автором.

Цветные таблицы и черные рисунки выполнены известным художником-анималистом Н. Н. Кондаковым.

*Исследования в Центральной части*  

---

*Советского Союза*  

---

*и в дельте Волги*  

---



*Моя первая экспедиция*

В газете «Правда» от 13 января 1922 г. в отделе хроника опубликована небольшая заметка «Научные экспедиции». В ней сообщалось, что «из состоявшихся экспедиций самой значительной по заданию была экспедиция Плавучего морского института, имеющая целью исследование Баренцева и Карского морей. Кроме того, состоялись экспедиции профессора Кулика для обследования метеоритов Западной Сибири, этнографическая экспедиция на Северный Кавказ профессора Яковлева, экспедиция профессора Огнева по Воронежской губернии и др.».

Это происходило в то время, когда в стране еще не затихла гражданская война, когда разруха и голод достигли ужасающих размеров, люди погибали от тифа, а на юге надвигалась холера... Эти экспедиции можно было считать первыми победами на фронте науки и культуры молодой нашей республики.

\* \* \*

Воронежская зоологическая экспедиция, возглавляемая С. И. Огневим, работала четыре летних сезона (1919—1922). В ней принимали участие студенты-зоологи — В. Г. Гентиер, А. А. Российский, О. А. Харузин, Н. В. Шибанов, Ф. А. Пронин и К. А. Воробьев. В экспедиции работали и преподаватели Московского университета — Е. Г. Габричевский, А. А. Машковцев и С. А. Северцов, а также постоянные жители Воронежской губернии В. Д. Аристов, А. И. Юрин и зоолог Докучаевской опытной станции С. И. Оболенский. Мне посчастливилось быть участником этой экспедиции в течение двух последних лет (1921 — 1922).

Постоянная база экспедиции в эти годы находилась на Докучаевской опытной станции в Каменной степи, где велись стационарные работы. Кроме того, наши исследования охватили Хреновской бор, Графское лесничество, огромный лесной массив — Шипов лес и некоторые другие районы Воронежской губернии. За время работ экспедиции был собран большой коллекционный материал (около 1000 млекопитающих, 2500 птиц, около 2000

рептилий и амфибий), поступивший в Зоологический музей Московского университета.

Давно это было, но память до сих пор хранит многие наблюдения и отдельные эпизоды моей первой научной экспедиции. Во время летних работ участники экспедиции провели несколько волчьих облав, охотились па дроф, исследовали бобровые поселения на реке Усмани. Тогда я впервые попал в степи и познакомился с особенностями их фауны. Наиболее характерные представители степей — дрофы, стрепеты и сурки. В то время дрофы не представляли здесь большой редкости. Весной 1922 г., когда мы специально предпринимали охоту на дроф, часто приходилось наблюдать табунки этих прекрасных степных птиц. Красивую картину представляет собой группа пасущихся дрофичей на зеленом фоне обширной далекой степи.

На охоту за дрофами мы выезжали рано утром, еще до восхода солнца. Хорошо в эту пору в степи... Безбрежная равнина окутана густым туманом. Едва видное, только что взошедшее солнце словно бледный диск. В этом тумане причудливо звенят и переливаются трели жаворонков, которые не решаются подыматься ввысь, а поют, носясь во всех направлениях низко над землей.

Солнце поднимается выше, и теплые лучи его как-то сразу, неожиданно разгоняют тусклую туманную завесу. Степь оживает... Появляются кочки, луны, пустельги. Вылезают на сурчину байбаки, свистят в траве суслики. Но вот далеко-далеко на горизонте кто-нибудь из охотников замечает дроф; громадные птицы кажутся белыми точками — так велико расстояние. Смотришь в бинокль и долго наблюдаешь прекрасных птиц. Дрофы спокойно пасутся, и только один старый дрофич стоит где-нибудь в стороне и зорко следит, не грозит ли опасность. На всю жизнь запомнилась мне эта картина, этот степной простор, раздолье и все то радостное и чудесное, что пережил я в это утро.

В нашей коллекции было два экземпляра великолепных дрофичей в брачном наряде, добытых на охоте 25 мая 1922 г. в Каменной степи. Это огромные птицы: вес каждой дрофы равнялся 8 кг, размах крыльев — 2,22 м. В их желудках были обнаружены растительные остатки и крупные жуки (степные копры), причем некоторые жуки были проглочены целиком.

Помимо обширного коллекционного материала, экспедиция собрала много интересных и новых данных по биологии и распространению отдельных видов. Особенно много внимания мы уделяли изучению биологии размножения птиц. Здесь я впервые познакомился с гнездами таких интересных видов, как орел-могильник, большой подорлик, орел-карлик, балобан, малая поганка, серая куропатка, вяхирь, ястребиная славка, варакушка и многих других птиц.

Хреновской лес, раскинувшийся среди степи, был прекрасным местом для орнитологических исследований и наблюдений.

Нас поразило обилие и разнообразие видов хищных птиц, населяющих его. Здесь гнездились орлы-могильники, большие подорлики, орлы-карлики, балобаны, чеглоки, осоеды, сарычи, болотные луни, ястреб-тетеревятник, коршун и орел змеяд. Подобного изобилия хищников в одном лесном массиве нам больше нигде не приходилось встречать. Не представляли редкости филины и серые неясыти. Многочисленны были козодои, клинтухи, горлицы, сизоворонки, удоы, седоголовые дятлы. В пойме реки Битюг гнездились большое количество варакушек.

Помню, как мы с В. Г. Гептнером проводили в Хреновском лесу круглосуточное наблюдение с биноклем, часами и записной книжкой у гнезда балобана. Это наблюдение дало весьма интересный материал. Мы видели, как балобан-самец с криком подлетал с добычей в когтях и, передав ее самке, снова улетал в степь на охоту. А самка летела на гнездо кормить птенца, который, по-видимому, был очень голоден. Он громко, нетерпеливо пищал, требуя пищи. По нашим наблюдениям, добычей балобана во время гнездового периода служат здесь главным образом суслики, которых хищники ловят в окрестных степях. Чаще всего балобаны нападают на многочисленных в этих местах горлиц, клинтухов, соек и сизоворонок. Подобные длительные наблюдения у гнезд с точной фиксацией всех наблюдаемых явлений впоследствии получили у орнитологов признание и стали широко применяться.

Весьма обыкновенны были в Хреновском лесу орлы-могильники. Здесь ежегодно гнездились несколько пар этих орлов. Нам приходилось находить их громадные гнезда, заложенные на вершинах вековых сосен и дубов. Очень эффектную картину представляют орлы-могильники, когда на вечерней заре два грозных хищника, вернувшись с охоты в степи, сидят на гнезде, чистятся, отдыхают и смотрят на лесную даль...

Одно из наиболее интересных наших открытий в Хреновском лесу — гнездование малой поганки (*Podiceps ruficollis*), ранее совершенно не известной в Воронежской губернии. Гнездо было найдено 31 июля на Моховом озере. Гнездо плавучего типа, сделанное на воде, около заросли тростника, под полузасохшим кустом, представляло довольно массивную постройку из различных водяных растений с очень небольшим лоточком посередине. В гнезде лежали три сильно насиженных яйца (с готовыми к выклеиванию птенцами). Рядом держался выводок малой поганки, состоящий из четырех еще очень маленьких птенцов, по всей вероятности, день-два тому назад выведшихся из яиц. Когда мы стали преследовать птенцов на лодке, они, характерно мотнув головками, сразу, словно по команде, нырнули и, проплыв немного под водой, снова показались. Но на этот раз виднелся только самый кончик клюва каждого птенца, выставленный из воды. Поразительна способность птенцов вести себя как взрослые птицы — нырять в момент опасности и плыть, погрузившись в воду,

выставив только клювик, и таким образом очень ловко уходить от преследования. С выводком держался самец, который особым тихим односложным покриком предупреждал птенцов об опасности. Одного из них нам удалось поймать, его розоватый клювик сохранял еще на конце белый «зубец», служащий птенцам для разрушения скорлупы.

На глухих болотах Хреновского бора гнездились журавли. Однажды на небольшом пересохшем болоте, поросшем кустарником и осокой, я встретил выводок журавлей. Заметив меня, осторожные птицы начали отбегать в разные стороны и, громко закричав, улетели в лес, причем по временам где-то поблизости был слышен их тревожный крик. Я тщательно обыскал все болотце и наконец нашел одного птенца, который затаился на сухом месте под деревом, плотно прижавшись к земле. Когда я стал ловить его, журавленок с тихим шипеньем начал очень храбро и энергично защищаться и, что особенно интересно, даже сам старался нападать и с яростью, которую трудно было ожидать от столь еще слабого существа, клевал мою руку. Журавленку было, по-видимому, только 5—6 дней.

В Воронежской губернии я встретил много новых для себя видов птиц, среди которых были орел-змееяд, малая выпь, черношейная поганка, малый погоньш, средний пестрый дятел, сизоворонка, золотистая шурка, мухоловка-белошейка.

Уже в середине августа в Каменной степи, где находилась постоянная база экспедиции, начался пролет птиц, изучению которого мы уделяли тогда много внимания и времени. В посадках Докучаевской опытной станции появились пролетные серые и малые мухоловки, пеночки, козодои и многие другие. Непривычно и странно было видеть в степи желтоголовых корольков — обитателей больших хвойных лесов. Эти юркие крошечные птички небольшими стайками перелетали по редким кустикам, разбросанным кое-где по голой степи.

На степных прудах держалось довольно много пролетных куликов, среди которых встречались и северные виды — чернозобики, малые и белохвостые песочники, краснозобики, грязовики, круглоносые плавунчики, турухтаны, зуйки-галстучники. Вскоре потянулись к югу косяки журавлей. Наступала осень. Стояли хорошие теплые ясные дни. Мы заканчивали экспедиционную работу и собирались возвращаться в Москву. Но перед отъездом неоднократно выезжали в степь, чтобы лишний раз побыть среди природы, на широком просторе привольных степей.

В первых числах сентября на двух телегах покатали мы по гладкой степной дороге в Новохоперский уезд. Дорогой видели пролетающих дроф и несколько пар стрепетов. Недалеко от Каменной яруги свернули с дороги и вскоре подъехали к становищу сурчатника, промышлявшего здесь сурков. Около шалаша сушились 16 шкур сурков, натянутых на специальные распорки. Рядом, в особо сделанной земляной печи, в большом котле, вываривалось

сало зверьков, которое считалось целебным и очень ценилось. По шкуркам было видно, что все сурки убиты пулей в голову или шею. Надо отметить, что в то время в г. Павловске выдывались особые ружья для охоты на сурков. Это шомпольные одностволки с длинным стволом, внутренний канал которого делался не круглым, а граненым. Подобные ружья, несмотря на свой весьма примитивный облик, бьют очень точно. Охотники стреляют зверька в голову почти без промаха; они не признают другого оружия для этой охоты.

К сожалению, хозяина становища мы не застали, он охотился в степи и нам не удалось посмотреть его ружье, а также получить интересующие нас сведения о сурчином промысле. В некоторых местах Бобровского и Новохоперского уездов в то время существовал постоянный промысел сурков. Нам говорили, что видели у некоторых охотников до 150 добытых зверьков.

\* \* \*

Во второй половине сентября экспедиция возвратилась в Москву. Мы приступили к разборке привезенных коллекций и научной их обработке. Эта работа очень увлекла меня. Опять по целым дням проводил я в Зоологическом музее. Однажды, 15 октября, Сергей Иванович предложил мне писать вместе раздел «Птицы» в книге «Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии». Это лестное для студента предложение я принял, конечно, с большой радостью. В конце 1923 г. паша книга вышла из печати. Это был мой первый успех в науке.

Впоследствии, самостоятельно работая в экспедициях по изучению фауны Советского Союза, я много раз с благодарностью вспоминал свою первую экспедицию и своего учителя Сергея Ивановича Огнева.

## *В ярославских лесах*

Зимой 1953 г. приехал я на Рыбинское водохранилище, где незадолго до этого была создана Биологическая станция Академии наук Борок. Место здесь было довольно глухое, до ближайшей станции железной дороги около 20 км. Без конца, без края на десятки километров вокруг тянулись леса. В ожидании весны я ходил на лыжах по окрестным лесам, наблюдая зимнюю жизнь их обитателей. Несмотря на суровые условия зимы мне удалось обнаружить за два месяца 35 видов зимующих здесь птиц, среди которых оказалась и самая маленькая наша птица — королек.

В этом районе зимовали следующие виды птиц: сорока, ворона, галка, ворон, сойка, клест-еловик, снегирь, щур, чечетка, полевой воробей, овсянка обыкновенная, синица большая, гаичка,

московка, длиннохвостая синица, королек, пищуха, поползень, серый сорокопуд, большой пестрый дятел, белоспинный дятел, трехпалый дятел, малый дятел, седоголовый дятел, желна, серая неясыть, филин, мохноногий сыч, сычик-воробей, белая сова, ястреб-перепелятник, ястреб-тетеревятник, тетерев, глухарь, рябчик.

В погожие солнечные дни слышалось пение клестов-еловиков и красивая флейтовая песня шура. В 1953 г. благодаря хорошему урожаю еловых семян здесь держалось много клестов, которые, несмотря на мороз, приступили к гнездованию. Мне удалось зайти два гнезда и сделать ряд интересных наблюдений по биологии размножения этого вида (о чем расскажу в специальном очерке). Однажды, в конце февраля, мой preparator В. В. Аверкиев добыл белую сову, гнездящуюся на Крайнем Севере, в тундре, и прилетающую к нам только на зимовку. Это была молодая птица в темном поперечно-полосатом оперении. В желудке у совы оказались две полевки.

Впоследствии с В. В. Аверкиевым мы совершили много орнитологических походов по ярославским лесам. Прекрасный preparator и замечательный охотник-натуралист, он очень хорошо помогал мне в работе. За несколько лет им был создан в Борке весьма интересный музей местной фауны.

Уже в самом начале марта появились первые признаки приближающейся весны. Звонко кричали большие синицы, пели овсянки. 18 марта прилетели первые грачи, а через два дня — скворцы. Затем после небольшого интервала начался массовый прилет птиц, каждый день мы отмечали новые виды — прилетели жаворонки, чибиcы, белые трясогузки, кряквы, вахири, дрозды-рябинники... Сороки перекочевали в лес, к местам своего гнездования. Очень оживились чечетки: они летали шумными стайками, причем самцы издавали весьма своеобразную дребезжащую трель, которую никогда не было слышно зимой; она, несомненно, являлась брачным призывом самцов. На основании этого я сделал предположение, что чечетки останутся здесь гнездиться. Действительно, это предположение довольно скоро подтвердилось нахождением их гнезд.

В марте некоторые оседлые птицы уже приступают к гнездованию. Особенно рано гнездится ворон. Первое гнездо, найденное мною в ту весну, принадлежало серой неясыти. Оно находилось в старом парке и было сделано в дупле сломанной осины. 11 апреля сова сидела на гнезде и только после нескольких повторных ударов по стволу слетела с него. В гнезде оказалось пять слабо насиженных яиц.

19 апреля мы с В. В. Аверкиевым выехали на охоту в деревню Завражье. Стояли чудесные весенние дни. Над полями звенели жаворонки, кричали чибиcы. Пролетела стая больших кроншнепов. Дорогой видели луговых коньков, камышовых овсянок, пустельгу, куликов-чернышей. Привольно и радостно было ехать



в этот изумительный день по весенней дороге среди родной среднерусской природы.

Завражье — маленькая деревенька, затерявшаяся среди лесов и полей. Мы остановились в домике на окраине деревни; напившись чаю и побеседовав с хозяйкой, отправились на глухариный ток с ночевкой в лесу.

Дорога шла через моховое болото, поросшее небольшими, чахлыми соснами. Здесь мы нашли гнездо чечетки с четырьмя уже сильно насиженными яйцами. Гнездо помещалось между тремя стволами сухой ольхи, у большого куста можжевельника, на высоте 115 см. Самка сидела на гнезде. Эта находка представляла для меня значительный интерес, так как раньше мне не приходилось находить гнезда чечетки.

Недалеко от глухариного тока расположились на ночевку. Вечером протянуло несколько вальдшнепов. В 3 ч 20 мин утра, погасив костер, тронулись на ток. Через некоторое время мы разошлись, и вскоре я услышал токование глухаря. Где-то недалеко токовали тетерева. Вот громко закричали журавли. Рассветало. Затоквали бекасы, ворон полетел за добычей...

В это утро, уже после окончания тока, В. В. Аверкиев застрелил налетевшего на него глухаря. Мы довольно долго вместе искали его по болоту и наконец я наткнулся на убитого глухаря, лежавшего с распростертыми крыльями на земле. Это была прекрасная, могучая птица.

Вскоре здесь же на моховом болоте мы нашли второе гнездо чечетки. Оно помещалось на небольшой сосне, около ствола, на высоте 2 м 60 см. В гнезде оказалось шесть яиц такой же степени насиженности, как и в первом. Окраска яиц — по голубовато-зеленовату фону разбросаны рыжеватые пятнышки и точки, гуще сконцентрированные на тупом конце яйца. По-видимому, это было спорадичное гнездование чечеток, так как на следующую год весной мы их здесь уже больше не встречали.

В одном месте, на моховом болоте, мы наблюдали стайку свиристелей (15 экземпляров), кормившихся клюквой. Раньше эта ягода была указана в пищевом рационе свиристелей только Н. А. Зарудным по зимним наблюдениям в Псковской губернии.

Следующую ночь мы снова провели в лесу, у глухариного тока. Ночью над болотом токовал гаршнеп. Где-то недалеко от нашего лагеря выли волки. Громко кричала серая неясыть.

На току в ту ночь, по-видимому, было шесть-семь глухарей и несколько глухарок. Интересно, что здесь же на моховом болоте находился и тетеревиный ток. Утром, возвращаясь к лагерю, я застрелил тетерева, токовавшего на вершине ели.

В это утро мне удалось впервые за все время моих исследований найти гнездо чижа. Редко кому из орнитологов приходилось находить гнезда чижей — так искусно, на больших елях, скрывают его птицы. Найденное гнездо помещалось на ели, на высоте 8,5 м. Оно было совсем готово, но кладка яиц еще не



Сычик-воробей

начиналась. Основу его составляет зеленый мох, снаружи сухие тонкие еловые веточки. Самку я застал в гнезде; самец сидел на соседней осине и пел.

Несколько далее наблюдали воробьиного сычика, который сидел на сломанном стволе осины. Несмотря на свой маленький размер, сычик — очень энергичный и смелый хищник. Его добычей являются как мелкие птицы, так и мелкие зверьки. Замечательна одна особенность в биологии воробьиного сычика — его зимние запасы пищи. В районе станции Вербилки Талдомского района Московской области Е. Б. Климик обнаружила 12 декабря в одной из своих дуплянок, висевшей на старой ели в темном елово-сосновом лесу, запас пищи воробьиного сычика. Он состоял из семи птиц (три гаечки, два королька, лазоревка, пищуха) и десяти зверьков (три рыжие полевки и семь землероек).

Вечером отправились на тягу.

Тяга была хорошая — протянуло девять вальдшнепов. Я стрелял по четырем, из которых двух добыл. Вечером кричали на болоте журавли, токовали бекасы.

На небольшом лесном болотце наблюдали интересную картину. Множество голубых лягушек (примерно 250—300 особей) собралась здесь в брачный период. Это было очень красивое зре-

лище, и пришлось пожалеть, что у нас не было цветной пленки. Лягушки издавали довольно приятный воркующий звук, несколько напоминающий далекое бормотание тетеревов. Мы долго стояли на берегу, любуясь необычной красотой, которую так неожиданно открыла перед нами природа.

Эти чудесные лягушки — довольно обыкновенные в наших среднерусских лесах остромордые лягушки, самцы которых ранней весной в течение двух-трех недель носят ярко-голубой брачный наряд.

\* \* \*

Спустя два месяца, 24 июня, мы снова выехали на несколько дней в леса. Стояли жаркие летние дни. Среди ржи интенсивно пели камышевки-барсучки. На ночевку остановились в деревне Дубцы.

Утром отправились на экскурсию по окрестным лесам. В тот день видели сорокопуга-жулана, зябликов, мухоловок-пеструшек, малых мухоловок, хохлатых синиц, зарянок, пеночек-трещоток и других птиц.

В смешанном лесу из ели и березы с примесью ольхи нашел гнездо снегиря, расположенное на небольшой елочке на высоте 3 м и в 80 см от вершины, у ствола. Причем опорой ему служила только одна ветка. Гнездо сделано почти исключительно из тонких, сухих еловых веточек; лоточек немного выстлан шерстью лося. Постройка его довольно небрежная — стенки и дно просвечивали насквозь. Весьма характерен для данного гнезда глубокий лоточек, делающий его довольно своеобразным, не похожим ни на какое другое гнездо мелкой птицы. Размер лоточка 7X7,5 см, глубина его 6 см. В гнезде оказалось пять птенцов шестидневного возраста и одно яйцо. Птенцы были еще почти голые и имели темно-красную окраску. Кроме эмбрионального пуха на голове, спине и боках, на крыльях показались уже пеньки. Снегири вели себя очень осторожно: когда я осматривал гнездо, они не подлетали к нему, и только изредка где-то в стороне слышался их тихий посвист. Эти очень спокойные и доверчивые птички в обычных условиях мало опасаются человека, но у гнезда ведут себя чрезвычайно осторожно и скрытно, не обнаруживая своего присутствия. По-видимому, именно поэтому гнезда снегирей находят очень редко, и мало кому из орнитологов выпадала эта удача.

Через четыре дня мне снова удалось сделать интересную находку. На опушке лесной поляны, среди поросли ольхи, нашел я гнездо вальдшнепа. Этот участок леса состоял из ели, ольхи и березы. Гнездо помещалось на земле, у основания ольхового куста, под прикрытием травы. Гнездовая ямка была выложена сухими листьями, растительной трухой и перьями насиживающей птицы. В ней лежало четыре сильно насиженных яйца. Вальдшнеп мол-

ча тяжело слетел, когда я находился в 3 м от гнезда, и больше не появлялся.

30 июня мы разбили наш лагерь на лугу среди хорошего смешанного леса. Из наиболее редких птиц здесь нам пришлось наблюдать осоеда, чеглока, клинтуха, ворона, пару журавлей и, что особенно интересно, сизоворонку, которая постоянно охотилась на лугу, недалеко от нашей палатки, откуда улетала с добычей в лес, где находилось ее гнездо. Как-то непривычно было видеть в ярославских лесах эту ярко окрашенную птицу, населяющую открытый ландшафт нашего юга. Надо отметить, что на следующий год, 18 мая, мы встретили пару сизоворонок близ Борка.

Экскурсируя в районе лагеря, нашел интересное гнездо зеленой пеночки (*Phylloscopus trochiloides*), расположенное не совсем обычно. Оно помещалось не на земле, а в полудупле сломанного сухого ствола ольхи, на высоте около 3 м, и было сделано из мха и сухих листьев. В гнезде находилось пять совершенно не насиженных яиц чисто-белого цвета.

На следующий день, возвращаясь в Борок, наткнулись мы на гнездо ежа, которое находилось на склоне канавы, у дороги, и было сделано из сухой травы и сухих листьев. В нем оказалось семь маленьких ежат и самка. Ежата представляли очень забавных зверушек, они совершенно не опасались моего близкого соседства и спокойно занимались своим делом, самка же при приближении к ней свертывалась в клубок. Эту милую колючую семейку я сфотографировал.

Максимальное количество ежат в семье — восемь. Пищу ежа составляют различные насекомые, черви, лягушки, ящерицы, змеи. Кроме того, ежи пожирают яйца и птенцов гнездящихся на земле птиц.

## *В дельте Воли*

Спустя год после окончания университета, в 1926 г., я поехал работать в Астраханский государственный заповедник, расположенный в дельте великой русской реки, на побережье Каспийского моря.

Недавно организованный заповедник только начинал свою научную деятельность. Охрана заповедника ютилась в небольших временных домишках, окруженных сплошной стеной тростника.

Директором заповедника был Александр Григорьевич Дюнин, по образованию лесничий. Этот замечательный и очень энергичный человек, обладавший большой инициативой и организаторскими способностями, положил много сил и труда, чтобы организовать охрану заповедника, развернуть строительство кордонов и начать научную работу.

За длительный срок, прошедший с тех пор, в заповеднике работало много зоологов, которые выполнили значительное количество интересных и ценных работ самого широкого профиля.

Мне, в то время начинающему орнитологу, Астраханский заповедник дал очень много. Помимо изучения птиц волжской дельты, весьма богатой и своеобразной, я имел возможность проделывать несколько поездок в различные районы прикаспийских степей, которые местами носили хорошо выраженный характер полупустынь. Они дали ряд интересных фаунистических находок, среди которых можно отметить нахождение здесь на гнездовой пустынной славки (*Sylvia nana*), белоусой славки (*Sylvia mystacea*), пустынного серого сорокопута (*Lanius excubitor pallidirostris*). Интересно также было наблюдение в летний период в Прикаспии долгохвостых орланов (*Haliaeetus leucoryphus*). Во время этих исследований я впервые познакомился с журавлем-красавкой, чернобрюхим рябком и кречеткой — типичными представителями степного и пустынного ландшафта.

Дельта Волги — царство птиц и, следовательно, хорошая школа для орнитолога. Среди многочисленных речных протоков, ильменей и затонов, в зарослях тростника и рогоза находит себе убежище огромное количество птиц. В ивовых лесах расположены обширные гнездовые колонии, состоящие из тысяч гнезд бакланов, четырех видов цапель, колпиков и караваек. Эти гнездовья представляют большой интерес. Когда весной или в начале лета подъедешь к гнездовой колонии на лодке, то невольно поражаешься тому количеству, тому разнообразию птиц, которые собралось здесь для вывода птенцов. Расположение гнезд в колонии у различных видов более или менее постоянно и характерно. Так, например, бакланы занимают всегда крайние деревья, стоящие на берегу реки, у самой воды. Дальше, в лесной чаще, гнездятся остальные обитатели колонии, причем большие гнезда серых цапель и колпиков помещаются довольно высоко от земли. Гнезда малых белых цапель, квакв и караваек расположены ниже. И, наконец, еще ниже строит свои маленькие примитивные гнезда желтая цапля.

Часто на одном дереве помещается несколько гнезд. Однажды мне пришлось видеть дерево, на котором гнездились четыре вида птиц — серая цапля, кваква, каравайка (два гнезда) и сойка. А на соседнем дереве я обнаружил в старом гнезде кваквы гнездо ушастой совы с пятью яйцами.

Большой вред приносят заповеднику вороны, истребляя яйца и птенцов в гнездовых колониях. Эти хитрые и умные птицы в пределах заповедника нашли благоприятные условия для размножения и стали здесь очень многочисленны. Разбойничьи налеты ворон производят большое опустошение в гнездовых колониях. Они обычно сопровождают каждую лодку, подъезжающую к колонии. Как только бакланы, кваквы, каравайки и другие обитатели колонии, потревоженные появлением человека, начинают ос-

тавлять свои гнезда, вороны моментально подлетают к ним и быстро растаскивают яйца или же прямо на месте разбивают их и пьют. Вороны разоряют гнезда в колониях, где расхищают яйца, а также птенцов таких интересных и ценных птиц, как белые цапли, каравайки, кваквы, желтые цапли и другие; кроме того, вороны разоряют гнезда гусей, уток и лысух. Даже такие крупные птицы, как серые цапли, не застрахованы от их нападения. Однажды я наблюдал в гнездовой колонии, как ворона тащила маленького птенца из гнезда серой цапли. За счет гнездовых колоний питаются взрослые вороны и выкармливают своих птенцов, находящихся в гнездах. При анализе содержимого желудков птенцов ворон были обнаружены кусочки скорлупы от яиц каравайки, кваквы и серой цапли.

Висячие гнезда многочисленных здесь ремезов также подвергаются нападению ворон.

Кроме того, вороны совершенно лишают возможности ученых и стражу заповедника проникать в колонии для научных исследований, наблюдений и охраны участка, так как при каждом посещении колонии человеком вороны уничтожают сотни яиц. В результате изучения в течение нескольких лет фауны заповедных участков и постоянного наблюдения взаимоотношений отдельных видов, населяющих их, мне пришлось констатировать, что в некоторых случаях необходимо вмешательство человека. Вороны, приносящие столь очевидный и значительный вред, должны подвергнуться здесь преследованию, так как в противном случае быстрое увеличение их численности неблагоприятно отразится на птичьем населении заповедника.

Следует отметить, что грачи, гнездящиеся в дельте Волги, иногда в общей колонии, также нападают на гнезда (после того как сидевшие на них птицы слетели) и здесь же на месте расклевывают яйца и выпивают их содержимое. Но подобный разбой они проделывают весьма неуверенно и робко, сильно отличаясь в этом отношении от ворон. Несомненно, это указывает на то, что подобное добывание пищи для данного вида — вновь приобретенное, еще не твердо укоренившееся свойство. Однажды мне пришлось наблюдать, как грачи, гнездящиеся в общей колонии, таскали яйца из гнезд малых белых цапель и караваяк и кормили ими своих птенцов. По-видимому, грачи проходят здесь хорошую школу, наблюдая за разбойничьими налетами ворон на гнезда своих соседей, и, как видно, весьма успешно.

Самая многочисленная и характерная птица приморской части дельты — кваква. Тысячи этих красивых птиц гнездятся в устье Волги. Белые цапли в начале XX в. были почти совершенно истреблены на побережье Каспия. Восстановление их численности, как и многих других птиц, началось в дельте Волги только с момента организации Астраханского заповедника.

Сто лет тому назад известные русские зоологи М. Н. Богданов и В. Е. Яковлев писали, что кудрявый пеликан во множество

гнездится в дельте и по нижнему течению Волги. Но впоследствии количество пеликанов здесь значительно сократилось, а гнездование их в дельте стало весьма редким и, может быть, даже носило случайный характер. В первые десятилетия XX в. пеликаны здесь уже не гнездились. И только весной 1930 г. мне пришлось быть свидетелем того, как эти огромные своеобразные птицы после длительного перерыва снова загнездились в устье великой реки, исстари бывшей местом их гнездовья. Это также один из весьма разительных примеров восстановления фауны волжской дельты благодаря заповеднику.

Интересно отметить, как быстро птицы, населяющие заповедник, не преследуемые человеком, перестают опасаться его. Такая осторожная птица, как серый гусь, гнездилась близ самого кордона, на расстоянии каких-нибудь 350 м от дома. Одно гнездо лысухи, сделанное в тростнике, на берегу небольшого ерика, находилось всего лишь в 33 м от дома. Однажды в густой заросли ивового кустарника и тростника, в 36 м от нашего дома, мною было найдено гнездо камышницы.

Из крупных млекопитающих в дельте весьма обычны кабаны; их свежие следы и места лёжек приходится видеть почти ежедневно. Во время сильной моряны<sup>1</sup> на высоком берегу одного из протоков на протяжении километра мы насчитали более ста кабанов. Звери, обессиленные продолжительной голодовкой и холодом, издавали сильный крик и визг. В этот трудный для них период кабаны иногда подплывали к самому кордону, совершенно не обращая внимания на людей и собак.

В заповеднике встречаются выдры, горностаи, волки и лисы. В качестве случайного элемента фауны дельты можно отметить еще сайгаков, которые забегают сюда зимой из прикаспийских степей. Несмотря на то что появление сайги в дельте Волги — явление довольно редкое, мне пришлось однажды, 26 мая 1928 г., встретить одного сайгака в Обжоровском участке заповедника, километрах в пяти от моря. Я долго наблюдал в бинокль за прекрасным животным. Сайгак два раза замечательно легко и быстро переплывал широкую реку, превосходно справляясь с быстрым течением. Непривычно было видеть этого типичного обитателя сухих степей и полупустынь плывущим по реке. Это наблюдение говорит о том, что во время миграции даже крупные реки не могут служить сайгакам преградой.

Изучение фауны волжской дельты очень меня увлекло. Здесь я впервые встретил несколько новых для себя видов птиц. Особенно привлекали меня каравайки, колпики, два вида белых цапель, рыжая и желтая цапли, кваквы, серые гуси, пеликаны, усаые синицы, широкохвостые камышевки и многие другие.

\*\*\*\*\*

<sup>1</sup> Моряна — ветер с моря, поднимающий уровень воды в приморской полосе дельты.

Очень много времени проводил я в разездах на лодке то по многочисленным протокам и ильменям, то выезжая на взморье, на песчаные косы и отмели.

Здесь же впервые в дельте Волги мною были начаты работы по кольцеванию птиц. В гнездовых колониях кольцевали исключительно молодых, еще не летных птиц следующих видов — квакв, белых, серых и желтых цапель, караваек и колпиков. Во время линьки водоплавающих кольцевали главным образом различных уток — крякв, серых уток, шилохвостей, широконосок, свиязей, чирков-свистунков и трескунков, а также серых гусей. Кроме того, закольцевали лысух, больших поганок, красноголовых нырков, белоглазых нырков и молодых орланов-белохвостов. За время моей работы в Астраханском заповеднике закольцовано четыре тысячи птиц.

Очень скоро наши работы по кольцеванию птиц в дельте Волги дали интересные результаты. Стали поступать сведения о закольцованных птицах из различных районов Европы, Азии и Африки. Так, например, пришло письмо из Италии, в котором сообщалось, что в провинции Венеция в конце января 1929 г. добыта закольцованная кряква. Эта утка была закольцована мною в дельте Волги 2 августа 1927 г. Молодую квакву, закольцованную на гнездовье 8 августа 1928 г., добыли в том же году 14 октября в Центральной Африке. Второй экземпляр молодой кваквы, также закольцованный на гнездовье 22 июля 1927 г., добыли на острове Комино в Средиземном море 19 сентября 1929 г. Шилохвость, закольцованная 29 июля 1927 г. в период линьки, добыта на зимовке 25 декабря того же года в Северной Африке (в 40 км к югу от Каира).

Подобные сообщения поступали в течение нескольких лет, давая нам точный, документальный материал о направлении миграции и зимовках наших птиц.

Своеобразные экологические условия существования в дельте вырабатывают у животных ряд специфических приспособлений. Например, поздний и довольно продолжительный весенний паводок, когда огромная территория дельты бывает затоплена, заставляет даже уток гнездиться на деревьях. Однажды в старом гнезде орлана была найдена кладка кряквы, содержащая пять яиц. Утка сидела на гнезде. В другой раз я обнаружил крякву в старом гнезде на высоте 2,5 м от земли. В гнезде оказалось восемь сильно насиженных яиц. Среди затопленных ив в старом гнезде коршуна найдено гнездо серой утки, в котором было восемь сильно насиженных яиц.

В это время прибрежные леса — места гнездовья цапель, колпиков, караваек и бакланов — также бывают затоплены поймой водой. В этих затопленных гнездовьях встречались крупные сомы, которые, по словам наблюдателей заповедника, постоянно в половодье держатся здесь и подбирают птенцов, упавших из гнезд, причем не только случайно упавших. Иногда сом сильным ударом



по стволу дерева «страхивает» только что перебравшихся из гнезда на дерево птенцов, которые падают в воду и становятся его добычей.

Весеннее половодье особенно тяжело и губительно отражается на млекопитающих. Немало зверей погибает здесь в это время. Все низкие берега покрыты водой, затоплены тростниковые крепи, лесные заросли, а стремительные потоки мутной воды все катятся и катятся в море...

Как-то в середине июня, проезжая на лодке, мы видели на берегу реки двух лисиц, забравшихся от воды на большой куст. Звери имели явно утомленный вид; они очень близко подпустили к себе нашу лодку и неохотно оставили свое место. Однажды в тростниковых зарослях вдоль небольшой протоки я увидел на дереве, среди сучьев, скелет лисицы. По-видимому, она забралась сюда во время половодья, спасаясь от воды, но застряла в сучьях, не смогла сойти на землю и погибла (ноги провалились между сучьев, зверь потерял опору и повис).

Не только звери, но и люди в это трудное время попадают в беду. Как-то в половодье после нескольких утомительных поездок по заповеднику я решил побыть воскресный день на кордоне — отдохнуть, привести в порядок записи наблюдений, написать письма. Все предвещало спокойный день, но получилось не так... Мы расположились у домика наблюдателей за завтраком, и хозяйка подала на стол воскресные пироги. Вдруг я увидел, что по Кордоньему ерику быстрое течение несет тонущего мальчика — сына одного из наших наблюдателей. Мальчик из последних сил барахтался в воде, то появляясь на несколько секунд на поверхности, то снова погружаясь в воду. Я выскочил из-за стола и, быстро пробежав те немногие метры, которые отделяли нас от ерика, бросился в воду. Когда голова мальчика снова показалась из воды, мне удалось схватить его и вытащить на берег. Помощь подоспела вовремя. Опоздай я буквально на несколько секунд, трагический конец был бы неизбежен.

Как выяснилось впоследствии, мальчик ловил рыбу с помоста, расположенного несколько выше того места, где я его вытаскил. Поскользнувшись, он упал в воду и сразу попал в трудное положение, так как не умел плавать. Во время половодья в ерике образуется быстрое течение, а в нескольких десятках метров Кордоний ерик впадает в широкую и глубокую реку Обжорову с очень быстрым течением и водоворотами. Эта река в половодье и для хорошего пловца представляет большую опасность.

Только в начале второй половины июня вода начинает здесь понемногу спадать. Освобождаются от воды и обсыхают более высокие места. Теперь можно не только передвигаться на лодке, но и идти пешком по берегу. Этой возможностью я и постарался скорее воспользоваться.

В это же время в приморской полосе дельты черепахи начинают откладывать яйца. 27 июня на склоне сухого бугра, на бе-

регу реки, набрел я на черепаху, откладывающую яйца. В песке была вырыта воронкообразная ямка диаметром 25 см, на дне которой находилось круглое отверстие диаметром около 5 см, ведущее в расширенную камеру, где лежало 15 только что отложенных яиц. Когда я подошел, черепаха сидела в ямке, а около нее с одной стороны возвышался небольшой бугорок рыхлой, обильно смоченной земли.

Взяв найденные яйца, я положил их на вату в железную коробку и, закрыв ее плотно крышкой, поставил дома в темный шкаф. В дальнейшем постоянные разъезды совершенно не оставляли у меня свободного времени, и я вскоре забыл о своей находке. Только 6 сентября, т. е. спустя 72 дня после описанного случая, я, вспомнив о яйцах черепахи, открыл коробку и обнаружил в ней трех только что выведшихся маленьких черепашек. Некоторые из яиц были также уже пробиты, и в них шевелились черепашки. Я поставил коробку с яйцами на солнце, а затем выложил их прямо на землю. В течение 2—3 часов из яиц одна за другой вышли все остальные черепашки. Таким образом, я имел возможность хорошо наблюдать скрытый от человеческого глаза процесс.

Очень интересно то обстоятельство, что, несмотря на столь неблагоприятные условия, в которых находились яйца, значительно отличающиеся от нормальных условий развития в естественной обстановке, не погибло ни одно яйцо и все черепашки благополучно вывелись из них. Выйдя из яиц, черепашки сейчас же начали ползать и легко перебирались через небольшие препятствия в виде комков земли, небольших камешков и т. п. Некоторые из них ползали, таща за собой скорлупу яйца. Верхний щит только что вылупившихся черепашек имеет несколько более продолговатую форму, чем у взрослых особей, благодаря тому что бока его немного опущены книзу. Спустя некоторое время щит выпрямляется, получая свою обычную форму. Размер его в среднем имеет 25,8X23,0 мм. Из яиц черепашки вылупляются зрячие; на верхней челюсти, между ртом и носовым отверстием, находится у них маленький очень острый и твердый «зубец» белого цвета, служащий для разрушения скорлупы при выходе из яйца. Как известно, аналогичное образование, так называемый яйцевой зуб, имеют и птенцы. Интересно, что яйцевой зуб, быстро исчезающий у птенцов, очень долгое время сохраняется у молодых черепашек. Они жили у меня более трех месяцев и все еще имели это образование.

Должен сказать, что маленькие черепашки — очаровательные создания. Наблюдения за ними были очень интересны и доставляли мне много радости.

В дельте Волги очень много крупных лягушек. Как-то в первых числах сентября на песчаных косах взморья я застрелил в ивовом кустарнике бормотушку (*Hypoplaeus caligata*). Не успел я сделать несколько шагов, как к ней быстро подпрыгнула круп-

ная лягушка и, моментально схватив ее в пасть, пачала заглатывать. Подобный случай наблюдал зоолог К. Ф. Кесслер: на его глазах озерная лягушка схватила и унесла подстреленную камышевку, которая упала в воду.

Принято считать, что добычей лягушек становятся только насекомые, пауки, улитки, черви и некоторые другие беспозвоночные. Но это далеко не так. Озерная лягушка — самый крупный вид среди наших земноводных — довольно хищное животное. Помимо беспозвоночных, она поедает также мальков рыб, головастиков, лягушат, взрослых лягушек других видов и нападает на землероек и мелких птиц. Чаще всего, по-видимому, ее жертвами среди птиц становятся камышевки, обитающие в тростниковых и береговых зарослях, а также пуховые птенцы различных водоплавающих птиц и куликов.

Так как этот вопрос представляет значительный биологический интерес, я приведу здесь известные случаи нападения лягушек на птиц.

А. Н. Формозов наблюдал, как крупная лягушка этого вида схватила молодую болотную камышевку, севшую на ветку, и погрузилась с ней в воду.

В. Г. Гептнер был свидетелем нападения озерной лягушки на самку домового воробья на берегу реки Битюг в Хреновском лесу Воронежской области. Вот как описывает он этот интересный случай: «Сначала я услышал негромкий отчаянный птичий писк, а затем всего в двух метрах от себя, у самого берега, увидел огромную озерную лягушку, которая лежала, распластавшись на воде, и держала во рту воробья, захватив его за крестец сбоку п сзади. Птица была вся мокрая, клюв широко раскрыт. В попытках вырваться воробей делал отчаянные усилия, хлопая крыльями по воде, подымая водяные брызги. Совершенно измученный он немного продвинулся к берегу; не выпуская добычи, лягушка спокойно ждала, и лишь обессиленная птица прекращала свои попытки спастись, снова оттаскивала ее назад. Гибель воробья была неизбежна; он совершенно обессилен и через несколько минут был бы увлечен под воду. Чтобы положить конец этой сцене и достать интересную парочку для нашей коллекции, я ударил по лягушке палкой, но промахнулся. Птичка снова забила, а лягушка продолжала спокойно лежать на воде, не выпуская своей жертвы. Вдруг, вероятно, испугавшись, лягува бросила воробья и метнулась на дно. Воробей не двинулся с места и не шелохнулся даже, когда я взял его в руки»<sup>2</sup>.

Зоолог Н. В. Шарлемань писал: «Весьма интересную находку сделал В. А. Волосевич. Он нашел на берегу одной старицы, близ Киева, мертвую озерную лягушку (крупную самку), изо рта которой торчал также мертвый пуховой птенец чибиса. Лягушка и

<sup>2</sup> *Огнев С. и., Воробьев К. А.* Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии. М., 1923.

птенцы были еще свежи. На боку лягушки, под правой передней ногой, можно было обнаружить острый бугорок — в этом месте находился клюв птенца. Очевидно, что лягушка погибла, подавившись слишком крупной добычей»<sup>3</sup>.

Однажды наблюдали, как озерная лягушка схватила ласточку-касатку, коснувшуюся на полете водной поверхности, и нырнула с ней в глубину.

В августе 1958 г. зоолог Астраханского заповедника А. Е. Луговой наблюдал в дельте Волги нападение озерной лягушки на пухового птенца белошекой крачки. Этот интересный эпизод ему удалось сфотографировать. Кроме того, известны случаи нападения озерной лягушки на малую мухоловку, а также на пуховых птенцов малой поганки.

<sup>3</sup> Шарлемань Н. В. К биологии водяной лягушки,— «Природа», 1916. № 7-8.

# *В горах и пустынях*

## *Средней Азии*



### *По разливам Атрека и в ущелье Ай-Дере (Конетдаг)*

7 мая 1935 г. двухместный самолет J1-1607 опустился на аэродроме у туркменского поселка Гассан-Кули, расположенного на юго-восточном побережье Каспийского моря. Я выбрался из кабины самолета, снял шлем и, шурясь от ослепительно яркого южного солнца, осмотрелся по сторонам. Кругом, насколько хватало глаз, простиралась пустынная солончаковая равнина, и только на юге, завуалированная легкой сизой дымкой, возвышалась горная цепь, отдельные вершины которой еще были покрыты снегом. Эти горы находились в нескольких десятках километров, в Иране.

Пока я ходил около самолета, рассматривая окружающий меня унылый ландшафт, мой экспедиционный багаж погрузили на двухколесную арбу. Забрав также доставленную самолетом почту, мы тронулись в поселок Гассан-Кули. Он представлял собой не совсем обычное зрелище. Легкие квадратные домики стояли на высоких сваях. Много лет назад море подходило к самому поселку и в сильные штормовые ветры заливало берег и расположенное на нем селение. Между домами кое-где виднелись круглые кибитки — характерные жилища многих народностей Средней Азии.

Читатель, вероятно, спросит — зачем же понадобилось мне лететь из Москвы, за несколько тысяч километров, в туркменский поселок Гассан-Кули? Мне надо было изучать зимовку птиц на юго-восточном побережье Каспия; кроме того, хотелось познакомиться с птицами пустыни, а также понаблюдать среди природы фламинго, турачей, султанок...

На следующий день, оседлав лошадей, мы выехали в первую орнитологическую экскурсию.

По разливам Атрека и в мелководном заливе Гассан-Кули держалось много различных птиц. Мы наблюдали здесь белых и рыжих цапель, колпиков, караваек, пеганок, мраморных чирков, ходулочников, луговых тиркушек, малых крачек, белохвостых орланов, болотных луней и много других птиц. Здесь же держа-

лись и пролетные северные птицы, гнездящиеся в тундре,— чернозобики, краснозобики, камнешарки, краснозобые коньки и огромное количество круглоносых плавунчиков. Последних было особенно много на мелководном заливе и по крайкам морского побережья. Десятки тысяч плавунчиков держались здесь в это время. Находя благоприятные кормовые условия, кулички не спешили с отлетом на север, и еще долго мы встречали их в этих местах. Как известно, плавунчики очень доверчивы и мало опасаются человека.

Мне пришлось наблюдать весьма своеобразный «промысел», которым занимаются здесь мальчики. В бинокль можно было видеть, что кое-где по мелководью залива бродили небольшие группы ребят, по два-три человека. На мой вопрос, что они делают в заливе, сопровождавший нас туркмен Мамед сообщил, что мальчики промышляют куличков, которые в это время бывают очень жирными и служат хорошей приправой для плова — любимого кушанья туркмен.

В последующие дни я имел возможность уже хорошо познакомиться с этой «охотой». Она заключалась в следующем: мальчики отправлялись в залив или на взморье, где держались многочисленные стаи пролетных круглоносых плавунчиков, и избивали доверчивых куличков особым «снарядом», состоящим из толстой проволоки длиной примерно 80—90 см, на одном конце которой находится небольшой груз, другой же конец служит рукояткой. Подойдя на близкое расстояние к плавающей стае плавунчиков, мальчик с силой бросает свой примитивный снаряд и легко выбивает из взлетевшей стаи одного-двух куличков. Побродив по заливу несколько часов, маленькие браконьеры возвращаются домой с богатой добычей.

Однажды мы осмотрели сумки трех мальчиков, возвращавшихся с «охоты» в аул, и обнаружили в них 145 куликов этого вида. Другие мелкие кулики, например песочники, хотя и бывают здесь на пролете, но, будучи более осторожными, легко избегают участи доверчивых плавунчиков. Так как подобная «охота» продолжается здесь довольно длительный срок (плавунчики задерживаются на пролете весной в низовье Атрека примерно 1,5 месяца) и ведется весьма интенсивно, то можно себе представить, какое огромное количество их погибает здесь во время полета.

Чтобы прекратить дальнейшее избиение плавунчиков, мне пришлось отдать специальное распоряжение от Всесоюзного государственного заповедника Гассан-Кули, запрещающее добычу куликов «хлыстами». Через некоторое время в управлении заповедника лежала целая куча этих орудий, отобранных охраной заповедника у маленьких браконьеров.

Таким образом, многие тысячи круглоносых плавунчиков были спасены и получили возможность после отдыха на просторах залива Гассан-Кули лететь в далекую тундру на места своих гнездований.

В Приатрекской пустыне мне много раз приходилось быть свидетелем больших трудностей и опасностей, которые ежегодно встречают на своем пути перелетные птицы. И, конечно, пустыни, в частности наши среднеазиатские, представляют для многих видов перелетных птиц очень трудный и сложный участок. Отсутствие укрытий из травянистых и кустарниковых зарослей — один из важнейших факторов, создающих в пустыне для пролетных птиц исключительно неблагоприятные условия. Особенно трудно приходится плохо летающим пастушкам (*Rallus aquaticus*), погонышам (*Porzana porzana*) и коростелям. Эти птицы, как известно, обитают в травянистых зарослях, часто на болотистой почве, где наблюдать их почти невозможно, и только характерные голоса, особенно весной, выдают их присутствие. Здесь же во время пролета в условиях пустынного ландшафта они довольно обыкновенны и нередко попадают на глаза. В дни осеннего пролета они постоянно садятся в море на лодки и пароходы, идущие вдоль восточного побережья. Мальчики ловят их прямо руками даже в ауле Гассан-Кули. В октябре мне было доставлено несколько пастушков, пойманных таким образом.

Первые пролетные пастушки появляются здесь в половине сентября, интенсивный пролет их происходит в течение всего октября. В Приатрекской пустыне у местных туркмен существует даже особый промысел этих птиц. Дело в том, что пролетные пастушки, скрываясь от пернатых хищников, которые в это время также летят на юг, днем укрываются в норах и в различных углублениях почвы и только с наступлением темноты вылетают и продолжают свой путь на юг. Хорошо зная эту особенность пастушков, туркмены во время пролета ежедневно обходят бугристые пески, поросшие кое-где кустиками травы, и разыскивают притаившихся птиц, которых без особого труда ловят прямо руками. Этой же участи подвергаются также погоныши и коростели. По нашим наблюдениям, большое количество этих птиц гибнет здесь во время пролета и от хищников. Однажды, 25 октября, в песках я добыл филина, в лапах у которого был наполовину съеденный пастушок. И когда теперь в средней полосе России я слышу на вечерней заре характерный свист пастушка, мне вспоминаются давно прошедшие годы, далекий туркменский аул Гассан-Кули, вспоминается Приатрекская пустыня, через которую лежит их трудный и опасный путь на зимовку.

Близ морского побережья, у Чикишляра, есть небольшой садик, состоящий из нескольких деревьев и кустарников. Этот крохотный оазис в пустыне естественно привлекает к себе многих пролетных птиц. Они летят сюда, чтобы отдохнуть от трудного перелета через пустыню, но часть из них здесь и погибает. Дело в том, что туркмены, защищая плоды инжира от птиц, покрывают эти деревья сеткой, в которую и попадают птицы. В последних числах октября и в ноябре, посещая этот оазис, я находил в сетках, покрывающих деревья инжира, много запутавшихся и по-

гибших птиц. Среди них были сорокопуты-жуланы, скворцы, печники-тепьювки, варакушка, вьюрок, белая трясогузка, чернозобый дрозд, розовый скворец, пустельга и ушастая сова.

\* \* \*

В низовьях Атрека по заливу Гассан-Кули и на юго-восточном побережье Каспия расположена наиболее значительная в Советском Союзе зимовка птиц \*. Здесь, на пустынных просторах взморья и по разливам реки Атрека, зимует огромное количество различных водоплавающих птиц. Благоприятный теплый климат и богатство кормовых ресурсов создают необходимые условия для зимовки. Основные виды зимующих здесь птиц — утки, лысухи, серые гуси, фламинго и лебеди. Начиная с октября пустынные и молчаливые летом берега Каспия оживают, сотни тысяч птиц оглашают их своим криком. Особенно эффектно бледно-розовые фламинго: стройными рядами стоят в мелководье эти своеобразные птицы, и взморье на несколько километров кажется розовым.

Следом за пролетными стаями появляются и пернатые хищники. Наиболее обычные из них, проводящие здесь всю зиму,— сокол-сапсан и орлан-белохвост. Излюбленная станция сапсанов на зимовке — взморье; во время экскурсий постоянно приходится видеть сапсанов, сидящих на мачтах рыбацких лодок или на старых сваях. На палубе, под мачтой, на которой постоянно держится сапсан, в течение зимы скопляется большое количество погадок этого хищника и остатки его добычи (кости, лапы и крылья птиц). По нашим наблюдениям, добычей сапсанов чаще всего становятся чирки и различные другие утки. В ноябре 1938 г. во время кольцевания птиц близ Гассан-Кули значительной помехой в нашей работе являлись сапсаны и орланы. Эти хищники были на взморье обыкновенны и случалось хватали у нас на глазах только что кольцеванных уток.

Как-то, в начале декабря, мне принесли еще живого вальдшнепа, отбитого у сапсана на взморье. Однажды я наблюдал на взморье охоту сапсана на уток. Сокол сверху налетел на стаю пролетающих уток, ударил одну, и утка по наклонной линии пошла к земле. Сапсан полетел за ней. Интересно отметить, что эта охота происходила поздно вечером при лунном свете. Весной последние сапсаны наблюдались здесь мною 30 марта.

Что касается орлана-белохвоста, то из всех зимующих в Приатрекской равнине хищников, он, несомненно, самый многочисленный. Нам приходилось в декабре наблюдать на взморье одновременно до 25 орланов. В теплые солнечные дни во второй половине февраля иногда можно видеть десятки орланов, парящих высоко над взморьем. По временам слышен их громкий клекот. Вероятно, подобные воздушные эволюции стоят в связи с прибли-

\* Это описание относится к моей работе в Южной Туркмении в 1935—1940 гг.



жением брачного периода и скорым отлетом орланов на север. Основная добыча орланов на зимовке — лысухи. Причем надо отметить, что жертвами его охот, как правило, становятся наиболее упитанные птицы, которые от ожирения почти совершенно не способны летать.

Ранней весной, во время хода воблы, большое количество орланов слетается к разливам Атрека. Здесь на мелководье рыба легко становится добычей птиц. Нам приходилось в первой половине марта наблюдать на разливах Атрека множество орланов, которые сидели на земле среди травы иногда целыми группами.

С наступлением осени, в некоторые годы уже в первых числах октября, появляются в Приатректской пустыне филины из более северных областей. Это — казахский филин (*Bubo bubo turcomanus*) и западносибирский филин (*Bubo bubo sibiricus*). Первый из них бывает здесь в значительном количестве в течение всей зимы до половины марта. Второй — западносибирский филин, ранее не указанный для Туркмении, во время своих зимних кочевок к югу, по-видимому, очень редко доходит до Атрека. Среди нашей большой коллекции филинов оказалось только два экземпляра этой формы.

Надо сказать, что в летний период в качестве гнездящейся птицы в Южной Туркмении встречается только туркменский филин (*Bubo bubo omissus*), отличающийся более светлой окраской и меньшим размером.

Нам приходилось встречать зимующих филинов в пустыне, среди песков, в травянистых зарослях по Атреку, по берегам озер Делили, а также на взморье. Последняя стация с огромным количеством пролетных и зимующих птиц особенно привлекает к себе хищников, в том числе и филинов. Чаще всего их можно видеть здесь сидящими на больших рыбацких лодках, разбросанных всюду по взморью. Во время утиных охот на взморье туркмены иногда добывают и филинов, налетающих на охотника.

Малочисленность грызунов в солончаковой пустыне заставляет филинов искать более кормных угодий, каковыми и являются долина Атрека и взморье. Таким образом, последняя стация, совершенно несвойственная филинам, при обилии корма становится излюбленным местопребыванием этих хищников. В желудках филинов, добытых на зимовке, мы находили всегда только остатки птиц. Это были в большинстве случаев лысухи, утки и пастушки. По словам туркмен, филин ловит лысух на взморье ночью. В конце октября во время интенсивного пролета пастушков мне пришлось добывать филинов, державших в лапах наполовину съеденных пастушков. Таким образом, пища филинов на зимовке резко отличается от его летней пищи в условиях открытого ландшафта, которая в значительной степени состоит из млекопитающих — зайцев, песчанок, сусликов и ежей.

Во время зимних экскурсий по взморью иногда приходилось наблюдать, как сокол-сапсан с громким криком нападает на сидя-

шего где-нибудь на отмели филина, стараясь прогнать его из своего района. Однажды, 16 марта, идя по берегу Атрека, мы вспугнули с земли филина, который тяжело полетел, держа в лапах какую-то довольно крупную птицу. Через некоторое время мы снова увидели его. Филина преследовали два болотных луны. Вскоре он бросил свою ношу и полетел дальше, а луны мгновенно опустились на то место, куда упала добыча филина.

В низовье Атрека, по обширным тростниковым зарослям озер Делили, зимуют даже некоторые камышевки и пеночки. В течение всего декабря мы наблюдали здесь белобрюхих камышевок (*Cettia cetti*), тонкоклювых камышевок (*Luscinola melanorogon*) и пеночек-теньковок (*Phylloscopus collybita*). Здесь почти не бывает зимы; даже в конце октября случаются еще жаркие дни, когда в тени температура достигает  $+30^{\circ}$ . В моем экспедиционном дневнике есть следующая запись: «17 декабря 1937 г. Утром, оседлав лошадей, отправились с препаратором Анна Халлы на озера Делили. День очень хороший, совершенно летний. Летают стрекозы, бабочки и много мелких насекомых. Яркое солнце, зеленая трава и кустики селитрянки, покрытые ярко-зеленой листвой, довершают общее впечатление весны».

Исследователя невольно поражает тот резкий контраст, который приходится наблюдать здесь в зимний период. С одной стороны, постоянно встречаешь такие южные виды птиц, как турачи, султанки, скотоцерки, пустынные славки, а с другой — таежные виды — свиристели и вьюрки (*Fringilla montifringilla*). Мои зимние исследования в Южной Туркмении показали, что свиристели в своих зимних кочевках достигают Атрека. Осенью первые одиночные экземпляры их наблюдались мною в Приатрекской пустыне 13 ноября. Много раз они отмечены мною в районе Чикишляра, а также в ауле Гассан-Кули. Свиристели держались здесь обычно на кустиках селитрянки, красные ягоды которой служили им пищей. 18 января 1938 г. я видел несколько свиристелей в Ашхабаде. Литературные данные также весьма определенно указывают на то, что свиристели принадлежат к птицам, регулярно зимующим в Средней Азии.

В декабре 1939 г. ко мне в заповедник прибыла из Москвы киноэкспедиция режиссера А. М. Згуриди, которая должна была снимать на взморье зимовку птиц для фильма «Сила жизни». Особенно много внимания операторы уделяли съемке фламинго.

Спустя год я получил от «Мостехфильма» следующее отношение: «Директору Орнитологического заповедника Гассан-Кули К. А. Воробьеву. Творческий коллектив режиссера-орденоносца А. М. Згуриди недавно закончил работу над большим научно-популярным фильмом «Сила жизни». Фильм этот повсюду получил самую высокую оценку. Отмечая Ваше участие в работе над этим фильмом, киностудия «Мостехфильм» приносит Вам благодарность за помощь, своевременно оказанную творческому коллективу фильма».

Во время работы в Орнитологическом заповеднике Гассан-Кули после окончания зимовки птиц я ежегодно выезжал в экспедиции в различные районы Южной Туркмении. Так было и весной 1937 г. Уже давно отлетели на север зимовавшие здесь серые гуси, основная масса уток и лысух. Фламинго также откочевали к своим гнездовьям, на соленые озера Казахстана. На Атреке токовали турачи и раздавалось буханье большой выпы. Шел интенсивный пролет птиц; появились уже ласточки-касатки. Надо было трогаться в путь...

10 апреля мы с препаратором Анна Халлы выехали на машине из Гассан-Кули в Копет-Даг. На многие десятки километров до самых гор тянулась однообразная глинисто-солончаковая пустыня. В таких местах обитает мало животных. Мы наблюдали здесь лишь джеков (*Chlamydotis undulata*), авдоток и джейранов.

На следующий день в предгорьях Копетдага, на берегу реки Сумбара (правый приток Атрека), разбили первый лагерь. Здесь, по речной долине, тянулись обширные заросли тамариска, и росло довольно много больших деревьев. Картина ранней весны: кусты тамариска едва-едва начинают зеленеть, кричат фазаны, где-то далеко кукует кукушка, над долиной парят стервятники и коршуны. Мы провели здесь несколько дней, экскурсируя по Сумбару, а также в предгорьях.

Кроме отмеченных выше птиц, мы наблюдали здесь кекликов, пустынных куropаток (*Ammoperdix griseogularis*), вяхирей, сизоворонок, золотистых щурок, удонов, белобрюхих стрижей, белых славок, скотоцеров, пустынных серых сорокопутов, черных каменок (*Oenanthe picata*), черноголовых чеканов, хохлатых жаворонков, пустынных жаворонков, полевых коньков, тугайных соловьев и некоторых других птиц. По вечерам в пойме реки слышался характерный крик совок (*Otus scops*).

Было здесь довольно много и пролетных птиц — варакушек, малых мухоловок, серых славок, пеночек-теньковок, чижей, желтоголовых трясогузок, черных стрижей, куликов-чернышей, перепелятников. В это же время здесь шел пролет гаршнепов. Мною были добыты в разные дни два луговых луны, у которых в зобу и желудке оказались остатки от гаршнепов.

Как-то пришлось мне наблюдать двух крупных хищников, летавших над долиной Сумбара. По временам один из них громко кричал и при этом вытягивал ноги вниз. В бинокль я без труда узнал их — это были змеяды. Основная добыча этих хищников — змеи и ящерицы. В Туркмении, где пресмыкающихся сравнительно много, змеяды не представляют большой редкости.

Постоянные обитатели здешних мест — дикобразы, которые ведут ночной образ жизни, и поэтому встретить их днем удается очень редко. Но сброшенные иглы этих животных мы часто находили во время экскурсий. Однажды местный охотник принес

мне перевязку добытую им на берегу Сумбара. Этот замечательный зверек имеет очень красивую, чрезвычайно пеструю окраску меха, в которой сочетается черный и ржаво-коричневый фон с желто-золотистыми и белыми пятнами и полосами.

23 апреля мы перебросились на машине вверх по Сумбару, в живописное ущелье Ай-Дере. Остановились в лесничестве, на кордоне, расположенном при входе в ущелье, среди больших деревьев грецкого ореха.

В кустарниковых зарослях, растущих вдоль ручья, пели соловьи и белобрюхие камышевки (*Cettia cetti*). Здесь же держались черные дрозды, горные овсянки, черноголовые чеканы, крапивники, сизоворонки, ястреба-тювики и другие птицы.

Со склонов гор доносился крик кекликов и кукование кукушки. Высоко в голубом небе парили стервятники и носились стайки белобрюхих стрижей. Выше по ущелью, где много отвесных скал, обитали каменные воробьи, горные ласточки, синие каменные дрозды, скалистые поползни и клушицы. Вечером в ущелье кричали совки.

Через несколько дней мы перекочевали вверх по ущелью и разбили лагерь близ горного туркменского аула Мирхаджи. Надо отметить, что по всему ущелью Ай-Дере довольно обыкновенны два вида ядовитых змей — кобра и гюрза. Местные туркмены советовали нам по вечерам и ночью не разводить костра у палатки, так как огонь в темноте привлекает к себе змей.

Повседневные экскурсии в этой части ущелья Ай-Дере дали новый интересный дополнительный материал по биологии птиц. Я хорошо помню первый день. Рано утром, когда я вышел из палатки, большая радость охватила меня — так необычайно красиво было кругом и по-весеннему ликовала природа. Это чудесное весеннее утро в диком ущелье Копетдага запомнилось мне на всю жизнь...

В тот день я и мой препаратор Анна Халлы долго бродили по ущелью. Со склонов гор доносилось пение черных дроздов, соловьев, зябликов, пеночек-теньковок, крапивников. В одном из отрогов ущелья, поросшем разнообразными деревьями и кустарниками, среди группы больших серебристых тополей видели орла-карлика. Здесь же на тополе помещалось его гнездо, на котором взднелись свежие зеленые ветки.

Интересную особенность мы обнаружили здесь в питании вяхирей и ястребов-тювиков (*Accipiter badius*). Так, у двух добытых вяхирей зобы были набиты листьями и еще зелеными орехами миндаля (у одной птицы в зобу оказалось 40 орехов). В это время года, по-видимому, миндаль является их основным кормом. Надо сказать, что вяхири здесь весьма обычны. В зобу и в желудке добытого ястребка были остатки агамы.

.....

1 Мелкий хищник, относящийся к семейству куных,— обитатель степей, полупустынь и пустынь.

Кроме отмеченных ранее птиц, мы наблюдали еще пестрых каменных дроздов, деляб, лазаревок, сычей и одиночного черного аиста, парившего над горами. По временам над ущельем пролетали большие стаи розовых скворцов. Некоторые стаи состояли из многих сотен птиц. Скворцы летели в одном направлении, в сторону Атрека, где появилась саранча.

На склоне горы заметили трех пасущихся кабанов. Расстояние, разделявшее нас, позволяло хорошо наблюдать в бинокль этих животных. Как только кабаны заметили нас, они быстро с необычайной ловкостью, которую трудно было от них ожидать, поднялись по очень крутому каменистому склону и скрылись в одном из распадков.

Вечером добыл серую неясыть, которая держалась у отвесной скалы, на склоне ущелья, заваленном камнями, поросшем деревьями и кустарником. Обнаружить сову в таком труднодоступном месте удалось только благодаря тревожному крику черных дроздов. Это оказалась весьма интересная находка, так как раньше серая неясыть не была известна для Копетдага.

Возвратившись в первых числах мая в лесничество, мы застали там двух научных сотрудников из Ташкента, которые занимались ловлей ядовитых змей — кобр и гюрз. В течение трех дней мы имели возможность ознакомиться с редкой и опасной профессией. Особенно много неприятных и страшных минут доставляла одна крупная и очень злобная кобра, пойманная на дереве у нашей палатки. Когда змею извлекали из ящика, чтобы взять у нее яд, она шипела и с яростью бросалась на металлические щипцы. Зажатая длинными щипцами, кобра билась и вырывалась из рук. И надо было много выдержки, умения и ловкости, чтобы благополучно взять у разъяренной змеи несколько капель яда. После подобной операции, продолжавшейся обычно несколько минут, сотрудник в изнеможении садился на землю и обильный пот покрывал его лицо.

В настоящее время фармацевтическая промышленность вырабатывает из яда змей много замечательных лекарств. С каждым годом количество их все увеличивается. Для изготовления лекарств и противозмеиной сыворотки требуется большое количество змеиного яда. С этой целью у нас в стране созданы специальные питомники (серпентарии), в которых содержат ядовитых змей для получения яда. Научно-исследовательские работы со змеиным ядом еще продолжаются, и о его целебных свойствах мы знаем еще далеко не все. Здесь перед медицинской наукой открываются огромные перспективы.

На земном шаре обитает около 2700 видов змей, среди которых только 270 видов ядовиты. В Советском Союзе встречаются 14 видов ядовитых змей, из них наиболее опасны кобра, гюрза, песчаная эфа, затем следуют щитомордники и несколько видов гадюк. Наибольшее количество ядовитых змей обитает у нас в Средней Азии и Закавказье.

## В заповедном Бадхызе

---



На крайнем юге нашей страны, на границе с Ираном и Афганистаном, простирается обширная холмистая степь. В ее западной части возвышаются невысокие горы, поросшие фисташковыми деревьями. Эта весьма интересная для натуралиста территория, заключенная между реками Теджен и Мургаб, носит название Бадхыз. По ту сторону нашей границы она простирается в Афганистан.

Самые южные районы Бадхыза расположены на широте северной границы Индии. Здесь находится и самая южная точка страны — к югу от Кушки, у развалин бывшей афганской крепости Чильдухтер.

В 1941 г. был создан Бадхызский государственный заповедник, призванный охранять и изучать разнообразный животный и растительный мир Бадхыза и его редких или совсем не встречающихся в других районах Советского Союза представителей.

Природа Бадхыза уже давно привлекала внимание натуралистов. На Теджене, у северной границы Бадхыза, когда-то побывал известный русский орнитолог Н. А. Зарудный, внесший большой вклад в изучение фауны Ирана и Средней Азии. За годы Советской власти в Бадхызе работало несколько зоологических экспедиций. Особенно плодотворными оказались исследования экспедиции В. Г. Гептнера. Научные результаты этих исследований он изложил в своей книге «Фауна позвоночных животных Бадхыза».

Мне дважды удалось посетить эту далекую своеобразную страну. Первый раз в 1939 г., возвращаясь из экспедиции в Кугитанг, с препаратором Анна Халлы проехал в Кушку, где обследовал фисташковые рощи у афганской границы. Второй раз я побывал в Бадхызе весной 1952 г.

На седьмые сутки скорый поезд доставил меня в Кушку. Дорогой много часов провел я у окна, наблюдая смену ландшафтов. Вот кончились полынные полупустынные степи. Перед Ташкентом открылась полоса оазисов Узбекистана, замелькали на многие десятки километров красные поля мака, и вдали потянулись горные хребты с белыми шапками снега на вершинах. За Амударьей — великой рекой Средней Азии — цветущие оазисы

сменились пустыней Каракум, и на сотни километров раскинулось море песков...

Чем же интересен животный и растительный мир Бадхыза?

Самое ценное здесь, несомненно, — кулан. Это главнейший объект охраны Бадхызского заповедника. Крайне неприхотливый и выносливый, этот обитатель полупустынь довольствуется редкими водоемами и, обладая исключительной силой и быстрой передвижением, способен к длительным переходам по бескрайним пустынным равнинам. В Советском Союзе куланы сохранились в природной обстановке только в Бадхызе. В 1953 г. эти животные завезены на остров Барса-Кельмес в Аральском море. За рубежом нашей страны куланы встречаются в Иране, Афганистане, Монголии и Китае.

Замечательно другое животное заповедника — гепард — крупный, своеобразный хищник из семейства кошек. Он обитает у нас в пустынных районах Средней Азии, но сравнительно редок и еще мало изучен. В Бадхызе много джейранов, встречаются архары, кабаны, барсы, гиены, волки, лисицы, каракал, степные коты, дикобразы и другие животные.

Из птиц большой интерес представляет чешуйчатый дятел, распространенный у нас только в тугаях Мургаба. Следует упомянуть еще своеобразного пустынного кулика-бегунка, огромного черного грифа, строящего свои массивные гнезда на фисташковых деревьях, белоголового сипа, змеяда, кольчатую горлицу, черного чекана, буланого вьюрка, индийского жулана, розовых скворцов, известных своей полезной деятельностью по истреблению саранчи. В декабре 1948 г. в пустынной части Бадхыза были добыты впервые для фауны Советского Союза два экземпляра афганского земляного воробья. Этот вид описан в Северном Афганистане лишь в 1937 г.

Много в Бадхызе и пресмыкающихся — змей, ящериц и степных черепах, обычны степные агамы, а также крупные хорасанские агамы и несколько видов гекконов. Часто встречается гигантская ящерица — серый варан, достигающий 1,5 м длины. Питается варан мелкими зверьками, птицами и их яйцами, молодыми черепахами, ящерицами, змеями и насекомыми — словом, всем, что может поймать и одолеть. Из змей особого внимания заслуживает кобра, гюрза и эфа.

Горные хребты Бадхыза покрыты фисташковыми деревьями. В долинах Мургаба, Теджена и Кушки большие пространства занимают тугаи, состоящие из разнолистного тополя и кустарниковых зарослей тамариска. Для растительности Бадхыза очень характерны огромные зонтичные ферулы, белесые стволы которых постоянно приходится видеть в равнинной части страны. Эти своеобразные растения придают ландшафту экзотический вид. В весеннее время на склонах холмов и на степных участках пышно разрастаются мятлик, пустынная осока, ковыль и другие травы.

В последних числах апреля мы выехали на машине из поселка Маргуновского, где находится управление заповедника, в маршрут по Бадхызу. В это время в долине Мургаба уже шел сенокос. В мае здесь наступает засушливая жаркая погода, и степная растительность быстро выгорает. Но в апреле еще цвели красные маки и тюльпаны, голубые ирисы и астрагалы. Весной бадхызские степи необычайно красочны.

Машина все дальше и дальше углублялась в степь. Немилосердно пекло южное солнце, в голубой вышине парили огромные черные грифы и орлы-змееяды. Вдалеке галопом уходил от нас небольшой табун куланов. Довольно часто попадались джейраны — грациозные степные антилопы. Они как бы с интересом и удивлением смотрели на нашу машину, иногда подпуская ее сравнительно на близкое расстояние.

Спустя несколько дней мне пришлось наблюдать охоту гепардов на джейранов. Рано утром, еще до восхода солнца, покинув лагерь на берегу соленого озера Ер-ойлан-дуз, я отправился на обследование окружающей местности. В это утро ничего интересного и нового для коллекции мне не попало. Утомленный тяжелой ходьбой по холмам, я хотел уже возвращаться обратно, но, поднявшись на песчаный бугор, поросший тамариском, заметил вдалеке три темных пятна. В бинокль я сразу узнал гепардов.

Укрывшись за кустом тамариска, я стал наблюдать. Два зверя сидели рядом, по временам один начинал лизать морду другого. Третий гепард, вероятно, молодой (он был несколько меньшего роста), лежал на песке в стороне от родителей. Вскоре он встал и начал рыскать среди ближайших холмов. Вот он поднялся на один из холмов и стал всматриваться в даль. В следующее мгновение зверь насторожился и медленно опустился на брюхо, не спуская глаз с заинтересовавшего его предмета. По-видимому, он издал какой-то звук (за дальностью расстояния я не мог его слышать), так как два других гепарда сразу насторожились, огляделись по сторонам, приблизились к лежащему зверю. Все три гепарда с большим напряжением смотрели в одном направлении. Я тоже перевел свой бинокль и сразу заметил четырех джейранов, медленно шедших по пустыне. По временам они останавливались, щипали траву и двигались дальше. Гепарды, не отрываясь, следили за ними; хищники были очень возбуждены, их хвосты все время находились в движении. Так продолжалось несколько минут. Затем гепарды спустились с холма, постояли некоторое время вместе, как бы совещаясь, что делать. Было видно, как звери поднимали головы, по-видимому, желая уловить малейшее дуновение ветра и принесенные им запахи.

Я с интересом, не отрывая бинокля от глаз, наблюдал интимную жизнь этих редких и еще очень мало изученных зверей.



Молодой гепард проявлял большее волнение и беспокойство, чем старые. Он то подбегал к родителям, как будто торопя их, то снова отбегал в сторону, нюхал воздух, землю, а затем, тихонько поднявшись на холм, увидел джейранов и в следующее мгновение скрылся за буграми. Через некоторое время я увидел его уже далеко среди кустов — он направлялся не прямо к стаду, а обегал джейранов стороной, намереваясь зайти им в тыл.

Старые гепарды продолжали следить за джейранами, которые медленно подвигались в сторону холма. Затем один из гепардов отбежал метров на двести и залег под кустом тамариска. Второй гепард остался на прежнем месте; он лежал на брюхе и, не спуская глаз, следил за джейранами. Я понял, что один зверь нагонял добычу, два других залегли в засаду.

Джейраны продолжали спокойно кормиться; по-видимому, молодой гепард еще не обнаружил себя. Я все время переводил свой бинокль с одного объекта на другой. Вдруг джейраны насторожились, подняли головы и с беспокойством стали смотреть по сторонам. В следующее мгновение они сорвались с места и понеслись по пустыне, прямо на сидевших в засаде хищников. Это было красивое зрелище. Стройные, тонконогие антилопы, как птицы, переносились через встречающиеся на пути их небольшие кусты. Расстояние между ними и засевшими гепардами быстро сокращалось. «Ну вот, сейчас разыграется трагедия», — промелькнуло у меня в голове. Но этого не случилось. Джейраны неожиданно замедлили бег и, к моему великому удивлению, вдруг резко свернули в сторону и снова полетели, как птицы. Гепарды разом поднялись и, посмотрев вслед уходящим джейранам, не торопясь побежали за ними. Вскоре и гепарды и джейраны скрылись из виду... У меня создалось впечатление, что хищники собирались еще раз повторить свой маневр — «охоту загоном». Удалась ли она им, не знаю.

Однажды в центральной части Бадхыза, в глубоком и длинном ущелье Кызыл-Джар, мы встретились с архарами, или горными баранами. Я и препаратор поднимались по крутому склону ущелья, когда совершенно неожиданно увидели самку архара, стоящую на небольшой зеленой площадке у отвесной скалы. Животное было сравнительно недалеко от нас, но стояло совершенно неподвижно, и мы сразу не смогли понять, почему оно не уходит. Но когда я сделал несколько шагов вперед, архар начал подниматься все выше и выше по склону ущелья. По временам он останавливался и смотрел в нашу сторону. Так продолжалось несколько минут.

Мы хотели уже оставить преследование и продолжать свой путь, как вдруг услышали шум. Огромный белоголовый сип пикирующим полетом пронесся над нами и опустился на ту зеленую лужайку, где незадолго до этого стоял архар.





Хищник сначала огляделся по сторонам, затем сделал несколько неуклюжих прыжков по земле и начал что-то клевать. Только теперь мы поняли, что на этой зеленой лужайке под скалой находился ягненок архара. Сип воспользовался тем, что мы вспугнули и отогнали архара, а сами были еще довольно далеко от места, где лежал ягненок, и напал на него.

Желая спасти ягненка, я бросился бегом к зеленой лужайке, но понял, что мне не успеть. Тогда я быстро сорвал с плеча ружье — нельзя было терять ни секунды — и дважды выстрелил в воздух. Ущелье наполнилось грохотом; эхо несколько раз повторило звук выстрела. Сип бросил свою жертву и, расправив могучие крылья, тяжело полетел вдоль ущелья.

Через несколько минут мы взобрались на лужайку. Я подбежал к скале и увидел маленького однодневного ягненка архара, лежащего на траве. Это было чудесное создание с большими темными глазами, нежной блестящей шкуркой и тоненькими, словно точеными, ногами. На спине у него были две кровоточащие раны, только что нанесенные белоголовым сипом. Ягненок пытался зализывать их, но не мог достать. В сумках у нас нашелся бинт. Перевязав нашему пациенту рану, мы, опасаясь, что сип снова может напасть на беззащитное животное, решили взять его с собой. Бережно поднял я на руки грациозное маленькое тельце, в котором колотилось крохотное испуганное сердечко, и мы тронулись в обратный путь. Мне казалось, что теплое тельце ягненка прижималось ко мне, словно ища защиты...

Когда пришло время продолжать экспедиционный маршрут, мы оставили маленького архара на кордоне Бадхызского заповедника в Агар-чешме.

\* \* \*

Работая в Бадхызе, мы всегда должны были помнить о водящихся здесь ядовитых змеях. Малейшая неосторожность или роковая случайность в условиях экспедиции повлекла бы за собой почти неизбежную гибель. Много раз приходилось здесь встречаться с различными змеями, но одна встреча с коброй останется у меня в памяти на всю жизнь как одно из самых опасных экспедиционных приключений, во время которого я чуть не поплатился жизнью. Подобные опасные моменты постоянно сопутствуют работе исследователя-натуралиста. Случай, о котором я хочу рассказать, произошел на хребте Гяз-Гедык, куда мы попали после исследования равнинной части Бадхыза.

Хребет Гяз-Гедык, представляющий отроги Хорасанских гор, чрезвычайно интересен для зоолога. Помимо общего исследования животного мира этого малоизвестного горного массива, мне хотелось еще заняться изучением биологии индийского жулана — редчайшего представителя нашей фауны — птицы, встречающей-

ся в Советском Союзе только в фисташковых рощах хребта Гяз-Гедьк. Гнезда этого вида у нас никто не находил, и образ жизни его был совершенно не изучен.

Мы разбили лагерь в прекрасном месте — на склоне хребта, поросшего фисташкой, у родника. Со всех сторон раздавалось пение и крики птиц. Отсюда ежедневно рано утром мы отправлялись на экскурсии, расходясь по ущельям и склонам хребта.

Однажды, возвращаясь в лагерь, я шел по дну небольшого ущелья, поросшего фисташковыми деревьями. На одном из них я заметил индийского жулана и направился к дереву в надежде найти там гнездо. Действительно, мои ожидания оправдались: в развилке двух сучков можно было без особого труда заметить гнездо.

Я быстро сбросил на землю рюкзак, положил ружье, снял патронташ, бинокль и полез на дерево. Гнездо находилось невысоко, и я уже готовился заглянуть в него, как вдруг услышал над головой нарастающее шипение, заставившее меня молниеносно втянуть голову в плечи. В следующее мгновение, подняв глаза, я увидел немного выше, справа от себя, большую змею, лежавшую на толстых сучьях. Слегка приподняв голову и переднюю часть своего тела, она неподвижно, стеклянными глазами следила за моими движениями.

Это была кобра... В первый раз в жизни я почувствовал, как волосы зашевелились у меня на голове. Моя рука, державшаяся за сучок, находилась совсем близко от змеи. Я быстро отдернул ее. От этого движения кобра еще выше подняла переднюю часть своего тела, сильно раздула шею и продолжала громко шипеть. Пресмыкающееся было сильно раздражено, и близкое соседство с ним становилось очень опасным. Каждую секунду змея могла применить свои ядовитые зубы. В таких случаях нельзя делать резких движений, чтобы еще больше не раздражать и не испугать змею. Я осторожно высвободил застрявшую между сучьев ногу и полетел вниз. Разорвалась снизу доверху, зацепившись за сучок, рубашка, с треском посыпались сухие сучья, и я грохнулся на землю, ударившись коленкой о камень. Вскочив, я стиснул зубы от боли, отбежал в сторону и только тогда почувствовал себя в безопасности.

В следующее мгновение я уже схватил ружье и осторожно приблизился к опасному дереву. Кобра, обеспокоенная моим вторжением, переползала по сучьям выше. Я вскинул ружье и выстрелил... Змея тяжело шлепнулась на землю и судорожно забилась. Теперь, когда с коброй было покончено и опасность миновала, я сидел на траве, растирая ушибленную ногу. А ведь могло бы быть и по-другому; от одной только мысли об этом холодок пробегал у меня по спине.

Гюрза, так же как и кобра, прекрасно лазает по деревьям в поисках птичьих гнезд. Однажды я стал свидетелем очень интересного зрелища. В жаркий полдень, когда солнце немилосердно

палило, я сидел на берегу Мургаба в тени нескольких деревьев разнолистного тополя и записывал свои наблюдения. На противоположной стороне реки стеной возвышался обрывистый берег примерно десятиметровой высоты. Весь обрыв был изрыт норами, в которых гнездились воробьи, сычи и сизоворонки. Мое внимание привлекла целая ватага воробьев. Они с громким криком то подлетали к обрыву, то снова удалялись в тугай. Я взял бинокль и стал наблюдать. Каково же было мое удивление, когда я увидел на отвесной стене обрыва крупную гюрзу, которая с удивительной ловкостью, используя все неровности и шероховатости обрыва, медленно, тщательно выискивая удобные выступы, подвигалась вперед к гнездовым норкам птиц. До них оставалось всего каких-нибудь 3—4 м. По временам, когда змея находилась в особенно трудном положении и, казалось, едва-едва держалась на отвесной стене, ватага воробьев с криком нападала на нее, стараясь сбить своего врага. В этот момент змея оказывалась в критическом положении. Удивительно, что она еще могла держаться почти на вертикальной поверхности обрыва. Когда шумная ватага воробьев на время улетала, змея снова продолжала медленно ползти вперед. Так повторялось несколько раз.

Вдруг задняя часть змеи съехала с уступа, на котором лежала, и повисла в воздухе. Немедленно стая воробьев с яростным щебетанием снова налетела на гюрзу. Положение ее было крайне тяжелое — она с трудом удерживалась на стене. Воробьи словно понимали это и нападали на своего врага с особой яростью. И змея наконец сорвалась с карниза и полетела вниз. Воробьи торжествовали победу.

\* \* \*

Работы в Бадхызе приближались к концу. Нам удалось узнать много нового о жизни отдельных видов зверей и птиц, выяснить некоторые детали их географического распространения. Экспедиция добыла редких и интересных птиц, среди них — чешуйчатые зеленые дятлы, кольчатые горлицы, кулики-бегунки, индийские жуланы и многие другие.

Теперь тушки всех этих птиц, а также различные материалы вместе с полевыми дневниками лежат у меня на столе в рабочем кабинете в Москве. Просматривая их, я часто вспоминаю жаркие пустыни Бадхыза и горные фисташковые рощи Гяз-Гедыка, в которых нашел замечательные гнезда индийских жуланов. И мысли снова уносят меня в далекий, заманчивый для натуралиста край... Мелькают перед глазами несущиеся галопом по пустыне куланы, вспоминается маленький архар, найденный нами в пустынном ущелье Кызыл-Джар, звучит в ушах мелодичная песенка черного чеканчика, сидящего на цветущем кусте тамариска...

## *В тугаях Теджена*

На самом юге нашей страны, на границе с Ираном, среди пустынного ландшафта протекает река Теджен. Свое начало она берет в горах Афганистана, где носит название Герируд. На территории Советского Союза река течет в северном направлении. Она входит в пустыню Каракум, где, разветвляясь на несколько рукавов, пропадает в песках. Вдоль Теджена узкой прерывистой полосой тянутся тугайные леса, состоящие в основном из разнолистного тополя. Это дерево весьма своеобразно, так как имеет различные по форме листья: на нижних ветвях — узкие, подобные иве, на верхних — более или менее округлые, но также разные по форме. К тугаям примыкают заросли тамариска, покрывающие в некоторых местах значительные пространства, и заросли колючего кустарника — дерезы.

Весной 1967 г. мне довелось посетить эти места. Я приехал сюда для изучения орнитофауны тугаев Теджена и прилегающей пустыни, а также поиска свиристелевого сорокопута, найденного здесь впервые для фауны Советского Союза зоологом В. Е. Флинтом несколько лет тому назад. Распространение этого вида до сих пор еще недостаточно хорошо известно. В общих чертах ареал его охватывает Ирак (долины Тигра и Евфрата), Аравию, Южный Иран, Пакистан, Южный Афганистан. Отсюда понятен тот большой интерес, который вызывает у орнитологов появление свиристелевого сорокопута в нашей стране.

В Туркмении я не был уже много лет. Но память до сих пор сохранила воспоминания о чудесных днях моих странствований в Приатрекской пустыне, в горах Копетдага и Кугитанга, в Бадхызе. Здесь мне впервые удалось познакомиться с такими замечательными видами птиц, как турач, фламинго, султанская курица, джек, азиатский зук, черный чекан, белогорлый соловей, индийская пеночка, скотоцерка, индийский жулан, майна и многие другие.

И вот я снова в Южной Туркмении, снова окружает меня пустыня. На следующий день по прибытии в Теджен я выехал к югу в городок Серахс. После того как все формальности были закончены, 14 мая я выехал к югу в Наурузабад, где и начал свои исследования. Тугаи по реке Теджен, заросли тамариска и колючего кустарника, прилегающая пустыня и отвесные глинистые обрывы стали постоянным местом моих ежедневных экскурсий.

В тугаях весьма многочисленны обыкновенные горлицы, которые в это время только что приступили к гнездованию. Они гнездятся здесь не только в тугаях, но и среди совершенно открытого ландшафта, помещая свои гнезда в колючих кустарниках дерезы. Я нашел большое количество гнезд этого вида. Гнездо пора-

зительно легкое и примитивное. Вся постройка состоит из немногих сухих тонких веточек, небрежно положенных на сучья. Удивительно, как яйца, а впоследствии птенцы удерживаются в этом столь несовершенном сооружении. Надо отметить, что полная кладка у горлиц содержит только два яйца чисто-белого цвета. Пограничники говорили мне, что в конце лета горлиц бывает здесь особенно много. Они держатся большими стаями и когда садятся на провода, то под их тяжестью они провисают.

Довольно обычны по Теджену фазаны. Их характерный крик приходилось слышать постоянно. Особенно интенсивно они кричат по утрам. Этот год для фазанов был очень тяжелым. Из-за высокого уровня воды в реке тугай и кустарниковые заросли оказались в значительной степени затоплены. А так как это совпало с гнездовым периодом, то большое количество гнезд погибло. К счастью, подобные весенние паводки случаются здесь сравнительно редко и численность фазанов быстро восстанавливается.

На Теджене из водоплавающих гнездились только красные утки, или огари. Однажды на озере (старца реки) нам встретился выводок огарей, состоящий из утки и 10 утят в возрасте примерно десяти дней.

Одна из самых замечательных и интересных для орнитолога птиц здесь — индийский украшенный чибис. Этот крупный кулик очень красив: его отличительная особенность, помимо пестрого оперения,— мясистая лопасть красного цвета, отходящая от глаз. Ареал этого вида охватывает всю Южную Азию — Иран, Месопотамию, Южную Аравию, Афганистан, Индию, Южный Китай и Индокитай. В пределах нашей страны он распространен только на юге Туркмении, по рекам Мургаб и Теджен.

Наиболее многочисленными и характерными видами тугайных лесов, кустарниковых зарослей и прилегающей пустыни (кроме указанных выше) были желчные овсянки, буланные вьюрки, тугайные соловьи, белоусые славки, скотоцерки, бормотушки, хохлатые жаворонки, золотистые щурки, туркестанский тювик. В это время здесь еще встречались пролетные стайки куликов-фифи, деревенских и береговых ласточек, а также одиночные серые и малые мухоловки, серые и ястребиные славки, горихвостки и зеленые пеночки. Как-то в пустыне наблюдал я серую славку. Птичка была очень утомлена продолжительным перелетом. Она подпускала меня буквально на два-три шага, очень неохотно покидала приютивший ее чахлый кустик и, перелетев несколько метров, снова пряталась в кустарник.

По отвесным глинистым обрывам гнездились стервятники, степные пустельги, сычи, скалистые голуби, сизоворонки, белобрюхие стрижи и галки.

Из зверей для тугаев Теджена наиболее характерны кабаны и камышовые коты. Свежие копки кабанов попадались постоянно. Камышовые коты, следы которых бывают очень четко отпе-



чатаны на сырой земле среди кустов и тростника,— злейшие враги фазанов. Встречаются здесь дикобразы и зайцы-толай. Однажды в тугаях среди густых зарослей набрел я на двух дикобразов, лежавших на земле без малейших признаков жизни. Несмотря на то что я был совсем рядом, звери некоторое время оставались без движения, а затем поднялись и, не торопясь, скрылись в чаще. Чем было вызвано столь странное поведение дикобразов, осталось мне неизвестным.

Что касается рептилий, то в прилегающей пустыне много степных черепах, встречаются вараны, кобры, гюрзы и змея-стрела. Однажды мы наткнулись на кобру вплотную. Я шел, как всегда, наблюдая птиц — в кустах перелетали скотоцерки. Вдруг сопровождавший меня сержант-пограничник крикнул: «Змея!» Я мгновенно остановился и сейчас же в двух шагах от себя увидел кобру. Она лежала среди редких кустиков верблюжьей колочки и полыни. В следующее мгновение змея подняла голову и переднюю часть тела, шея ее расширилась, послышалось все нарастающее шипение. По всему было видно, что змея сильно раздражена. Спустя несколько дней мы наткнулись на гюрзу. Подобные встречи с опасными пресмыкающимися заставляли все время быть начеку. И действительно, в условиях экспедиции малейшая оплошность в отношении змей может иметь трагический конец.

\* \* \*

Целую неделю экскурсировал я в тугаях Теджена и в прилегающей к ним пустыне. Мне удалось довольно хорошо выяснить видовой состав птиц, населяющих эти места, сделать ряд наблюдений по их биологии и найти много гнезд, из которых самым интересным для меня было гнездо скотоцерки. Редко кому из орнитологов приходилось находить гнезда этой своеобразной птички пустынного ландшафта. Интересно также было гнездо саксаульного воробья, найденное в тугаях. Оно помещалось в дупле разнолистного тополя, на высоте 3,5 м. Но свиристелевые сорокопуть все еще не встречались...

И вот 21 мая я впервые увидел этих замечательных птиц. О встрече с ними я хочу рассказать несколько подробней. Вечером, возвращаясь в лагерь, я вдруг услышал голоса незнакомых мне птиц, и сейчас же увидел перелетавших по колючим кустикам дерезы двух свиристелевых сорокопутов. По своей окраске и сравнительно длинному хвосту они явно отличались от всех птиц нашей фауны. Их голос во время полета — короткая мелодичная трель, несколько напоминающая крик золотистой шурки, но более мягкий. Добыть их в этот вечер мне не удалось. Надо заметить, что только накануне па кустах дерезы появились первые красные ягоды — основная пища свиристелевых сорокопутов.

Через день, экскурсируя близ реки Теджен, в полупустыне,

поросшей кое-где кустами тамариска и дерезы, я снова встретил парочку свиристелевых сорокопутов. Они также держались на кустах дерезы и кормились красными ягодами этого кустарника. Одна из птиц слетала на землю, а затем снова садилась на вершину куста, по-видимому, высматривая насекомых, как это делают сорокопуть.

Спустя некоторое время мне удалось добыть самца. Чудесная птица наконец-то у меня в руках. Радости моей не было границ.

Свиристелевый сорокопут — большая редкость в коллекциях. Достаточно сказать, что даже в крупнейших наших хранилищах — в Зоологическом институте Академии наук СССР и в Зоологическом музее Московского университета есть только по одному экземпляру этого вида. Причем первый добыт 3 мая 1914 г. в Месопотамии (Ирак), второй—14 мая 1960 г. на Теджене. Впоследствии во время этой поездки я еще дважды наблюдал свиристелевых сорокопутов уже в другом месте, несколько ниже по Теджену. Хотя мне и не удалось найти их гнезда, но я совершенно убежден в том, что они гнездятся по тугаям нижнего течения Теджена. Несомненно, что в самом недалеком будущем биология размножения свиристелевого сорокопута будет изучена советскими орнитологами и новый замечательный вид украсит список гнездящихся в нашей стране птиц.

## *Поездка на Тянь-Шань*

С изучением Тянь-Шаня связаны имена замечательных русских ученых — путешественников и натуралистов — П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. А. Северцова, А. П. Федченко, И. В. Мушкетова. В те далекие времена Тянь-Шань еще не был известен науке. Начало изучению этой обширной горной системы положили русские исследователи в середине прошлого века. Спустя несколько лет после путешествий П. П. Семенова-Тян-Шанского, в 1864 г., Николай Алексеевич Северцов начал свои экспедиции в Тянь-Шань.

Изучая птиц Советского Союза, я побывал во многих местах нашей страны: в суровой тундре Якутии, горных хребтах Северо-Восточной Сибири, уссурийской тайге, пустынях Южной Туркмении, на Кавказе, в горах Средней Азии — Копетдаге, Кугитанге и на Гиссарском хребте... Но посетить могучую горную страну Тянь-Шань мне не удавалось.

Шли годы... Ранней весной 1966 г. скорый поезд Москва — Алма-Ата доставил меня в столицу Казахстана. Более 100 лет назад, в 1854 г., здесь на реке Алма-Ата было заложено укрепление Верное. Теперь это большой благоустроенный и очень красивый город-сад. На юге возвышается горный массив — Заилийский Алатау. Издали он кажется совершенно недоступ-

ным — так грандиозны его вершины и ущелья, покрытые снегом. Эта чудесная панорама очень украшает город.

В последних числах апреля я на машине перебрался в горы. Здесь, в Алма-Атинском ущелье, на высоте 2500 м над уровнем моря, стояла зима. Кругом лежало очень много снега, а Большое Алма-Атинское озеро покрывал лед. В течение мая снег выпадал здесь довольно часто. Последний сильный снегопад, продолжавшийся двое суток, прошел 21 — 22 мая. Глубина нового снегового покрова достигла 30 см при температуре воздуха утром —7°.

В тот год весна была очень поздняя и холодная. Это сказалоь как на пролете птиц, так и на сроках их гнездования (оно проходило значительно позднее, чем обычно).

Интересно отметить, что, несмотря на мороз и совершенно зимний ландшафт, куковала кукушка. Я с изумлением и радостью слушал хорошо знакомое с детства кукование, звучавшее теперь в столь необычных условиях — среди суровых гор, покрытых снегом.

Горные склоны Заилийского Алатау во многих местах поросли лесом. Основная порода в нем — тянь-шаньская ель. В очень незначительном количестве к ней примешиваются рябина, осина и береза. Темные еловые леса придают весьма своеобразный облик тянь-шаньскому горному ландшафту. В них встречается ряд типично таежных видов: кедровка, мохноногий сыч, ястребиная сова, трехпалый дятел. С зарослями арчи, широко распространенной в субальпийской зоне, тесно связаны такие замечательные виды, как арчевый дубонос, арчевая чечевица и расписная синичка — чудесная птица, открытая сто лет назад Н. А. Северцовым в Тянь-Шане.

Высокогорную зону Тянь-Шаня населяет довольно богатый и очень своеобразный комплекс птиц, в состав которого входят гималайский улар, бородач, краснокрылый стенолаз, краснобрюхая горихвостка, альпийская и гималайская завирушки, клушица, альпийская галка, красный выюрок и некоторые другие. В нижнем поясе гор, примерно до 1800—2000 м, встречается синяя птица — характерный обитатель горных ущелий вблизи ручьев.

Весна везде хороша. Но в Заилийском Алатау среди сурового горного ландшафта она была особенно прекрасна. Шел прилет птиц, почти каждый день появлялись новые виды. С некоторыми из них я встретился в природе впервые.

Очень интересным объектом для наблюдений стал для меня гималайский улар — типичный обитатель высокогорья. Эта птица здесь довольно обыкновенна; весной нам постоянно приходилось слышать ее характерный свист. Причем иногда в это же время из ельников доносилось бормотание тетеревов. Подобное сочетание звуков весьма своеобразно и очень непривычно. Тетерева поднимаются в Заилийском Алатау почти до верхней границы леса, т. е. примерно до 2600 м. Тетерев являет собой весьма яркий

пример экологической пластичности вида. И действительно, на севере, на Кольском полуострове, ранней весной тетерева токуют на льду озер и Белого моря, а здесь в горах они поднимаются до столь значительных высот и становятся ближайшим соседом гималайских уларов.

Наблюдениям за уларами я посвятил много времени. До сих пор их биология изучена недостаточно хорошо. Интересен способ охоты на уларов, который здесь иногда применяется и о котором раньше мне никогда не приходилось слышать. Весной, когда склоны гор еще покрыты снегом, улары посещают небольшие поляны, освободившиеся из-под снега. Это происходит сначала на южных склонах, на высоте примерно 2400—2700 м, т. е. у верхней границы леса. На больших елях, на высоте 2—5 м, охотник делает засидку, куда забирается рано утром еще в темноте. С наступлением рассвета улары спускаются в поисках корма на проталины и подходят к засидкам, причем иногда на очень близкое расстояние, где и становятся добычей охотника.

Первое время экскурсировать в горах можно было только по южным склонам, освободившимся от снега. Эти склоны уже покрылись зеленой травой и пестрым узором цветов, а северные все еще скрывал глубокий снег. Именно поэтому вначале все пернатое население гор, не связанное с лесом, держалось только на южных склонах. Столь резкий контраст в весенний период двух параллельно идущих склонов — одна из характерных особенностей горного ландшафта.

За время пребывания в Заилийском Алатау я осмотрел много различных ущелий. Хорошо запомнились мне южные склоны по Мраморному ручью, поросшие кустарниковой арчей. Здесь держались такие интересные птицы, как арчевые дубоносы, арчевые чечевицы, черногрудые красношейки, расписные синицы, индийские пеночки, гималайские и бледные завирушки и некоторые другие. С гор постоянно слышался крик кекликов и свист уларов. На этих склонах впоследствии мне удалось найти гнезда расписной синицы.

Во время экскурсий по горам неоднократно приходилось убеждаться в том, что черные вороны и сороки приносят значительный вред, разоряя гнезда птиц. И те и другие поднимаются в горы очень высоко; они не раз встречались на высоте до 3000 м над уровнем моря. Как-то на небольшой поляне наткнулся я на яйца улара, расклеванное черной вороной. Вороны таскают их яйца в период кладки, когда гнезда уларов остаются открытыми.

Сороки разоряют гнезда мелких воробьиных птиц. Однажды там, где постоянно держались сороки, я нашел около большой ели сброшенное на землю гнездо арчевого дубоноса, в котором оказалась скорлупа от разбитого яйца.

В ущелье Серке-Булак мы обнаружили гнездо расписной синицы, разорванное сорокой. Под гнездом, на земле, валялось пять яиц. Внутри гнездо было выложено огромным количеством



Гималайские улары

перьев п пуха, среди которых заметно преобладали перья улара, кеклика и арчевого дубоноса.

Из воробьиных птиц меня особенно заинтересовали арчевые дубоносы, распространенные в горах Средней Азии, в Гималаях, а также в Китае. Помимо своеобразной, несколько экзотической окраски оперения, эти птицы представляют специализированный вид, тесно связанный с арчей. Излюбленная пища дубоноса — ягоды арчи (вернее, семена), запасы которых в арчевниках чрезвычайно велики. Эти птицы чаще всего располагают свои гнезда на арче, основным строительным материалом для них служат волокна арчевого луба. Нам часто приходилось наблюдать арчевых дубоносов, кормящихся на кустах арчи. Птицы так увлекаются лущением ягод, что подпускают к себе человека буквально на несколько метров. Я поражался, с какой ловкостью и быстротой дубоносы работают своим массивным клювом. На очистку зерна от твердой скорлупы и кожуры дубонос тратит лишь несколько секунд и сейчас же склевывает следующую ягоду.

12 июня на южном склоне, на высоте примерно 2650 м, среди заросли кустарниковой арчи мне удалось найти гнездо расписной синички. Это было для меня большим и радостным событием. Впервые гнездо этого вида у нас обнаружено лишь летом 1954 г. в горах Терской-Алатау. Найденное мною гнездо еще только строилось и, вероятно, лишь накануне птички приступили к его постройке. Оно помещалось в верхней зеленой части кустика арчи, на высоте 52 см.

Я много времени проводил у гнезда, с интересом наблюдая, как миниатюрные птички с оригинальным оперением фиолетовой окраски строили свое временное жилище. Птички были очень доверчивы и мало обращали внимание на стоящего вблизи человека. В постройке гнезда принимали участие как самка, так и самец. За строительным материалом они летали довольно далеко — за 150—200 м. Чаще всего они приносили зеленый мох или светлые тонкие волокна трав. Принеся материал, птичка скрывалась в гнезде и через одну-две минуты быстро улетала опять. Надо отдать справедливость, и самец, и самка работали весьма интенсивно, и через четыре-пять дней гнездо было готово, хотя впоследствии расписные синички время от времени приносили перья и пух для внутренней выстилки. Гнездо этих птиц — весьма искусная постройка: закрытое сверху, несколько удлиненной формы с небольшим лётным отверстием, расположенным в верхней его части.

Несколько дней после окончания постройки гнездо оставалось пустым, и птиц около него не было видно. И только 23 июня я обнаружил в нем два яйца и яйцо кукушки. Последнее по окраске очень походило на яйца расписной синички, но имело чуть зеленоватый фон. Кукушки постоянно держались в этом месте; однажды, находясь у гнезда, я видел одновременно четырех кукушек — три самца с криком гонялись за самкой.

27 июня кладка была закончена, в гнезде оказалось пять яиц и яйцо кукушки. Самка сидела в гнезде очень крепко, несмотря на то что я тряс ветки у гнезда и громко разговаривал, она не показывалась из него. И только после того как я просунул в гнездо палец и дотронулся до нее, птичка вылетела и быстро скрылась.

К сожалению, из-за отъезда пришлось прекратить наблюдения над этим интересным гнездом, взять его в коллекцию и доставить в Москву. Таким образом, я стал обладателем единственной в Советском Союзе кладки расписной синички с яйцом кукушки.

В горах гнезда нередко помещаются в труднодоступных местах или же бывают совершенно недосягаемы, если расположены в отвесных скалах или на очень крутых склонах. В июле 1964 г. алма-атинские зоологи нашли в Заилийском Алатау, в районе Большого озера, на высоте 2900 м над уровнем моря, гнездо стенолаза, сделанное в узкой щели совершенно отвесной скалы. Гнездо стенолаза представляет большой научный интерес

и чрезвычайно редко в коллекциях. Но добраться до него орнитологи не смогли. По их просьбе за это дело взялся мастер спорта альпинист Ю. Голодов. Он спустился с вершины скалы на веревке до щели, где помещалось гнездо, п, находясь в висячем положении, около двух часов работал молотком, расширяя нижний конец щели, чтобы иметь возможность просунуть руку и извлечь оттуда гнездо. Для успешного выполнения подобной операции нужны, конечно, не только специальные знания и тренировка альпиниста, но также большое мужество и смелость.

Помню, с каким трудом добирался я до гнезда краснопинной горихвостки, находящегося на крутом склоне. Гнездо этой горихвостки мне еще не приходилось находить, и желание добраться до него было вполне понятным. Сначала я довольно долго наблюдал в бинокль, как самец и самка подлетали к гнезду и кормили птенцов. Затем начал подбираться к гнезду, но все попытки достичь его не имели успеха. Угроза сорваться с крутого обрыва всякий раз заставляла меня возвращаться назад. После нескольких неудачных попыток я решил сходить за капроновой веревкой. Через несколько часов при помощи 40-метровой веревки мне сравнительно легко удалось добраться до гнезда. Оно помещалось в земляном углублении, под корнями арчи. В нем оказалось шесть больших хорошо оперенных птенцов, которые при моем прикосновении разлетелись в разные стороны.

Из зверей здесь весьма обычный и характерный вид — тьян-шаньский сурок. Он населяет не только открытое высокогорье — субальпийские луга, но встречается также и в еловом лесу. Приходилось видеть норы сурков, уходившие под корни огромных тьян-шаньских елей.

Самый многочисленный зверек, постоянно встречающийся на экскурсиях, — красная пищуха. Весной на снегу я неоднократно натыкался на свежие следы каменной куницы. Видел горностаев. Верхнюю область гор населяют горные бараны (архары) и горные козлы (тэке).

Однажды зоолог Н. В. Кокшайский, работавший вместе со мной в Алма-Атинском ущелье, набрел на труп горного козла, погибшего в снежной лавине. Зима была здесь очень многоснежной, и ранней весной в горах часто случались обвалы и снежные лавины, которые представляют большую опасность как для человека, так и для крупных млекопитающих. Обладая огромной разрушительной силой, лавины со страшным грохотом катятся вниз, уничтожая все, что стоит на их пути. Мне приходилось видеть последствия подобной лавины: из-под толщи снега торчали обломки стволов огромных тьян-шаньских елей — они сломались, как спички; попадались деревья, вырванные вместе с корнями.

В повседневных скитаниях по ущельям и горам быстро пролетели весна и начало лета, надо было возвращаться в Москву. Утром 30 июня самолет Ил-18 плавно поднялся с алма-атинского аэродрома и взял курс на север...

## *На Дальнем Востоке.*

### *Уссурийский край*



#### *В горах Сихотэ-Алиня*

В далеком Уссурийском крае, побережье которого омывают волны Тихого океана, на многие сотни километров протянулся горный хребет Сихотэ-Алинь, до сих пор покрытый девственным лесом. С изучением этого далекого и заманчивого для натуралиста края связано дорогое имя великого нашего путешественника — Николая Михайловича Пржевальского. Он был одним из первых русских, посетивших Сихотэ-Алинь.

Велики также заслуги в изучении Сихотэ-Алиня известного исследователя Уссурийского края — Владимира Клавдиевича Арсеньева — автора замечательных книг «Дерсу Узала», «Сквозь тайгу», «В дебрях Уссурийского края».

Хребет Сихотэ-Алинь и его отроги протянулись от низовий Амура до Южного Приморья. Средняя высота хребта 800—1000 м, но отдельные вершины его достигают более 2000 м над уровнем моря и образуют гольцовый пояс высокогорий. По составу древесных и кустарниковых пород уссурийские леса самые богатые и разнообразные в Советском Союзе. Такого обилия древесных пород нигде больше не встречается. Здесь произрастают великаны — кедры, ель, пихта, граб, ясень, ильм, тополь, клен, дуб, различные березы, лиственница, а также многие южные породы деревьев, например маньчжурский орех, пробковое дерево, диморфант, аралия и некоторые другие. Как гигантские коричневые змеи, с деревьев свешиваются лианы.

Необычайно красиво бывает в тайге весной и в первой половине лета, когда цветут черемуха, бересклеты, жасмин, калина, уссурийская сирень и акация. В это время скалистые склоны сопки покрываются розовато-лиловыми цветами амурского рододендрона. В конце лета тайга начинает принимать свою великолепную мозаичную осеннюю окраску. Желтые, оранжевые и красные цвета самых разнообразных оттенков необычайно красивы на фоне темно-зеленых кедров и елей. Гамма красок уссурийских лесов осенью неповторима.

В горах Сихотэ-Алиня берут начало крупнейшие реки края — Усури, Иман, Бикин, Хор, Хунгари.



Вот уже много дней наш маленький отряд работает в глухой тайге на восточных склонах Сихотэ-Алиня. Цель нашей экспедиции — изучение фауны этой обширной горной страны.

День за днем обследуем мы склоны сопок, поросшие вековыми кедрами, пихтой, елью и каменной березой; пробираемся по берегам горных ручьев, поймой быстрой реки Сицы, несущей свои прозрачные и холодные воды в Японское море, в бухту Терней. Почти каждый день приносит что-нибудь новое — добыта редкая птица или удается сделать интересное наблюдение над образом жизни какой-либо птицы или зверя. Все это тщательно записывается в наши полевые дневники. Шаг за шагом углубляемся мы в дебри уссурийской тайги, страница за страницей открывается перед нами увлекательная, полная захватывающего интереса великая книга природы.

Однажды были добыты золотистые, или земляные, дрозды — птицы довольно редкие, а также индийская кукушка, образ жизни которой еще очень мало изучен. Мы долго рассматривали редкостную птицу, обсуждали детали оперения, особенности ее биологии. Кукушки — очень полезные птицы: они питаются крупными насекомыми и гусеницами, в том числе и гусеницами сибирского шелкопряда — массового вредителя хвойных лесов.

Когда кто-нибудь из нас добывал редкую или новую для коллекции птицу, то это было значительное и радостное событие — настоящий праздник. Помню, нам долго не давались в руки иглохвостые стрижи — гигантские стрижи, размах крыльев которых достигает полуметра. Они с изумительной быстротой носились высоко над долиной реки, и добыть их было делом очень нелегким. Но в конце концов и эти прекрасные летуны украсили нашу коллекцию птиц.

Однажды, возвращаясь с экскурсии, я шел по берегу речной протоки. Совершенно неожиданно впереди себя я увидел, как какой-то пушистый комочек медленно упал на землю. Я быстро подбежал к этому месту и, к своему великому удивлению, узнал в пушистом желтоватом комочке маленького утенка мандаринки — одной из самых замечательных и красивых уток на земном шаре. Зная, что мандаринки гнездятся в дуплах, я внимательно осмотрел несколько стоящих поблизости деревьев и вскоре заметил на тополе дупло. Оно было метрах в шести от земли.

Забрав своего юного пленника, я отошел в сторону и, притаившись у ствола упавшего дерева, стал в бинокль наблюдать за дуплом. Мимо меня над рекой несколько раз пролетела утка-мандаринка, заметно волнуясь за свое потомство. Не прошло и пяти минут, как из дупла показался второй утенок. Он выбрался на край, посмотрел по сторонам и, не раздумывая долго над своей судьбой, бросился вниз. Пушистый, почти невесомый, он медленно падал вниз и благополучно достиг земли. Я стал

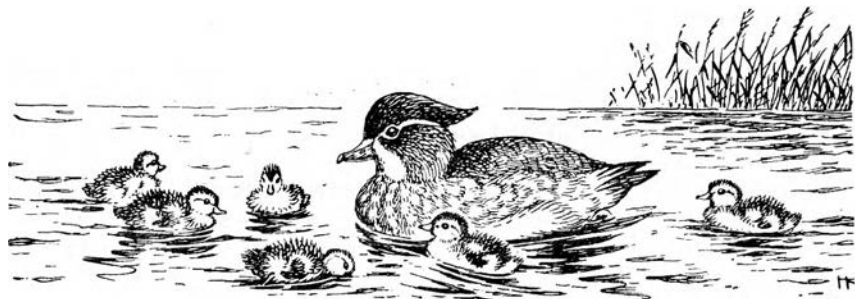
наблюдать, что будет дальше. Вскоре из дупла показался еще один утенок, который также смело ринулся вниз и то же благополучно опустился на землю. В течение 15 мин выводок мандаринки, состоящий из шести утят, выбрался из дупла, совершив свое первое воздушное путешествие. В то время, когда утята прыгали из дупла, утка или летала над рекой, или садилась на воду близ берега, подзывая птенцов особым тихим покрякиванием. Утята, как только достигали земли, выпутывались из травы и быстро бежали к воде и присоединялись к выводку. Забавно было смотреть, как эти крохотные пушистые комочки, словно поплавки, качались на воде, пытаясь что-то склевать с ее поверхности.

Я продолжал в бинокль наблюдать за выводком, и, как только последний птенец присоединился к семейству, утка сейчас же начала отплывать от берега, уводя с собой шесть желто-бурых пуховичков, которые на моих глазах вступили в жизнь.

Из всех наших уток только мандаринка, гоголь и крохаль гнездятся в дуплах. Птенцы этих видов имеют на пальцах острые когти, дающие им возможность легко взбираться по отвесной поверхности дупла.

Как-то в пойме реки Санхобэ мы нашли гнездо седоголового дятла, сделанное в дупле дуба. В нем было пять небольших птенцов. Так как это гнездо находилось сравнительно недалеко от нашего лагеря, мы довольно часто, проходя мимо, залезали на дерево и заглядывали в дупло. Однажды, возвращаясь с экскурсии, мы свернули с тропы и направились к знакомому гнезду, чтобы посмотреть, как идет рост и оперение птенцов. Мой спутник залез на дерево, просунул руку в дупло и быстро выдернул ее обратно, выбросив при этом довольно крупную змею. Это оказался амурский полоз — самая крупная змея Приморья, отдельные экземпляры которой достигают двух метров длины. Птенцов дятла в дупле не оказалось; их проглотила змея. Амурский полоз не ядовит и совершенно не опасен для человека. Эта крупная змея прекрасно лазает по кустам и деревьям, разыскивая птичьи гнезда.

Выводок мандаринки



С этой змеей связан очень интересный случай. Наш отряд шел по тайге в отрогах хребта Хунтами. Тропинка извивалась среди могучих кедров, пихт, гигантских тополей, маньчжурского ореха. Было хорошее раннее утро, кругом кричали и пели птицы. Проводник экспедиции, шедший в это время впереди отряда, неожиданно наткнулся на полоза и, приняв его за ядовитого щитомордника, разрубил топором. Я сейчас же подошел к убитому полозу и увидел следующую картину: из одного обрубка змеи, который еще делал судорожные движения, показался лягушонок, вывалившийся затем на землю. Мокрый, измятый, покрытый слизью лягушонок имел весьма жалкий вид. Некоторое время он лежал почти без движения, потом, обогревшись немного на солнце, приподнялся, начал двигаться и, наконец, как ни в чем не бывало, прыгнул раз, другой, третий... Мы стояли кругом и с удивлением наблюдали, как спасенный нами лягушонок снова возвращался к жизни. Вот уж поистине чудесное избавление!

В тайге средней части Сихотэ-Алиня встречаются изюбры, лоси, кабаны, кабарга, бурый и черный гималайский медведи, волк, барсук, соболь, харза, колонок, белка, летяга, бурундук и гроза уссурийской тайги — тигр. Когда наш отряд работал в глухой тайге по реке Сице, во время одной из повседневных экскурсий мы неожиданно наткнулись на тигровые следы, отпечатанные на сыром песке среди береговых зарослей. Экскурсии в этих местах становились уже небезопасными, и я отдал распоряжение своим сотрудникам — во время экскурсий обязательно заряжать ружья разрывными пулями. Впоследствии мы еще несколько раз натыкались на тигровые следы, но за всю экспедицию нам так и не удалось повстречаться с грозным хищником.

Зато с медведями — бурым и гималайским — мы сталкивались неоднократно. Самая опасная встреча с огромным бурым медведем произошла в темном елово-пихтовом лесу, на вершине одной из сопки хребта Хунтами. Я поднялся туда в поисках филина, громкое уханье которого мы постоянно слышали по ночам из своего лагеря. Здесь было глухое место; повсюду виднелись звериные тропы. Я шел по одной из них.

Вблизи вершины сопки я увидел несколько полусгнивших, только что развороченных пней и сразу догадался, что это работа медведя. Я стал наблюдать за суетливой деятельностью муравьев, которые собирали разбросанные коконы и таскали их в укромные места. А когда спустя некоторое время поднял голову, то увидел огромного бурого медведя, который медленно шел по склону сопки, несколько выше того места, где я стоял. Зверь приближался...

Холодок пробежал у меня по спине; я вспомнил, что ружье заряжено мелкой дробью. В это время медведь заметил меня, остановился и потянул носом воздух. Это был огромный, старый зверь; таких великанов мне еще не приходилось встречать. Медленно, стараясь не делать резких движений, я снял с плеча



Дикуша

ружье и, не спуская с медведя глаз, ошупью достал из патронташа два патрона с пулями. Вложил их в патронники, тихо закрыл ружье, перевел предохранитель и стал ждать. Прошло еще несколько томительных секунд, но медведь, видимо удовлетворив свое любопытство, повернулся назад, пошел от меня прочь и вскоре скрылся в лесной чаще.

Однажды один из препараторов видел харзу. Эта крупная красивая куница обитает у нас только на Дальнем Востоке. Первая моя встреча с харзой произошла весной в тайге Южного Приморья.

Я медленно шел по краю оврага; по временам останавливался и манил на пищик рябчиков. Неожиданно я увидел харзу, бежавшую по дну оврага в моем направлении. Я неподвижно стоял за стволом дерева и наблюдал за харзой. Вот она остановилась, как бы прислушиваясь, и когда я снова издал в манок весенний посвист рябчика, харза сейчас же побежала на него. Но поднявшись из оврага и заметив меня, она быстро повернула обратно и скрылась. Было совершенно очевидно, что зверь бежал на посвист рябчика; эти птицы, по-видимому, часто становятся его добычей. Подобные наблюдения были сделаны мною также и в отношении ястреба-тетеревятника и ястреба-перепелятника. На манок рябчика тетеревятник подлетал к охотнику вплотную. Причем однажды даже после первого неудачного выстрела ястреб снова возвратился к охотнику, когда тот начал манить рябчика.

Как-то раз у перевала Сихотэ-Алиня в темной елово-пихтовой тайге нам впервые попались дикуши — замечательные птицы, биология которых до сих пор еще малоизвестна. Надо сказать, что дикуша встречается только на территории нашей страны. Она населяет самые глухие районы Уссурийского края и Приамурья,

юго-восточную часть Якутии, Охотское побережье и Сахалин. По внешнему виду она напоминает рябчика, но крупнее его и имеет более темное оперение. Эта птица замечательна тем, что совершенно не боится человека.

Дело было так. Собака, бежавшая впереди, вспугнула с земли четырех дикуш, которые расселись на деревья и с любопытством стали рассматривать нарушителей своего покоя. Я подошел к дереву, на котором сидели дикуши, и сфотографировал этих редких и удивительно спокойных птиц.

Местные жители — удэгейцы и гольды — никогда не стреляют дикуш из ружья, а ловят их просто петлей. Для этого они вырубают длинный и тонкий шест, на конце которого делают петлю, и, надев ее на шею спокойно сидящей птицы, снимают ее с дерева.

Кроме дикуш, за эту экспедицию нам удалось добыть много редких и интересных птиц. В нашей коллекции были замечательные чешуйчатые крохали, распространенные на гнездовье только в средней части Приморья и в Северном Китае, огромный рыбный филин, питающийся в основном рыбой, иглоногие совы, у которых пальцы ног усажены щетинками или иглами, индийские кукушки — очень осторожные и редкие птицы, своеобразные с яркой зеленовато-синей окраской тропические широкороты и многие, многие другие.

Так, день за днем экскурсировали мы в тайге Сихотэ-Алиня, забирались на скалистые вершины сопок, часами просиживали с биноклем, притаившись где-нибудь за прикрытием и наблюдая интимную жизнь зверей и птиц.

И теперь, когда листаю страницы путевых дневников, память снова переносит меня в глухие таежные дебри, столь интересные для натуралиста, а едва уловимый аромат засохшей веточки лилового ириса, случайно уцелевшей в тетради, напоминает о красочной тайге Южного Приморья...

## *Пролет куликов в Южном Приморье*

Осенний пролет куликов в Южном Приморье начинается очень рано, еще в разгар лета, когда здесь стоят жаркие июльские дни.

Я хорошо помню тот день, 13 июля, когда мы с Володией Линдгольмом возвращались на лодке с небольшого острова в Японском море. Подойдя к берегу, я заметил в бинокль каких-то трех мелких куличков, державшихся на песчаной отмели и кормившихся у прибоя. Двух из них я добыл. Это оказались песочник-красношейка, гнездящиеся на крайнем северо-востоке Азиатского материка и на Аляске. Столь ранняя встреча северных куликов в Южном Приморье была для нас совершенно неожиданна, но она определенно указывала на начало пролета.

Когда на следующий день мы добрались до кордона Судзухинского заповедника, я решил включить в план наших работ также и изучение пролета куликов по побережью Японского моря. Эти наблюдения происходили в районе бухты Тачингоу. Здесь по побережью, между отвесными каменистыми берегами, тянулись песчаные отмели — излюбленные места кормежки и отдыха пролетных куликов. Устье реки Тачингоу с илистыми или травянистыми берегами также привлекало к себе пролетные стаи куликов. Первая же экскурсия по морскому побережью 15 июля подтвердила мое предположение о начале осеннего пролета. На песчаной отмели, кроме песочников-красношеек, держалась стайка короткокловых зуйков 1.

20 июля шел уже довольно интенсивный пролет. Летели большие смешанные стаи, состоящие из песочников-красношеек и чернозобиков. Все чернозобики были с черным пятном на брюшке, т. е. взрослые птицы. На следующий день незадолго до захода солнца наблюдал на взморье пролет куликов. Довольно большие стаи, состоящие из нескольких десятков особей, летели над морем очень низко. Примерно в течение одного часа я насчитал 17 стай. Направление пролетных стай — юго-запад, т. е. согласно общему направлению береговой линии.

22 июля появились первые мородунки; они держались отдельно от прочих куликов, несколько в стороне от линии прибоя. В последующие три дня пролета куликов не было.

26 июля на взморье наблюдал большую стаю, состоящую из чернозобиков и песочников-красношеек. Неожиданно вся стая поднялась и полетела в открытое море. Я стал наблюдать за ней в бинокль. Вдруг откуда-то появился чеглок и начал преследовать куликов. Стая заметалась из стороны в сторону, но хищник довольно быстро выхватил одного кулика и полетел с добычей к берегу. В этот момент появился второй чеглок и стал отбивать добычу у первого. Тот всячески старался увернуться, затем бросил кулика в море, в следующее мгновение поднял его с воды и полетел к береговым скалам.

В последующие дни количество пролетных куликов несколько увеличилось, появились и новые виды. Так, например, 28 июля был отмечен первый большой улит.

29 июля среди стайки чернозобиков я заметил какого-то нового куличка; мне удалось добыть его. Это оказалась песчанка. По-видимому, основной пролет куликов происходит ночью. Нам много раз приходилось слышать ночью на взморье характерный куличий посвист пролетных стай.

1 августа появились пепельные улиты, распространенные на гнездовье в горных областях Восточной Сибири. Отмечены стайки короткокловых зуйков и одиночный морской зук.

-----  
<sup>1</sup> Ниже в хронологическом порядке изложены наблюдения, зафиксированные в полевом дневнике.

6 августа на взморье держалось довольно много пролетных куликов. Главную массу их составляли песочники — красношейки и песчанки. Отмечены также мородунки, чернозобики и одиночная камнешарка. На следующий день утром на взморье куликов не было. Но затем с моря навалил густой туман, и вскоре на отмелях появились большие стаи пролетных куликов. Я полагаю, что в районе наблюдений держалось примерно 600—700 особей, среди которых особенно многочисленны были чернозобики и песочники-красношейки. Некоторые стайки куликов летели к устью реки Тачингоу, где они купались в пресной воде. В этот же день мы отметили здесь первое появление средних кроншнепов.

8 августа сильный туман, моросит дождь. С характерным криком пролетают на юг стаи средних кроншнепов. Кроме уже отмеченных ранее, сегодня наблюдались какие-то неизвестные нам кулики. Спустя некоторое время мне, наконец, удалось добыть из налетевшей стаи двух птиц, оказавшихся большими песочниками (*Calidris tenuirostris*).

11 августа идет интенсивный пролет куликов. На взморье держались, кроме обычных здесь пролетных видов, средние кроншнепы, большие улиты, пепельные улиты, большие песочники. Сегодня впервые была отмечена стайка бурокрылых ржанок и добыт одиночный краснозобик.

13 августа снова наблюдал на реке купанье пролетных куликов. Совершенно очевидно, что пресная вода необходима им не только для питья, но также и для купанья. Из вновь появившихся куликов сегодня на взморье отмечены одиночный дальневосточный кроншнеп и первая стайка малых веретенников. В устье реки Тачингоу среди песчанок заметил незнакомого кулика с темно-рыжей окраской брюшной стороны. Мне удалось добыть его; это оказался исландский песочник, который впервые наблюдался мною в природе. Этот интересный кулик гнездится у нас на Крайнем Севере — на о-ве Врангеля, на Новосибирских островах и на Таймыре, а зимует на островах Индонезии и в Северной Австралии, совершая, таким образом, ежегодно весной и осенью огромный путь протяженностью 9—10 тыс. км.

На следующий день появились первые пролетные тулусы — крупные ржанки, гнездящиеся в тундрах Крайнего Севера. В последующие три дня пролета куликов не было и только на илистых и песчаных берегах реки Тачингоу держались перевозчики, черныши, фифи и уссурийские зуйки. 19 августа пролет возобновился; среди пролетных стай наблюдались камнешарки.

21 августа впервые появились молодые короткоклювые зуйки.

25 августа после трех дней затишья снова интенсивный пролет. Среди массы обычно встречаемых видов куликов отмечено несколько стай средних кроншнепов, стайка больших улитов, а также одиночные камнешарки. Над морем вдоль побережья летело на юг довольно много речных крачек.

30 августа сделана интересная находка — добыт кулик-лопатель, державшийся среди стайки песочников-красношеек. Этот замечательный куличок относится к эндемикам Советского Союза и имеет крайне ограниченный ареал распространения. Его гнездовая область охватывает лишь прибрежную часть Чукотского полуострова и Корякского национального округа.

Сегодня среди пролетных куликов наблюдались дальневосточные и средние кроншнепы, малые веретенники и шесть тулесов.

2 сентября пролет продолжался. На взморье по-прежнему держатся стайки песочников-красношеек, песчанок, а также пепельные улиты, большие улиты, мородунки, камнешарки, малые веретенники. Наблюдался одиночный краснозобик; этот вид на пролете здесь очень редок. Сегодня наша коллекция куликов пополнилась новым видом — в устье реки Тяпигоу был добыт одиночный грязовик (*Limicola falcinellus*).

5 сентября ночью слышался характерный свист летящих на юг куликов. На взморье добыл одиночного кулика-лопатня. 7 сентября в устье реки держались пролетные бекасы. На взморье кормились или отдыхали средние кроншнепы, малые веретенники, тулесы, песчанки и одиночный кулик-лопатель, державшийся в стае песочников-красношеек.

8 сентября близ устья реки на илистом берегу, поросшем кое-где травой, добыл одиночного длиннопалого песочника. На взморье долго наблюдал стайку малых веретенников из восьми птиц. Пролетные веретенники иногда удивительно смиры и доверчивы и совершенно не боятся человека. Я подходил к ним на 12—15 шагов, и кулики продолжали спокойно кормиться, не опасаясь моего столь близкого соседства. Они засовывали свои длинные клювы во влажный песок и извлекали оттуда мелких рачков, являющихся, по нашим наблюдениям, основным пищевым компонентом многих пролетных по морскому побережью куликов.

К сожалению, из-за отъезда во Владивосток нам пришлось прекратить дальнейшие наблюдения на побережье Японского моря. Утром 13 сентября мы выступили в обратный путь — в бухту Преображения. Наступала осень. В тайге было очень тихо и только слышался писк рябчиков, да время от времени с перевала доносился рев изюбря...

\* \* \*

На следующий год мы имели возможность только в сентябре наблюдать пролет куликов на п-ве Де-Фриза в Амурском заливе. В этих работах мне помогал препаратор М. А. Омелько.

В первых числах сентября здесь летели средние кроншнепы, большие и малые веретенники, мородунки, большие улиты, чернозобики, песочники-красношейки, большие песочники, короткоклювые зуйки, исландские песочники, щеголи и травники. 1 сентября удалось добыть одиночного охотского улита. Это очень



редкий и малоизученный вид. Второй экземпляр этого вида добыт 12 сентября из стайки больших улитов.

Ночью 14, 15 и 16 сентября шел интенсивный пролет средних кроншнепов, а 20 сентября появились круглоносые плавунчики, ранее здесь нами не наблюдавшиеся.

25 сентября добыт одиночный желтозобик (*Tringites subruficollis*), державшийся на илистом берегу, поросшем кое-где травой. Этот вид впервые отмечается для фауны Приморья. Область распространения его ограничена тундрой Аляски и Канады. Надо отметить, что в 1965 г. этот интересный куличок был найден В. Е. Флинтотом на гнездовье на о-ве Врангеля.

\* \* \*

Теперь скажу несколько слов о весеннем пролете куликов в Приморье. 23 мая в бухте Майтун, близ устья реки Цимухэ на побережье Уссурийского залива, держалось огромное количество пролетных куликов, главную массу которых составляли малые веретенники, средние кроншнепы, большие песочники и чернозобики. Кроме того, мы наблюдали здесь стайки больших веретенников, больших улитов, песочников-красношеек и одиночных куликов-сорок.

Надо отметить, что во время сильного ветра кулики неохотно поднимаются на крылья и тогда очень близко подпускают к себе. Мне удавалось подходить к большой стае чернозобиков всего лишь на 15—17 шагов. Здесь были добыты два острохвостых песочника (*Calidris acuminata*), гнездовая область которых лежит на Крайнем Севере, в тундре Якутии.

Таким образом, за время наших исследований мы наблюдали на пролете по побережью Японского моря 32 вида куликов, из которых с семью видами я впервые познакомился в природе.

Орнитологическая фауна Советского Союза содержит 78 видов куликов, из них 11 видов встречаются на гнездовье только в нашей стране. Некоторые кулики, как известно, являются постоянным объектом охоты и служат всегда желанной добычей охотника. К ним относятся вальдшнепы, дупеля, бекасы, кроншнепы и некоторые другие.

К сожалению, иногда приходится видеть, как во время пролета многочисленные стаи мелких куликов, в основном различные песочники, подвергаются преследованию со стороны начинающих охотников. Надо заметить, что северные кулики мало опасаются человека и в силу этого легко становятся его добычей. Само собой разумеется, что подобная стрельба ничего общего не имеет с охотой. Такая «охота» — преступное истребление доверчивых птиц и, конечно, не достойна настоящего охотника, тем более что среди этих мелких пролетных куликов есть целый ряд редких реликтовых видов, представляющих большой научный интерес.

## На озерах Южного Приморья

В конце апреля я и препаратор Миша Омелько выехали из Владивостока на озера Сакпау и Тальми, расположенные на крайнем юге Приморья. Лагерь разбили у реки Паксикори, впадающей в Японское море. Сюда мы ежедневно возвращались с богатой добычей, разбирали собранный на экскурсиях материал, препарировали птиц и зверьков, приводили в порядок свои полевые дневники и намечали маршруты дальнейших экскурсий.

Район, выбранный нами для исследований, оказался весьма удачным. Кроме обширных озер и широкой долины реки Паксикори, интересный зоологический материал давали нам окрестные сопки. Некоторые из них достигали 300 м высоты, имели живописные скалистые вершины, на которых постоянно держались орланы-белохвосты и гнездились типичные представители горных ущелий — синие каменные дрозды. Их красивая громкая песня очень оживляла суровый ландшафт этих пустынных гор. Рододендроны стояли в полном цвету, и склоны сопки, на которых они росли, казались розовато-фиолетовыми.

На озерах Сакпау и Тальми мы застали много различных птиц. Здесь держались пролетные стаи гусей-гуменников, огромное количество различных уток. Среди них даже на большом расстоянии можно было распознать черных крякв, широконосок, хохлатых чернетей и два вида чирков, а также лысух, больших поганок и чаек. По пустынным болотистым берегам всюду виднелись как бы застывшие фигуры цапель — их встречалось здесь три вида: серые, рыжие и замечательные по красоте белые цапли.

На обширных болотистых лугах долины Паксикори держались белые аисты и колпики, большое количество пролетных обыкновенных и азиатских бекасов, попадались лесные дупеля, так же как и у нас в Средней России, с жалобным криком летали чиби-сы. По склонам сопки, в травянистых и кустарниковых зарослях кричали фазаны. Иногда они неожиданно с шумом взлетали из-под ног, сверкая на солнце золотом своего оперения. Здесь же можно было наблюдать пегих луней, самцы которых очень красивы.

В эти же дни еще шел довольно интенсивный пролет на север различных мелких воробьиных птиц — летели многочисленные стаи дроздов, овсянок, вьюрков, коньков, трясогузок, пеночек, ласточек, мухоловок, завирушек и многих других. Интересно отметить, что нам встретилось здесь пять видов коньков — пятнистый, сибирский, краснозобый, горный и степной. Причем только последний вид остается здесь гнездиться.

С каждым днем прибывали с юга все новые и новые виды птиц. Так, например, 2 мая появились первые дубровники и бело-поясные стрижи. Большая стая этих прекрасных летунов кружилась на огромной высоте, держа направление на север. В этот же день прилетели китайские камышевки и личинкоеды — представи-

тели тропического семейства птиц, распространенного в Южной Африке, в Индии, Индокитае и на южных островах Тихого океана. 7 мая появились первые синие мухоловки, и вскоре их красивая песенка, напоминающая звон серебряных колокольчиков, зазвучала в ущельях.

В первую же экскурсию в район озера Сакпау услышал я незнакомое мне пение. Пела сидящая на вершине бурьяна птичка. В бинокль я сразу узнал ее — это была овсянка Янковского.

Здесь я считаю уместным сказать несколько слов, относящихся к истории открытия и изучения этого замечательного эндемика маньчжурской фауны. Первый экземпляр этого вида добыт М. И. Янковским 9 марта 1886 г. у Сидеми в Южном Приморье. На основании его изучения Тачановский описал новый для науки вид овсянок, назвав его в честь исследователя природы Приморья Янковского — *Emberiza jankowskii*. Спустя 27 лет А. И. Черский добыл па реке Тумен-ула, на границе с Кореей, еще несколько птиц этого вида.

В 1926—1927 гг. энергичный исследователь орнитофауны Уссурийского края Л. М. Шульпин собрал значительный материал по данному виду и опубликовал свои интересные наблюдения. Нам также удалось за эту поездку собрать новый материал по биологии овсянки Янковского. Она интересна тем, что имеет чрезвычайно ограниченный ареал. В Приморье эта овсянка обитает лишь в самой южной части Хасанского района, в Корее встречается только в северной части страны, т. е. в районе, непосредственно прилегающем к пограничной реке Тумен-ула.

Овсянка Янковского — птица открытого ландшафта. Она населяет пологие склоны невысоких холмов или платообразные долины между холмами, поросшие травой и редкими, кое-где разбросанными кустиками дубняка, березы и рододендрона. Эти же места населяют фазаны, черноголовые чеканы, рыжеухие и ошейниковые овсянки, клинохвостые сорокопуты и китайские камышевки. Иногда несколько парочек овсянок Янковского располагаются близко одна от другой, и тогда можно одновременно слышать двух-трех поющих самцов, сидящих обыкновенно где-нибудь на вершине сухого кустика или бурьяна. Довольно тихая и примитивная песенка этой овсянки, пожалуй, самая скромная из песен всех наших овсянок.

В первых числах мая они уже разбились на пары, но все еще не приступили к гнездованию. Надо отметить, что первые гнезда овсянки Янковского найдены Н. М. Литвиненко и Ю. В. Шибяевым у озера Тальми лишь в 1964 г., т. е. спустя 78 лет после того, как эта птица была здесь открыта.

Второй интересной для меня орнитологической находкой оказалось гнездо клинохвостого сорокопута. Этот крупный сорокопут по окраске похож на серого сорокопута, но отличается от него более длинным ступенчатым хвостом и большим развитием белого цвета в оперении.

6 мая близ озера Сакпау, среди холмов, еще на очень большом расстоянии я заметил в бинокль на дереве какое-то гнездо. Когда я приблизился к нему, сидевший на гнезде сорокопут молча слетел и скрылся за холмом. Гнездо помещалось на отдельно стоявшем маленьком деревце дуба, на высоте всего лишь 123 см. Оно представляло в сравнении с величиной птицы весьма крупную постройку. Лоточек гнезда был обильно выложен растительной трухой, перьями и пухом птиц (в их числе обнаружены перья филина и утки-касатки). В гнезде оказалось шесть еще совершенно не насиженных яиц. Окраска их: по грязновато-белому фону довольно густо и равномерно разбросаны рыжевато-бурые пятна. Клинохвостые сорокопуты здесь в основном питаются крупными насекомыми — медведками и кобылками и в меньшей степени мелкими грызунами.

Однажды среди каменистых россыпей на одной из сопок нам удалось найти лисью нору с маленькими лисятами. Логово находилось под огромным камнем и имело несколько входов. Спрятавшись где-нибудь в стороне за камнем, мы подолгу наблюдали в бинокль забавные проделки и игры молодых грациозных зверьков. Интересно отметить, как щедро и обильно снабжают кормом лисы свою семью. Как-то, возвращаясь после экскурсии в лагерь, мы зашли на знакомую сопку проведать лисят. У входа в нору, под камнем, обнаружили целого гуся-гуменника и зайца — добычу лисиц за прошедшую ночь. То, что лисы ловят зайцев, давно известно, но как могла лиса поймать гуменника — эту чуткую и крайне осторожную птицу? Позже нам удалось установить, что лисы нападают на гусей ночью, когда они отдыхают и спят на берегу озера.

Через несколько дней нашли вторую лисью нору, в которой также находились небольшие лисята. У норы лежали остатки зайца, утиные перья, крыло и перья ошейниковой совки и кротомогира.

Как-то на берегу озера Сакпау мы наткнулись на логово енотовидной собаки. Логово находилось в траве, всего лишь в 20 м от воды. На мягкой подстилке из мелкой сухой травы лежали шесть маленьких еще слепых щенят, родившихся, вероятно, только утром. Казалось странным, что енотовидная собака поместила свое логово так близко от воды. Но скоро все объяснилось. Зверь в это время года питается здесь главным образом рыбой. Чтобы не отлучаться надолго от своих щенят во время поисков пищи, енотовидная собака устроила логово поближе к своей «кормовой базе».

Однажды у озера Тальми, на вершине сопки, видел я четырех косуль, проходивших около скал. Пустынные места у озера Тальми по-своему удивительно красивы. Здесь провели мы много незабываемых часов, много узнали нового по распространению и биологии птиц и млекопитающих этого далекого замечательного уголка нашей Родины.

Как-то к нам в лагерь зашел офицер-пограничник. Он с интересом наблюдал за нашей работой (в это время мы препарировали птиц, добытых утром) и расспрашивал нас о птицах Дальнего Востока. Между прочим, он сообщил нам об интересной находке. Летом 1946 г. близ корейской границы была добыта «маленькая черная птица с очень длинным хвостом». Благодаря своему необычайно оригинальному виду птичка некоторое время ходила по рукам, пока, наконец, не была утрачена. Это, несомненно, была черная длиннохвостая мухоловка (*Terpsiphone atrocaudata*), распространенная в Юго-Восточном Китае, Японии и в Корее. У нас она изредка встречается в Южном Приморье.

Материалы, собранные на озерах Сакпау и Тальми, впоследствии вошли в монографию «Птицы Уссурийского края».

## *Экспедиции в Якутии*

---



### *К вершинам Алдано-Учурского хребта*

В Юго-Восточной Якутии, к северу от Станового хребта, между реками Алданом, Учуром и Гынымом, простирается обширная горная страна — Алдано-Учурский хребет. Отдельные вершины его достигают более 2 тыс. м над уровнем моря. Ни один зоолог не проникал еще в то время в эту труднодоступную, ненаселенную горную страну. Задача нашей экспедиции состояла в том, чтобы изучить фауну Алдано-Учурского хребта.

Ранним утром 15 июня мы вылетели на самолете из Якутска через Алдан, а оттуда добрались до колхоза «Оленевод», расположенного на реке Тырканда. Там мы прожили несколько дней, снаряжая караван и поджидая возвращения с горного пастбища проводника-оленевода, который должен был сопровождать экспедицию.

29 июня наш небольшой караван, состоявший из 11 вьючных оленей, растянувшись цепочкой, выступил в путь, направляясь к перевалу, в бассейн реки Орогдокит. Почти все население колхоза пришло проводить экспедицию. Последние радушные пожелания якутов-оленеводов, дружеские рукопожатия, и мы вслед за караваном покидаем колхоз.

Первый лагерь разбили в верховье Глухариногo ключа, где стояла старая избушка лесорубов. Вечером долго слышалось кукование кукушки, и кругом всю ночь пели соловьи-красношейки.

На следующий день, перевалив через хребет, экспедиция вышла в долину реки Орогдокит. Здесь горы подступают уже близко к реке, и лиственничная тайга с примесью ели подходит к самым берегам.

С самого начала нашей экспедиции начались приключения. Из второго лагеря в первую же ночь все олени ушли обратно в колхоз «Оленевод». Но, к счастью, это случилось всего лишь в 25 км от колхоза. Проводнику пришлось отправиться в колхоз и снова привести оленей. Но если бы подобный случай произошел вдали от населенных мест, нам пришлось бы плохо. Чтобы избежать этого, в дальнейшем я приказал на ночь привязывать

оленьям чанкай<sup>1</sup>, затрудняющие быстрое передвижение, но дающее им возможность кормиться ночью.

Закончив обследование долины среднего течения реки Орогодкит и дождавшись возвращения проводника с оленями, мы выступили дальше вверх по реке, направляясь к перевалу. Через несколько дней экспедиция вышла в бассейн реки Джелтулы. Речная пойма имела более богатую и разнообразную растительность: кроме лиственницы и кедрового стланика, здесь росли береза, ольха, чозения и ель. Такое относительное разнообразие древесных пород встретилось в Учурском хребте впервые. В тайге стали часто попадаться следы медведей; здесь мы встретились и с кабаргой.

В среднем течении реки Джелтулы гольцовая зона становится сравнительно легко доступной. На этих гольцах мы впервые за нашу экспедицию видели горных баранов. Однажды я набрел на труп ягненка горного барана. Вероятно, матка погибла от хищника, после чего погиб и ягненок.

В зоне кедрового стланика, на высоте 1700—1800 м над уровнем моря, гнездились шуры. Нам посчастливилось найти здесь и гнездо этой замечательной птицы, биология размножения которой еще очень плохо изучена.

В течение нескольких дней второй половины июля наблюдалась хорошо выраженная миграция кедровок. Птицы летели из-за перевала, со стороны реки Илли, двигаясь в западном направлении, вниз по реке Джелтуле.

Вспоминается мне один случай, который едва не принес нам больших бед. Стояли жаркие дни; где-то далеко горела тайга, небо и горы вот уже несколько дней покрывала сизая дымка.

Я только что возвратился с экскурсии и обедал с проводником, сидя у палатки. Вдруг наше внимание привлек какой-то сухой треск, идущий из-за палатки. Мы быстро вскочили... На нас широким фронтом двигался огонь от дымокура, где стояли наши олени, он надвигался с возрастающей силой, находя обильную пищу среди сплошного ковра сухого ягеля и сухих сучьев. Мы бросились гасить пожар. Казалось, что мы уже опоздали и не сможем справиться с огнем. К счастью, река находилась рядом, и это дало нам возможность в конце концов благополучно ликвидировать пожар. Опоздай мы еще на 2—3 минуты, и нам уже не удалось бы остановить огонь, не удалось бы отстоять тайгу, палатку и экспедиционный багаж.

Мы всегда очень внимательно смотрели за кострами и были осторожны с огнем, но этот случай убедил нас, что в тайге необходимо принимать еще более строгие меры предосторожности.

По реке Джелтуле экспедиция достигла перевала, где на высоте 1800 м над уровнем моря разбила свой лагерь. Отсюда бе-

.....

<sup>1</sup> Чанкай — небольшой обрубок дерева, подвешиваемый на веревке к шее оленя.



Иглохвостый стриж

минговидная полевка. Даже специалисты маммологи не сразу смогли определить привезенного мною зверька. Лемминговидная полевка имеет одну замечательную особенность — резко выраженный сезонный диморфизм, т. е. окраска меха летом пепельно-серая, а зимой белая, иногда с палевым налетом.

Как-то раз на самой вершине горы, в верховьях реки Суннагин, среди огромных и очень живописных скал меня застала гроза. Я укрылся под навесом скалы, где вся земля была истоптана свежими следами горных баранов, и стал пережидать грозу. С запада ползли свинцово-черные тучи, раскаты грома следовали один за другим и молнии разрывали небосклон. Так продолжалось более часа, но вот дождь затих, гроза ушла на восток. Я вышел из своего убежища и направился вдоль скалистого гребня. Снова появились птицы, слышались их голоса. Вскоре мое внимание привлекла парочка альпийских завирушек, занятых выкармливанием птенцов. Желая найти гнездо этих типичных высокогорных птиц, я притаился за большим камнем и стал наблюдать. В это время из-за скалы неожиданно вышел горный баран и



спокойно пошел по зеленому склону. За ним показался другой баран, а затем вышла матка с маленьким ягненок. Звери шли гуськом, и только ягненок бежал рядом с матерью. Бараны находились всего лишь в 60—70 м, но, не видя меня, спокойно продолжали свой путь. Я не поднял ружья и не стал стрелять. Очень красива была эта группа на фоне дикого горного ландшафта. Чувство натуралиста победило во мне страсть охотника.

Но вот один из баранов заметил меня, насторожился, замер на месте и, как мне показалось, с удивлением и страхом несколько мгновений смотрел на меня. Затем рысью побежал по склону горы, остальные также последовали за ним. Осторожные звери, вероятно, никогда не встречавшие здесь человека, тем не менее почували опасность. Отбежав на 200—300 м, они остановились, снова с тревогой посмотрели в мою сторону и стали быстро подниматься вверх, к своим недоступным утесам. Я еще долго в бинокль наблюдал за ними, радуясь своей удаче. Подобные минуты память наша хранит во всех мельчайших подробностях до конца жизни как нечто дорогое и светлое.

Горные бараны, как показали наши исследования, не представляют редкости в гольцах по рекам Илли и Суннагину. Нам неоднократно приходилось встречать их во время работ в этом районе. Как-то раз близ нашей палатки по склону горы прошел медведь; в другой раз мы видели северного оленя с теленком.

В горах нам очень мешали частые дожди, не дававшие возможности иногда по целым дням покидать палатку. Горные реки, сильно вздувшиеся от дождей, при переправах доставляли нам много хлопот и были часто весьма опасны. 24 июля после двухдневного дождя разразилась буря, которая срывала нашу палатку. Мы много часов боролись с ураганом, таская с реки пудовые камни и укрепляя ими основание палатки. В этот день мы только поздно вечером, когда несколько затих ураган, смогли согреть себе чай. В горах по ночам даже в июле температура быстро падает и часто доходит до 1—2° ниже нуля.

Закончив обследование высокогорной фауны, экспедиция по реке Илли спустилась в бассейн Гыныма. Этот путь был наиболее трудным. Особенно запомнились мне некоторые переходы, когда срывались и падали с крутизны вьючные олени, летели вниз по камням вьюки, хлестал холодный дождь и надвигалась ненастная ночь. И неизвестно было, когда и где найдем мы место, где можно разбить палатку, согреться у костра и отдохнуть. Иногда, следуя по крутым склонам гор, мы работали топором, прорубая тропу, чтобы караван мог пройти через заросли кедрового стланика. Это тяжелое дело.

Несмотря на трудности, путь по реке Илли порадовал нас интересными орнитологическими находками, среди которых можно отметить замечательных иглохвостых стрижей, серых снегирей и мохноногого курганника, впервые найденных на гнездовье в Якутии. Здесь же добыли бородастую неясыть. Эта крупная

сова неоднократно встречалась нам в тайге. Часто попадались выводки каменных глухарей. Несколько раз поднимали мы вальдшнепов; здесь проходит северная граница их ареала. На реке держались каменушки. На песчаных отмелях видели следы медведей, лосей и северных оленей.

В трудные и опасные моменты, которых в экспедициях всегда бывает немало, не надо теряться и падать духом. Наша экспедиция работала в ненаселенном районе; в течение двух месяцев мы не встретили ни одного человека, и только редкие пепелища старых костров указывали на то, что охотники во время промысла заходят и в эти глухие места.

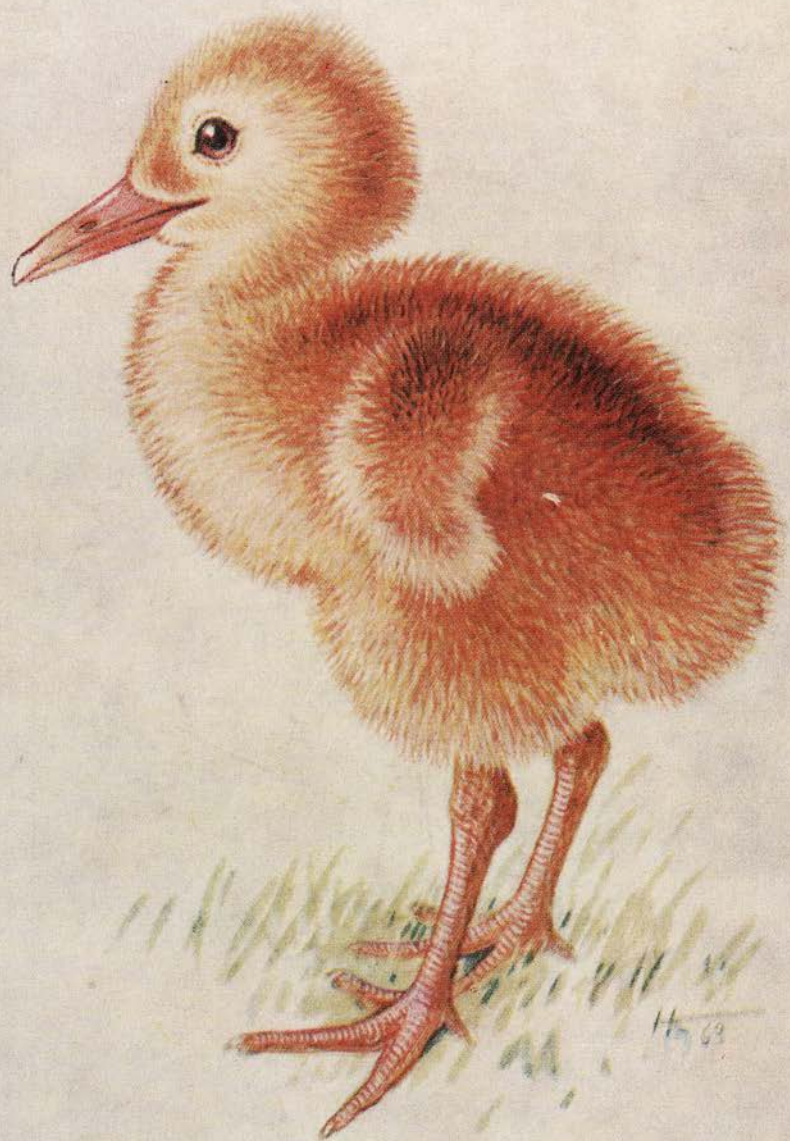
Однажды после трудного перехода проводник топором отрубил огромные рога у своего верхового оленя, чтобы они не мешали оленю проходить среди деревьев. Подобная операция очень поразила меня, но, как оказалось, к подобным действиям якуты нередко прибегают в тайге. Один сильный удар острого топора, и огромный ветвистый рог падает на землю. Как известно, у северного оленя рога имеют и самец и самка, которые они ежегодно сбрасывают. У остальных оленей рога есть только у самцов.

Наш проводник Николай Константинов оказался опытным оленеводом, хорошим охотником и следопытом. Это был энергичный и дельный человек. Несмотря на большую загруженность в работе, он постоянно находил время, чтобы добывать для коллекции птиц, с увлечением ловил насекомых, собирал для нас интересные растения. Причем всегда старался узнать, как называется та или иная птица, бабочка или неизвестное ему растение. Надо сказать, что подобный интерес к научной работе экспедиции не так часто приходится встречать у проводников, и я особенно ценил в нем эту черту и всячески поощрял его работу в природе.

А сколько хороших часов провели мы с ним у костра или в палатке! Сколько занимательных рассказов пришлось нам услышать и с каким интересом расспрашивал он нас о том, чего не знал или что было ему непонятно. Как-то разговор зашел о редких и замечательных птицах. По мнению Николая, самой удивительной птицей была оляпка, или, как он называл ее, «птица-чудо». «Как же не чудо,— говорил он,— она может жить и на земле, и под водой. Больше нет таких птиц. А ведь она такая же, как и все, ничем от других птиц не отличается».

Я объяснил, что это не совсем так. Оляпка отличается от других птиц. Она может бегать по дну горного потока и собирать там пищу потому, что имеет приспособленные к этому органы. По сравнению с другими птицами ее скелет слабопневматичен, т. е. кости его содержат меньше полостей для воздуха, он сравнительно более «тяжелый». Ноздри оляпки прикрыты кожистой перепонкой, а ушные отверстия с кожистой клапаном.





И, наконец, строение глаз оляпки также имеет некоторые особенности. Все это — приспособление к водному образу жизни.

Когда я рассказывал о работе ученых, воображение Николая особенно поразило то, что я говорил о Государственной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве: что в этой библиотеке хранятся более 20 млн. книг и журналов на 160 языках, что в ее 22 читальных залах ежедневно бывает до 9 тыс. посетителей, среди которых много ученых. Эти цифры и масштаб работы только одной библиотеки, по-видимому, с трудом укладывались в голове Николая. Он долго сосредоточенно думал, долго не задавал вопросов. Для него все это было так ново и неожиданно...

И вот теперь, когда за окном падают крупные хлопья первого снега, на моем рабочем столе в строгом порядке лежат в специальных ящиках объекты наших исследований в природе. Здесь и альпийские завирушки с каменистых вершин хребта, и гигантские иглохвостые стрижи, и оляпки с верховьев реки Суннагин. Смотрю на привезенные из экспедиции фотографии, ив памяти одна за другой возникают забытые картины дикой прекрасной природы.

## *В стране белых журавлей и розовых чаек*

Два лета посвятил я изучению орнитологической фауны южной Якутии. Первая экспедиция охватила Алдано-Учурский хребет, вторая — Олёкмо-Чарское нагорье. Обследованная нами территория представляла в большинстве случаев гористую, сильно пересеченную местность. Район Алдано-Учурского хребта включает сложную систему горных цепей и многочисленных отрогов. Научные результаты этих экспедиций были весьма значительны и очень интересны. Мы нашли здесь на гнездовье целый ряд замечательных видов, среди которых можно упомянуть черного журавля, хохлатого осоеда, колючехвостого стрижа, желтобровую овсянку, рыжую овсянку, корольковидную пеночку, малую пестрогрудку, синего соловья, альпийскую завирушку и некоторых других.

После этих исследований весной 1957 г. я начал изучение птиц приколымской тундры. Это была моя давнишняя мечта. И действительно, тундра для натуралиста, особенно для орнитолога, представляет исключительный интерес. Кроме Колымской экспедиции мне удалось еще три лета поработать в тундре, расположенной между реками Хромой и Индигиркой, а также на реке Алазее. Наши исследования охватили значительный район от лесотундры до побережья Северного Ледовитого океана.

Что же представляет собой тундра и каковы ее особенности?

Для тундры прежде всего характерны отсутствие древесной растительности, незначительные формы рельефа и резкие сезонные колебания светового режима — незаходящее солнце летом и полярная ночь зимой.

Тундра проходит вдоль побережья Северного Ледовитого океана, простираясь в глубь материка в среднем на 200—250 км и только местами достигая в ширину 500 км. Тундра простирается и на все острова, лежащие в южной части Северного Ледовитого океана.

На Крайнем Севере расположены арктические тундры с очень скудной растительностью, состоящей в основном из мхов, осок, злаков и лишайников, которые покрывают камни разноцветными пятнами. Южнее простираются кустарниковые тундры, основу растительности которых составляют различные виды кустарниковых ив и низкорослые заросли полярной березки. Интересно отметить, что в некоторые годы в кустарниковой тундре бывает много грибов.

В тундре довольно много рек и речек, неисчислимо количество озер самых различных размеров; наиболее крупные из них достигают свыше 20 км длины. Зимой тундра представляет собой снежную пустыню. Благодаря очень плотному снеговому покрову и жестоким ветрам при больших морозах органическая жизнь здесь зимой почти совершенно замирает.

Широко распространено мнение, что в тундре, лежащей далеко за Полярным кругом, птичий мир очень однообразен и беден. На первый взгляд это суждение, казалось бы, не лишено оснований — однообразный унылый ландшафт и чрезвычайно суровые климатические условия весьма неблагоприятны для животных и растительных форм. Но в действительности это далеко не так. С наступлением весны в тундру прилетает на гнездовье огромное количество птиц. Особенно многочисленны гуси, казарки, утки, лебеди, кулики, чайки, поморники и гагары. Из-за обилия озер, речек и болот в тундре преобладают птицы, экологически связанные с водой.

В течение короткого полярного лета тундру населяет сравнительно богатая и своеобразная фауна птиц. Достаточно сказать, что в тундре гнездится более 80 видов, среди которых значительное число видов принадлежит только ей. В тундре встречаем мы на гнездовье замечательных эндемиков Советского Союза — белого журавля, или стерха, розовую чайку, краснозобую казарку, кулика-лопатня, краснозобика и острохвостого песочника.

Весенне-летний период в тундре очень короток — всего около трех месяцев. Кратковременность летнего сезона приводит к тому, что все периодические явления у птиц в тундре протекают весьма интенсивно и в более сжатые сроки. Весенний прилет птиц длится в тундре каких-нибудь 20 дней, между тем в южной Якутии продолжительность весеннего прилета — почти два месяца. Весь-

ма характерно, что значительное количество видов птиц прилетает в тундру за 3—4 дня. Так, например, весной 1957 г. в тундру по реке Коньковой за один день (27 мая) прилетело 18 видов птиц.

Многие виды приступают к гнездованию сразу же после прилета. Особенно наглядно это проявляется у куликов. Турухтаны и плосконосые плавунчики, прилетевшие в тундру в последних числах мая, уже 2 июня начали кладку яиц. Розовые чайки прилетели 27 мая, а 2—3 июня уже отложили первые яйца.

В конце июля и в первых числах августа кулики начинают покидать свою суровую родину и отлетают на юг. В тундре задерживаются на некоторое время только молодые птицы, недостаточно окрепшие для большого перелета. Кулики, гнездящиеся в якутской тундре, проделывают огромный путь — в несколько тысяч километров. Многие из них зимуют в Южной Азии, некоторые — в Австралии и Южной Америке.

Из зверей в тундре обитают северный олень, тундряной волк, песец, горностай, заяц-беляк, несколько видов леммингов.

Известный орнитолог С. А. Бутурлин, который в 1905 г. изучал птиц приколымской тундры, так писал об этих краях:

*В даль минувшего ушли вы —  
Тундры, горы и холмы,  
И туманные разливы  
Беспредельной Колымы,  
И несчетные станицы  
Уток, чаек и гусей  
И сверкающих на солнце  
Белоснежных лебедей...*

У меня с тундрой связано много ярких, незабываемых воспоминаний. Трудно забыть, например, картины весеннего пролета птиц, когда неисчислимые вереницы гусей и уток летят все дальше и дальше на север. В последних числах мая с юго-востока на северо-запад высоко плывут величественные белые птицы, и тогда в голубом просторе над тундрой льются чарующие, радостные трубные звуки. Это белые журавли, возвращаясь с далекой зимовки, приветствуют свою суровую родину. В это же время прилетают в тундру розовые чайки.

Кроме белого журавля, в северо-восточной тундре Якутии встречается канадский журавль, распространенный на Американском материке и в Северо-Восточной Азии (Анадырь, Чукотка) и впервые найденный нами на гнездовье в якутской тундре летом 1957 г. В тундре широко распространен сокол-сапсан; значительно более редок кречет, гнездование которого приурочено здесь исключительно к береговым скалам.

Ежедневные экскурсии в тундре были для меня всегда очень интересны, так как постоянно давали обильный материал для

наблюдений и часто приносили неожиданные открытия в пространстве или в биологии отдельных видов птиц.

Во время работы в тундре я много внимания уделял изучению биологии размножения птиц в суровых условиях Крайнего Севера. Среди большого количества гнезд, найденных мною в тундре, оказались новыми для меня гнезда 35 видов.

Хорошо запомнилась очень удачная экскурсия 23 июня в приморской тундре, в низовье реки Коньковой. Я шел по перешейку между двумя озерами, когда из-под ног слетел с гнезда краснозобик. В гнезде оказалось четыре яйца. Эта находка впервые устанавливала гнездование краснозобика в восточной части якутской тундры. На берегу второго озера, в 25 м от гнезда краснозобика, нашел гнездо сибирской гаги, в котором оказалось семь яиц. Гнездо находилось на берегу озера, на расстоянии одного метра от воды, между двумя полусгнившими стволами плавника. Стенки гнезда были обильно выложены темно-бурым пухом насиживающей птицы.

Рядом с гнездом гаги, всего в 2 м 40 см от него, я обнаружил гнездо камнешарки с четырьмя яйцами. Таким образом, в этот день в одном месте я нашел три интереснейших гнезда, с которых мне удалось сделать хорошие фотографии.

В тундре, помимо характерных представителей арктической фауны, мы встретили и хорошо известных нам птиц; среди них оказалась и пеночка-весничка. Странно и непривычно видеть этих нежных птичек в суровых условиях открытой тундры, среди малорослых кустиков ивняка, кустарниковой березки и багульника. Здесь нам часто приходилось слышать хорошо знакомое с детства мелодичное пение весничек и одновременно наблюдать розовых чаек, американских бекасовидных веретенников и белых журавлей. Столь необычайное сочетание видов долго вызывало у меня чувство удивления и казалось весьма парадоксальным.

Весной первые пеночки-веснички появились здесь 23 мая. В это время значительную часть тундры еще покрывал снег, а по ночам температура опускалась до  $-12^{\circ}$ . Интенсивное пение весничек началось в последних числах мая и продолжалось в течение всего июня, причем иногда его можно было слышать несмотря на холод и снег. В гнезде веснички, найденном в тундре по реке Алазее 23 июня, было шесть яиц. Второе гнездо, обнаруженное 27 июня, содержало семь сильно насиженных яиц. В конце июля нам встречались выводки весничек; молодые пеночки с остатками пуха на голове хорошо летали. В это же время начинается их откочевка к югу. В первых числах августа небольшие стайки весничек двигаются в южном направлении.

В тундре мне удалось найти 16 гнезд сокола-сапсана и изучить биологию размножения этого хищника.

О белом журавле и розовой чайке я должен рассказать здесь более подробно.



Среди замечательных птиц нашей фауны совершенно особый интерес представляет белый журавль, или стерх. Эту прекрасную птицу открыл и описал известный натуралист П. С. Паллас в 1773 г. Первые же сведения о стерхе, появившиеся у нас в печати, относятся еще к 1762 г. и принадлежат русскому географу П. И. Рычкову<sup>1</sup>

С тех пор прошло 200 лет, но наши знания о распространении и особенно биологии этого вида оставались до самого последнего времени крайне отрывочными. За этот длительный период орнитологи могли только с достоверностью констатировать значительное сокращение ареала белых журавлей, а также неуклонное уменьшение их численности. Гнездовая область в Юго-Западной Сибири, откуда впервые были получены сведения о белых журавлях, ныне не существует. Решающим фактором ее исчезновения следует считать, по-видимому, высыхание озер и болот, которое здесь происходило во второй половине XIX в.

Сведения о распространении стерха в Якутии, которые можно найти в работах Миддендорфа (1855), Маака (1859), Полякова (1873) и Аргентова (1876), имеют теперь лишь исторический интерес. Позднейшие исследования, как правило, констатируют отсутствие стерха на гнездовье в местах, указанных первыми натуралистами, работавшими в Якутии. Так, например, данные о гнездовании стерха в низовье Колымы не подтвердились уже в 1905 г. экспедицией С. А. Бутурлина. Работы нашей экспедиции весной и летом 1957 г. также показали, что стерх в приколымской тундре не гнездится, хотя одиночные бродячие птицы наблюдаются здесь почти ежегодно. Мне только однажды пришлось наблюдать одиночных стерхов: первый раз — 27 мая в тундре, по реке Коньковой, и второй раз — 11 июля в тундре, в низовье реки Чукочьей.

Современный ареал стерха, как известно, представляет собой две разграниченные и очень небольшие территории. Одна гнездовая область находится в Западной Сибири, в низовьях Оби, другая — в Северо-Восточной Якутии, в труднодоступной тундре, между реками Яной и Чукочьей, к северу от 69 параллели. Только оленеводы со стадами северных оленей кочуют по этим бескрайним просторам.

Мои первые встречи с белыми журавлями произошли очень давно, еще во время изучения птиц дельты Волги. Осенью 1927 г. мне неоднократно приходилось наблюдать пролетных птиц этого вида, летевших на юг. Весной 1931 г. в управление Астраханского заповедника был доставлен стерх, добытый в первых числах апреля в дельте Волги, в окрестностях села Марфино.

<sup>1</sup> Рычков П. И. Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии. 1762.

Впоследствии я передал этот экземпляр в Зоологический музей Московского университета.

С тех пор прошло много лет, и только весной 1960 г. давнишняя мечта попасть на родину белых журавлей наконец осуществилась. При изучении птиц Якутии мне удалось проникнуть в гнездовую область белых журавлей и сделать ряд наблюдений по биологии этой птицы, тогда еще очень мало известной. Незадолго до этого я проделал экспедицию в приколымскую тундру. Расспросив охотников и оленеводов, получил много сведений о стерхе, на основании чего определилась более или менее достоверная картина современного распространения его в тундре Якутии.

Весной 1960 г. в тундре, между реками Хромой и Индигиркой, первые стерхи появились 20 мая. Пролет продолжался до конца месяца. Как правило, стерхи летели небольшими группами в четыре—семь птиц, парами или одиночками. Последняя пролетная стая, состоявшая из пяти особей, летевших на большой высоте с юго-востока на северо-запад, была отмечена мною 31 мая. Весной 1961 г. первые стерхи появились у Хромской губы 19 мая.

И. Д. Черский, наблюдая за пролетом птиц у Верхне-Колымска весной 1892 г., оставил в полевом дневнике следующую запись: «19 мая. Утром в первый раз пролетело с юга на север восемь штук белых журавлей».

Наши наблюдения, а также все опросные сведения, полученные от оленеводов, говорят, что стерх не представляет большой редкости в междуречье Яны и Индигирки. Птицы гнездятся здесь как в тундре, так и в лесотундре. Излюбленные места для гнездовья — низинная и болотистая тундра с многочисленными озерами, возле которых обычно и помещается гнездо.

Благодаря подобному расположению гнездо, видимо, находится в большей безопасности. Стерхи очень энергично защищают свое гнездо; песец, собака и даже волк не решаются подходить к нему близко.

После довольно длительных поисков 30 июня нам удалось наконец найти в лесотундре гнездо стерха. Ниже я привожу выписку из экспедиционного дневника, относящуюся к этому событию. Вечером возвратился якут Петр, ездивший на озеро ловить рыбу и охотиться. Он сообщил, что в 15 км к югу от Береляха, у озера Эт-Хатарбыт, держится пара стерхов, которые явно отводили его от гнезда. Несмотря на продолжительные поиски найти гнездо ему, однако, не удалось.

На следующий день, взяв одну лошадь под выюк, мы вышли к озеру Эт-Хатарбыт. Вскоре погода испортилась, пошел дождь. Не доходя 3 км до озера, у которого держались стерхи, мы направились к соседнему озеру, около которого и разбили лагерь. Утром вышли к озеру Эт-Хатарбыт. Оно в значительной своей части было еще покрыто льдом. Пара стерхов держалась

в тундре на том же месте, где и два дня тому назад. При нашем приближении они стали отходить в сторону. Затем, когда мы начали поиски гнезда, стерхи остановились, наблюдая за нами, а через некоторое время стали проявлять явное беспокойство и пошли к нам навстречу, причем одна из птиц распускала крылья и, качаясь из стороны в сторону, старалась обратить на себя наше внимание. При этом журавли издавали предостерегающее курлыкание.

Через некоторое время нам, наконец, удалось найти их гнездо, оказавшееся уже пустым. Оно находилось среди мокрой тундры, на сухом несколько возвышенном месте. Гнездо было сделано исключительно из мягкой сухой травы. Диаметр его 75 см. На гнезде лежала мелкая скорлупа от яиц и одна подскорлуповая оболочка. По-видимому, птенцы покинули гнездо всего лишь один-два дня тому назад. Здесь же кое-где валялись белые перья журавлей.

Долго, но безрезультатно искали мы птенцов по тундре, в районе гнезда. В течение всего этого времени стерхи держались здесь же, с беспокойством наблюдая за нами. По временам они поднимались на крылья и с особым предостерегающим курлыканием, облетев вокруг нас, снова садились на землю. Этим маневром они предупреждали затаившихся птенцов, что опасность еще не миновала и надо по-прежнему сидеть на одном месте, не подавая голоса.

По словам оленеводов, им ежегодно приходится находить здесь гнезда стерхов, содержащие по два яйца, но никогда и никто из них не встречал еще пуховых птенцов.

Осенью они доставили мне кладку яиц стерха, найденную 2 июля в тундре, по реке Ойун-Урях, в 130 км к северо-западу от Береляха, в бассейне среднего течения реки Хромы,- Столь позднее нахождение этого гнезда очень интересно. Яйца были еще совершенно не насижены. Яйца удлинненной формы, оливкового цвета, с разбросанными бледными серовато-фиолетовыми и буровато-коричневыми пятнами и крапинками. Размер яиц 60,6 X X 103,0 мм и 61,0X108,7 мм.

На следующий год моему лаборанту В. И. Перфильеву удалось найти в тундре между реками Хромой и Индигиркой, близ озера Алягыр, два гнезда стерха. Первое гнездо, найденное 10 июня, помещалось открыто на кочке, среди обширной низины, залитой весенней водой. Глубина воды вокруг гнезда достигала 60 см. К моменту вылупления птенцов низина значительно обсыхает и покрывается зеленым ковром травы. В гнезде оказалось два совершенно еще не насиженных яйца.

Второе гнездо найдено 11 июня в 10 км севернее первого. Оно также помещалось среди мокрой тундры, на небольшом островке, поросшем травой. Гнездо сделано, очевидно, только в этом году, так как содержало очень небольшое количество травы. В кладке одно, немного насиженное яйцо.

В том же году В. И. Перфильеву посчастливилось добыть и пухового птенца стерха, который был найден 14 июля недалеко от устья реки Хромы, на обширном травянистом заболоченном участке арктической тундры. Птенец в возрасте двух-трех дней уже хорошо затаивался среди кочек и травы, и найти его было чрезвычайно трудно. Слыша предостерегающие крики родителей, птенец просидел около пяти часов ночью в мокрой траве при сильном холодном ветре, не подавая голоса. И только под утро, совершенно замерзнув, начал пищать, невзирая на сердитое курлыканье родителей, и тем самым обнаружил свое местонахождение.

Общий тон окраски пуховичка рыжевато-коричневый с золотистым оттенком, особенно хорошо выраженным на голове. Спинка окрашена более интенсивно. Брюшная сторона тела значительно светлее, желтовато-бурого цвета с легким золотистым налетом. Клюв желтовато-розовый.

Размах крыльев взрослого белого журавля достигает 242 см, его вес весной не превышает 7 кг.

В конце лета у стерхов меняются маховые перья, которые выпадают почти одновременно в течение двух-трех дней. Пока не отрастут новые перья, птицы теряют способность к полету. Охотники и оленеводы говорили мне, что несмотря на это стерхи все равно остаются недосыгаемы, так как быстро бегают и на кочковатой болотистой почве за ними не могут угнаться ни собака, ни лошадь.

Чрезвычайная осторожность стерха и совершенно открытый ландшафт мест обитания делают его почти недоступным для охотника. Большую белую птицу видно в тундре на 3—3,5 км. Очевидно, на таком же расстоянии, а может быть, еще раньше замечает человека и стерх. Он подпускает к себе на 300—400 м, а затем улетает.

Вопрос о питании стерха долгое время носил дискуссионный характер. Большинство исследователей считало, что стерх питается преимущественно животной пищей, хотя еще Г. С. Карелин обнаружил в желудках трех стерхов, добытых в окрестностях Гурьева, лишь корневища и стебли сусака и мелкую гальку. На основании наших исследований можно совершенно определенно утверждать, что стерх в основном — растительноядная птица, хотя некоторую роль в его питании играют и грызуны — лемминги и полевки. Большое количество гравия в желудках добытых стерхов также свидетельствует о питании этих птиц преимущественно растительными кормами. Общий вес гравия в желудках достигал от 30 до 54 г. Желудок пухового птенца стерха содержал цветки пушицы, зеленые части растений и хитин насекомых.

Осенний пролет белых журавлей происходит в Центральной и Юго-Восточной Якутии во второй половине сентября. На осеннем пролете их стаи достигают несколько большей численности, чем весной, но чаще всего приходится видеть очень небольшие

стаи, состоящие лишь из 12—18 птиц. Зимовка стерхов, гнездящихся в Якутии, расположена в области нижнего течения реки Янцзы в Юго-Восточном Китае. Это примерно 5000 км к югу от гнездовой области вида.

Несмотря на то что тундра между Яной и Индигиркой, где гнездятся белые журавли, представляет по существу почти не населенную территорию, тем не менее кочующие здесь со стадами оленеводы ежегодно находят их гнезда. Яйца стерха наравне с утиными, гусиными и другими также употребляются ими в пищу, причем сбор яиц практикуется здесь весьма широко. Как правило, стерхов добывают при нахождении гнезда, около которого осторожные птицы подпускают человека ближе, и с помощью нарезного оружия добыть их тогда не представляет трудности.

Весьма ограниченный современный ареал стерха, а также неуклонное уменьшение его численности вызывают вполне законную тревогу и большое опасение за дальнейшую судьбу этого замечательного эндемика. Несомненно, что стерх принадлежит к реликтовым, ныне угасающим видам. Необходимы самые срочные и решительные меры по его охране, чтобы эта прекрасная птица — украшение и гордость нашей фауны — не исчезла с лица Земли, как уже исчезло за последние два-три столетия немало представителей животного мира нашей планеты.

Весной 1973 г. Мосфильм снарядил в индигирскую тундру специальную киноэкспедицию для съемки фильма о белом журавле. Режиссер фильма В. Н. Маринова, автор сценария В. Г. Зак. Я и В. Е. Флинт были приглашены в качестве консультантов. В декабре в киностудии Мосфильма был организован просмотр цветного фильма «За белым журавлем». Он оставил у нас прекрасное впечатление и оживил в моей памяти чудесные дни орнитологических исследований в тундре Якутии.

\* \* \*

Когда мне задают вопрос, какая из наших птиц самая красивая, я называю розовую чайку. Она является украшением Арктики, прекрасным символом якутской тундры. Замечательно то, что именно здесь, среди бедной, суровой природы Севера обитает одна из красивейших и необычных птиц нашей фауны.

Розовая чайка не только красива, но и очень изящна. Окраска ее оперения представляет в основном сочетание серого и розового цветов. Спина и крылья светло-серые, голова и шея белые с розовым оттенком, а грудь, брюхо и подхвостье яркого розового цвета, который иногда у самцов бывает даже красновато-розовым. Вокруг шеи в виде ожерелья проходит узкая черная полоса. Клюв черный, ноги ярко-красные.

Но не только своим изумительным по красоте оперением замечательна розовая чайка. Она одна из немногих арктических

птиц, которые зимуют к северу от своей гнездовой области. Розовая чайка проводит зиму и вообще большую часть своей жизни по незамерзающим полыньям и разводьям Северного Ледовитого океана.

Навсегда запомнился мне тот день, когда я впервые увидел в природе розовых чаек. Это была моя первая экспедиция в северо-восточную тундру Якутии. В тот год весна долго не приходила на север. Густые туманы с Ледовитого океана холодной пеленой висели над заснеженной равниной. Но в конце мая потеплело, рассеялся туман, показалось солнце и несметные полчища птиц сразу появились в тундре. Только за один день, 27 мая, прилетело 18 видов. Особенно обращали на себя внимание многочисленные виды куликов. Со звонкой трелью летели с востока американские бекасовидные веретенники, впервые найденные мною на гнездовье и прикольмской тундре. В этот весенний день я и увидел розовых чаек. Они летели на большой высоте с севера на юг. Замечательную по красоте картину представляли розовые птицы на фоне голубого неба. С глубоким восхищением смотрел я на них. Чайки возвращались с зимовок, лежащих в области полярного бассейна, к своим гнездовьям. И когда они увидели знакомые озера, узнали родные места, радостные крики их огласили тундру. Это было чудесно!

Розовая чайка впервые была описана в 1824 г. по экземплярам, доставленным с п-ва Мельвилля у северных берегов Канады. Впоследствии полярные экспедиции изредка встречали их в разных частях арктического бассейна.

Заветной мечтой великого исследователя Арктики Фритьофа Нансена было хоть раз в жизни увидеть розовую чайку. Мечта его наконец осуществилась. Во время одного очень трудного маршрута по дрейфующим льдинам ему посчастливилось встретить этих замечательных птиц.

Интересно отметить, что более 80 лет гнездовая область розовой чайки оставалась неизвестной. Только в 1905 г. С. А. Бутурлину удалось найти в низовье Колымы гнездовья этой птицы. Экспедиция нашего выдающегося орнитолога и путешественника собрала большой коллекционный материал и сделала первые биологические наблюдения над этим, тогда еще совершенно не изученным видом.

Розовая чайка по праву может считаться эндемиком Советского Союза, так как гнездование отдельных пар в других частях Арктики носит случайный характер. Ареал этого вида охватывает значительную часть Северо-Восточной Якутии и простирается от дельты Яны до Колымы. К югу гнездовая область ее доходит в бассейне среднего течения Колымы почти до 67 параллели.

Во время наших экспедиционных работ в тундре Якутии мы встретили розовую чайку на гнездовье в прикольмской тундре, а также на реке Алазее и в тундре между реками Хромой и Индигиркой. Здесь этот вид широко распространен и не пред-

ставляет редкости. Весной 1962 г. мне посчастливилось наблюдать на озере у поселка Берелях большую стаю розовых чаек, содержащую более 200 особей. Прекрасные птицы с криком плавно летали над озером. То и дело некоторые из них розовыми комочками стремительно падали вниз, хватая что-то с поверхности воды, и снова взмывали вверх. Я долго стоял на берегу, с большим интересом и восхищением созерцая изумительную по красоте картину полярной природы.

Розовые чайки гнездятся как в тундре, так и в лесотундре. Излюбленные места их гнездования — сырые кочковатые берега озер, полузагопленные низины с возвышенностями и, наконец, небольшие моховые и травянистые островки, расположенные близ берега на мелководье. Гнездо розовой чайки представляет довольно примитивную постройку и делается почти исключительно из сухой травы, иногда с незначительной примесью мха. Полная кладка у данного вида содержит обычно три яйца, реже — два.

Первые птенцы появляются в конце июня. Осматривая в прикольмской тундре 27 июня гнездовую колонию розовых чаек, я обнаружил в одном из гнезд двух пуховичков, вылупившихся, вероятно, накануне, и одно яйцо с готовым к вылуплению птенцом.

1 июля на озере, где гнездились розовые чайки, мне пришлось наблюдать двух маленьких пуховых птенцов, которые плавали по озеру далеко от берега. Когда к озеру подлетели две серебристые чайки, то розовые чайки энергично напали на них и быстро прогнали. Розовые чайки активно защищают свои гнезда. Нам много раз приходилось видеть, как розовые чайки нападали на пролетающих поморников и крупных чаек, отгоняя их от гнездовой колонии.

Розовые чайки кормятся в гнездовой период главным образом насекомыми и их личинками, а также различными мелкими моллюсками. В желудках этих птиц очень редко попадались девятиглые колюшки или рыбы мальки. В конце июня с появлением птенцов мы наблюдали розовых чаек, собиравших насекомых в сухой тундре близ гнездовой колонии.

Розовая чайка — одна из тех птиц, которые очень нуждаются в охране. Надо приложить все усилия и проявить большую заботу, чтобы сохранить это изумительное украшение нашей северной природы. Пусть грядущие поколения людей, так же как и мы, с восторгом и радостью ежегодно встречают весной у Северного Ледовитого океана появление в далекой синеве чудесных розовых птиц. Пусть встречи с розовой чайкой после долгой полярной ночи служат им источником радости и наслаждения.

Советское законодательство взяло под охрану розовых чаек. Охота на них категорически запрещена.

Говоря о замечательных птицах тундры, необходимо сказать несколько слов и о плавунчиках — небольших куличках, два вида которых гнездятся у нас на Севере.

Биология плавунчиков представляет большой интерес. Особенно обращает внимание биология размножения этих своеобразных куличков. Она заключается в том, что насиживание яиц и дальнейшую заботу о потомстве несет только самец. Самки же, закончив кладку яиц, покидают гнезда, собираются в стаи и отлетают куда-то к северу. В связи с этой особенностью размножения самки плавунчиков имеют более яркое и нарядное оперение по сравнению с самцами. Ведь самцам предстоит насиживать яйца, а затем находиться с выводком и, следовательно, нельзя блистать яркими красками, дабы не привлекать внимание врагов.

Однажды в прикольмской тундре мне посчастливилось наблюдать третий вид плавунчиков, ранее не отмеченный в Советском Союзе.

Дело было так. 21 июня 1957 г. близ реки Коньковой у Северного Ледовитого океана я занимался поисками гнезд вилхвостых чаек. Неожиданно около меня пролетел какой-то светлый кулик и опустился за бугром на озере. Перезарядив ружье, я осторожно вышел из-за бугра и увидел у берега плавающих круглоносых плавунчиков и среди них светлого плавунчика, который был заметно крупнее. В то время как круглоносые плавунчики совершенно не обращали на меня внимания, так как расстояние между нами было еще весьма значительное, большой плавунчик уже насторожился и смотрел в мою сторону. Я успел в бинокль довольно хорошо рассмотреть его окраску: вся нижняя часть тела была белая, спина буровато-серая, верх головы темный, через глаз проходила черная полоска. Клюв тонкий. Когда я сделал еще два-три шага, желая сократить расстояние, он взлетел и переместился на другое место, в то время как круглоносые плавунчики продолжали по-прежнему спокойно плавать. Дальнейшее преследование большого плавунчика не увенчалось успехом. Он был очень осторожен, чем резко отличался от наших плавунчиков, и добыть его не удалось. Надо заметить, что накануне мой препаратор также наблюдал здесь этого плавунчика, но из-за крайней его осторожности не мог добыть.

Изучив коллекционный материал в Зоологическом институте Академии наук СССР, я убедился, что встреченный мною в прикольмской тундре светлый крупный плавунчик был американским видом *Phalaropus tricolor*.

В тундре, кроме интересных зоологических открытий и наблюдений, на нашу долю выпадали радостные дни и по другим причинам. Это случалось, когда прилетал самолет. Он не мог приземлиться, так как лед на озерах был уже слабый и не



годился для посадки самолета. Сделав над тундрой несколько кругов, самолет сбрасывал в брезентовых мешках почту, газеты, журналы и, взяв курс на восток, летел на Индигирку в Чекурдах. К сожалению, подобные дни бывали очень редки, и, когда они выпадали, для нас наступал настоящий праздник. Мы с жадностью набрасывались на письма, не отрываясь, часами читали газеты, просматривали журналы. Кому не приходилось по несколько месяцев жить вдаль от культурных центров, тому трудно понять, какую огромную радость доставляет здесь получение почты.

Вспоминается мне, как однажды мы много дней двигались на лошадях по тундре. На многие десятки километров кругом не было жилья человека. Недалеко от побережья Северного Ледовитого океана мы встретили три яранги оленеводов, у которых решили провести несколько дней, изучая птиц этого района. Как-то раз, возвратившись с экскурсии и войдя в ярангу, я увидел стопку газет и журналов, доставленных сюда в этот день из соседнего стада оленеводов. С большой радостью, почти не веря своим глазам, увидел я московские журналы «Огонек», «Охота» и некоторые другие. И как-то сразу почувствовалась близость далекой Москвы...

За время экспедиций в тундру нам пришлось услышать много рассказов от оленеводов и промышленников о находках черепов и бивней мамонтов. Всего лишь несколько десятков тысяч лет назад бродили здесь эти гиганты четвертичного периода жизни Земли. Ископаемые остатки мамонтов лучше всего сохранились в толщах вечной мерзлоты Сибири и на арктических островах. Острова Новосибирского архипелага со времени их открытия особенно привлекали промышленников большим количеством бивней мамонтов, которые пользовались постоянным спросом на рынке. Еще и в наши дни в верхних слоях вечной мерзлоты находят не только черепа, бивни или части скелетов, но и целые туши мамонтов. В 1900 г. в Северо-Восточной Сибири, на берегу реки Березовки (правый приток Колымы), нашли труп мамонта, для раскопок которого Академия наук снарядила специальную экспедицию. Этот мамонт в настоящее время находится в выставочном зале Зоологического музея Академии наук СССР. Восемь лет спустя на берегу реки Санга-Юрях в Якутии сделана новая находка мамонта, которая дала науке много ценного материала. И, наконец, в 1949 г. в северной части Таймырского полуострова были найдены остатки мамонта, для раскопки и доставки которого также снарядили специальную экспедицию.

Уже несколько десятков лет проблема мамонта занимает умы ученых многих стран. В нашей стране при Академии наук СССР создан комитет по изучению мамонта.

На факториях нам неоднократно приходилось видеть бивни мамонтов. Огромный бивень, вес которого достигал 90 кг, я видел на складе фактории Берелях в прииндигирской тундре. Его

нашел оленевод летом близ моря и доставил сюда на нартах зимой.

На реке Алазее старый якут-рыбак указал нам местонахождение черепа мамонта, бивни которого были отправлены в Нижние Кресты на Колыме. Череп же находился на берегу, под обрывом. Но в то время, когда мы получили о нем сведения, его скрывала полая вода.

Помимо остатков мамонта, в тундре Якутии довольно часто находят черепа ископаемого волосатого носорога. В прошлом эти крупные млекопитающие населяли просторы Сибири. Целый труп волосатого носорога с кожей, покрытой шерстью, найден в 1771 г. в Якутии в районе Верхне-Вилуйска. Подобные палеонтологические находки помогают ученым восстановить картину давно минувшей жизни нашей планеты.

Носороги были особенно широко распространены в третичное время. Они отсутствовали лишь в Австралии и Южной Америке. В конце третичного периода носороги вымерли, и лишь очень немногие виды дожили до настоящего времени в тропических областях Азии и Африки.

Во время моей последней экспедиции в тундру Якутии летом 1963 г. мы обнаружили на обрывистом берегу череп ископаемого носорога. Подымаясь на моторной лодке в поисках линных гусей вверх по реке Кусаган-Аттах (правый приток Алазеи), еще на значительном расстоянии заметили какой-то странный предмет, стоящий почти вертикально на береговом склоне, размытом половодьем. Пристав к берегу и подойдя к заинтересовавшему нас предмету, увидели перед собой череп ископаемого гиганта. Вытащив его из топкого грунта, мы переправили свою интересную находку на противоположный песчаный берег, очистили череп от приставшего грунта и, промыв в реке, сфотографировали.

\* \* \*

Ранней весной, 17 мая 1960 г., самолет полярной авиации доставил нас на факторию Берелях, расположенную на реке Берелях (левый приток Индигирки). Самолет был оснащен лыжами и приземлился близ фактории на озеро, скованное льдом. У берега поверх льда уже набралось порядочно талой воды, что очень затрудняло выгрузку экспедиционного багажа.

Расположение фактории оказалось для нас очень удачным, так как здесь проходила северная граница леса и, таким образом, мы имели возможность совершать свои походы не только в тундру, но также и в лесотундру.

В это время тундру еще покрывал снег и только по буграм и береговым склонам кое-где показалась земля. Начинаясь прилет птиц; были отмечены первые гуменники, белолобые казарки, шилохвости, сапсан, белые трясогузки, краснозобые коньки, лапландские подорожники. Ежедневно появлялись все новые и но-



Сибирский конек

вые виды птиц, и тундра оживала. Солнце светило здесь круглые сутки.

Спустя несколько дней начались весенние турниры турухтанов. На высоком берегу озера бились «ни на живот, а на смерть» эти оригинальные кулики. Около сражающихся самцов держались самки. Можно было часами любоваться на это забавное зрелище.

В начале июня в тундре начался гнездовой период. Со всех сторон неслись разнообразные птичьи голоса — громко кричали белые куропатки, со звонкой красивой трелью летали высоко над тундрой американские бекасовидные веретенники, слышалось своеобразное токование дутышей, острохвостов и серебристая трель (как звон маленьких колокольчиков) белохвостых песочников. Слышалось и хорошо знакомое нам токование бекасов и гаршнепа. Вообще многочисленные виды куликов очень украшают и оживляют тундру.

Во время одной экскурсии я нашел гнезда белой куропатки, клокуна, темного дрозда, чечетки и овсянки-крошки. На границе леса я еще издали увидел на полузасохшей лиственнице огромное гнездо орлана-белохвоста. Когда я подходил к гнезду, сидевший на нем хищник слетел. Обследовать это гнездо мне не удалось, так как оно находилось на противоположной стороне глубокой протоки.

В этот день я слышал характерное пение пеночки-таловки; на озерах наблюдал турпанов и морянок.

Я уже хотел возвращаться в Берелях, как вдруг среди леса неожиданно наткнулся на старинное якутское захоронение. На высоте 3 м на шести столбах лежала массивная гробница, сделанная из толстых бревен лиственницы. Три тяжелые плахи, пропущенные через вершины столбов, плотно прижимали сверху

крышку. Долго стоял я у древней гробницы. Что-то первобытное, давно прошедшее было в этой печальной картине. Такой обычай захоронения умерших существовал, вероятно, потому, что трудно рыть могилу в мерзлом грунте, а может быть, по другим причинам. На фактории я узнал у якутов, что этой гробнице примерно 70 лет.

\* \* \*

В годы, когда в тундре бывают особо неблагоприятные климатические условия, для многих видов птиц наступают тяжелые дни. Весной и летом 1962 г. стояла очень холодная погода, частые и длительные снегопады, упорный северный ветер вызвали целый ряд ненормальных явлений в жизни птиц. Начались они с того, что весенний прилет сильно задержался. Иногда приходилось наблюдать, как в снежную метель стаи гусей с криком летели низко над землей обратно, в юго-западном направлении.

В тот год птицы многих видов отложили меньшее количество яиц. Так, например, законченные кладки гуменников имели иногда всего лишь по три яйца. В гнездах шилохвостей мы находили не более пяти-шести яиц. В гнездах очковых гаг находили лишь четыре-пять яиц, между тем как в 1961 г. в гнездах этого вида было всегда семь-восемь яиц. В насиженной кладке варакушки оказалось всего лишь четыре яйца, а, как известно, она обычно содержит шесть-семь яиц.

Большой общеприродный интерес представляют случаи гибели кладок от холода, констатированные нами в 1962 г. В гнезде тундряного лебедя 12 июля обнаружено три испорченных яйца, однако самка продолжала насиживание яиц. В гнезде сапсана, найденном нами у озера Таала 29 июня, было четыре испорченных яйца. Второе гнездо сапсана с четырьмя испорченными яйцами найдено 19 июля. В обоих случаях, несмотря на столь поздние даты, самки продолжали насиживание испорченных яиц. Гнезда сапсанов расположены как правило на вершинах обрывистых берегов, часто весьма открыто, и, следовательно, яйца легко подвергаются охлаждающему действию ветра.

Испорченные кладки встречались и у куликов (в гнездах плавунчиков и турухтанов). Все эти факты, несомненно, явились следствием исключительно холодной погоды с продолжительными жестокими ветрами и частыми снегопадами. Столь суровые условия вызвали также гибель птиц от истощения и длительного холода. Нам приходилось летом 1962 г. находить в тундре трупы куликов, чего раньше никогда не случалось. Особенно губительно сказались холодные дожди и снежные метели во время вылупления птенцов. Мы находили на гнездах или около них трупы пуховичков пестрохвостого веретенника, турухтана и тулеса.

По -видимому, в том году полярные крачки здесь совсем не гнездились, так как еще в первых числах июля мы наблюдали большую стаю крачек, державшихся на озере Эт-Хатарбыт, которое было еще покрыто льдом (за исключением узкой прибрежной полосы).

По нашим наблюдениям, неблагоприятные метеорологические условия оказали менее заметное влияние на белых куропаток. У них не наблюдалось сокращения яиц в кладках; отмечены лишь более поздние сроки гнездового периода. Очевидно, куропатки более приспособлены к неблагоприятным погодным условиям, так как круглый год обитают в местах с суровым арктическим климатом.

## Страницы

### экспедиционных дневников



Передо мной на рабочем столе лежат полевые дневники, которые я вел в течение 55 лет. Вот маленькие самодельные записные книжечки, в которые летом 1915 г. 15-летний мальчик заносил свои первые наблюдения над птицами Подмоскovie. Здесь же полевые дневники с грифом «Академия наук СССР» моих последних экспедиций на побережье Северного Ледовитого - океана, в Гиссарский хребет, в Тянь-Шань, в тугаи Теджена. Как различны они по содержанию, по методике наблюдений в природе, по значимости изложенного в них материала, но одна общая идея сближает записи мальчика и записи ученого — это страстное, неугасаемое желание изучить фауну своей Родины.

Прошло более полувека. За этот длительный срок в экспедиционных дневниках заполнены тысячи и тысячи страниц. Эти простые ежедневные записи, кратко и точно фиксирующие наблюдаемые явления в природе, послужили главным материалом, на основе которого написаны мною и региональные орнитологические монографии, и многочисленные научные и научно-популярные статьи о птицах нашей страны.

Мне неоднократно задавали вопрос — что при изучении птиц орнитологи записывают в свой путевой дневник?

Этим записям мы придаем большое значение. Очень важно, чтобы они содержали все необходимое, все более или менее интересное, что удалось подметить в природе, и в то же время в них не должно быть ничего лишнего, надуманного. В моих дневниках, кроме сведений о птицах, можно встретить записи и по млекопитающим, рептилиям, амфибиям и даже по насекомым. Для характеристики ландшафтов или отдельных биотопов необходимо давать описание растительности. Не менее важно отмечать погоду, особенно температуру воздуха, так как климатические факторы играют весьма существенную роль в жизни животных. В полевой дневник следует записывать также все приключения и знаменательные события, которые произошли во время экспедиции.

Ниже я привожу выписки из своих полевых дневников, относящиеся к различным районам и самым разнообразным ландшафтам Советского Союза.

## Южноусурийский край

12 июня 1946 г. Днем на пароходе «Снабженец» вышли из Владивостока в бухту Валентина. Меня сопровождает препаратор В. А. Линдгольм, хороший охотник и бывалый таёжник.

13 июня. Вечером подошли к бухте Валентина и ночью на шлюпке высадились на берег. Здесь расположен небольшой поселок.

14 июня. Хороший жаркий день. Экскурсировал в окрестностях бухты, по сопкам, поросшим смешанным лесом, состоящим из дуба, липы, клена, березы, бархата и многих других с небольшой примесью кедра и лиственницы. Слышно кукование глухой кукушки. Поют светлоголовые пеночки, седоголовые овсянки, короткохвостые камышевки (*Urosphena squameiceps*), бледноногая пеночка (*Phylloscopus tenellipes*). По временам слышен крик фазана. Наблюдали серых скворцов, черных и большешклювых вороц, ястребиного сарыча (*Butastur indicus*). Видел пару скоп, летевших с бухты; в лапах одного из хищников была довольно крупная рыба.

Вечером снова экскурсировали по окрестным сопкам. Поют сизые дрозды и китайские камышевки (*Horeites diphone*). Песня этой камышевки чрезвычайно своеобразна. Вскоре послышались голоса уссурийской совки и большого козодоя (*Caprimulgus indicus*).

15 июня. Рано утром отправился с препаратором на экскурсию по окрестным лесам. Прекрасное было утро. Слышен крик фазанов. Кроме птиц, отмеченных вчера, поют желтогорлые овсянки (*Emberiza elegans*), желтые мухоловки, синий соловей (*Larvivora cyane*), китайские зеленушки. Наблюдали личинкоедов (*Pericrocotus divaricatus*), поползней, белоспинных дятлов, желну, больших горлиц.

Видел выводок уже хорошо летающих молодых желтогорлых овсянок. В тайге, близ ручья, слышал весьма оригинальное односложное пение какой-то еще не известной мне птицы. Несмотря на долгое выслеживание не только добыть, но даже увидеть ее нам не удалось.

Наблюдали парочку красноухих овсянок (*Emberiza cioides*), причем у самки в клюве был материал для гнезда. Добыл японского сорокопуга (*Lanius bucephalus*), державшегося среди кустарника и огородов. Линдгольм поймал в ручье несколько форелей.

Вечером ходили на морское побережье. Кричат фазаны. В бухте, а также и в открытом море держались очковые чистики. Видел скопу, летевшую над бухтой. В кустарнике поют китайские камышевки и толстоклювые камышевки (*Phragmaticola aedon*).

16 июня. Экскурсировали в ближайших сопках, поросших лиственным лесом. Сегодня опять слышал незнакомое мне пение.

Через некоторое время мне удалось наконец рассмотреть в бинокль поющую птицу. Это оказался какой-то дрозд. Добыть его, к сожалению, не удалось.

Сегодня у меня удачный день. Спускаясь к реке, наткнулся на гнездо синего соловья, в котором было пять зеленовато-голубых, без всяких отметин, яиц. Раньше мне не приходилось находить гнезда этого вида. Оно помещалось на земле, у гнилого ствола упавшего дерева, и было совершенно незаметно, так как сверху прикрывалось нависшими сучьями, сухими листьями и растущим рядом папоротником. Слетевшая с гнезда самка была крайне осторожна; когда я находился у гнезда, она не показывалась и не подавала голоса. Самца также не было видно. Необходимо добыть одну из птиц, чтобы не сомневаться в определении этого редкого гнезда.

Вечером экскурсировали близ бухты, среди открытого ландшафта. Встретили выводок японского сорокопута; молодые, по видимому, недавно покинули гнездо, так как были еще с неотросшими рулевыми перьями и плохо летали.

Добыли толстокловую камышевку и сибирского жулана (*Lanius cristatus*). Слышали китайскую иволгу. По полученным сведениям рябчики здесь обычны и встречаются до самого взморья.

17 июня. Рано утром, еще до восхода солнца, отправился я в тайгу, чтобы взять найденное вчера гнездо синего соловья и добыть птицу.

Тихо подойдя с противоположной стороны лежащего ствола и точно зная местоположение гнезда, я быстрым движением руки накрыл его и поймал сидевшую на гнезде самку. Постройка гнезда довольно примитивная; сделано оно из сухих листьев и мха. Яйца были немного насижены — образовался небольшой зародыш.

В 9 ч утра вышли на кавасаки <sup>1</sup> в море, направляясь в бухту Тачингоу, где расположена центральная усадьба Судзухинского заповедника. Стояла чудесная солнечная погода, море было совершенно спокойно. Очень красивы скалистые берега, покрытые лесом. Наблюдали японских бакланов, чаек и очковых чистиков (*Serphus carbo*). По береговым скалам в значительном количестве гнездились белопоясные стрижи.

Через два часа пришли в бухту Тачингоу. Здесь на живописном берегу, среди дубово-яблоневого рощи, расположена усадьба заповедника. Место очень красивое. На берегу нас встретил директор заповедника зоолог Гордей Федорович Бромлей, известный знаток природы Приморья.

Судзухинский заповедник был создан в 1936 г. как типичная, хорошо сохранившаяся территория южноуссурийской природы. Здесь в 1867 г. вдоль Японского моря прошел Н. М. Пржеваль-

<sup>1</sup> Большая моторная лодка японского типа; применяется в качестве прибрежного рыболовного судна в дальневосточных водах.



ский. Это был первый маршрут великого путешественника. Здесь же в начале текущего столетия прошла экспедиция В. К. Арсеньева. Теперь нам предстояло провести в этих местах более или менее длительные стационарные работы по изучению птиц Южного Приморья.

На береговых скалах добыл синего каменного дрозда. Вечером на кордоне кричал большой козодой.

Г. Ф. Бромлей передал мне несколько тушек птиц, среди которых особенно интересны следующие виды: египетская цапля (*Vibulcus ibis*), добытая в устье реки Тачингоу 19 мая; канюга-крошка (*Aethia pusilla*), найдена мертвой на берегу Японского моря 29 января; беркут, добыт на падали 29 января.

20 июня. Прекрасное утро. Экскурсировали в тайге, вверх по реке Тачингоу. Поют светлоголовые пеночки, сизые дрозды, желтые мухоловки, седоголовые и красноухие овсянки, бледноногие пеночки, синие соловьи, короткохвостые камышевки. Слышно воркованье большой горлицы. Наблюдал два выводка малого острокрылого дятла (*Dendrocopos kizuki*). Отмечены ястребиные сарычи, личинкоеды, поползны, желна, скопа. Слышал характерный крик ширококрылой кукушки (*Cuculus fugax*). Надо отметить, что в Уссурийском крае обитает пять видов кукушек. Такого значительного разнообразия кукушек в Советском Союзе нигде больше нет.

Сегодня видел первый выводок короткохвостой камышевки (*Urosphena squameiceps*); птенцы были еще очень юные — без хвоста, но уже летали.

21 июня. В низовье реки Тачингоу поют китайские камышевки и красноухие овсянки. В смешанной тайге, у реки, опять услышал пение неизвестного мне дрозда. После долгого преследования мне, наконец, удалось добыть его. Это оказался сибирский дрозд (*Turdus sibiricus*). Песня этого вида весьма бедная и примитивная.

По временам раздается серебристая трель пролетающих личинкоедов.

На берегу моря, среди небольших групп кустарника наблюдал парочку красноухих овсянок, которые были заняты выкармливанием птенцов.

22 июня. Очень хороший жаркий день. Отправился в бухту Кит и дальше по взморью к реке Тяпигоу. Слышал китайскую иволгу. Видел выводок черных ворон. На тропе, идущей к бухте, валялось много морских ежей. Как впоследствии выяснилось, их приносят сюда с берега черные вороны.

Наблюдал пару синих каменных дроздов, собиравших на оголоде корм и таскавших его к береговым скалам, где у них было гнездо. В пойме реки Тяпигоу, несмотря на зной, поют седоголовые овсянки, сизые дрозды, китайские иволги. Слышно кукование глухой кукушки. Видел широкорота (*Eurystomus orientalis*), сидящего на сухой вершине дерева. Эта красивая, тропиче-

ского облика птица во многих местах Уссурийского края не представляет редкости.

На лугу, в долине реки, нашел гнездо седоголовой овсянки, в котором было пять еще маленьких и слепых птенцов. Гнездо помещалось на кочке, среди небольшого болотца, и было хорошо закрыто густой травой. Поднял пару (♂ и ♀) мандаринок; эта замечательная по красоте оперения утка гнездится в дуплах.

На обратном пути на берегу моря, среди кустарника, наблюдал две парочки ошейниковых овсянок (*Emberiza fucata*), занятых выкармливанием птенцов. В дубовом лесу слышал пение синего соловья.

Добыл ястребиного сарыча (♂), в желудке которого оказались два жука (жужелицы рода *Coptolabrus*). Зрачок черный, радужина ярко-желтая.

23 июня. День пасмурный, идет дождь. Линдгольм препарирует птиц; я делаю записи в дневнике. Видел скопу, летавшую над взморьем.

25 июня. Погода разъяснилась, снова хороший день. Экскурсировали по взморью, а затем по долине реки Тяпигоу. На одной из сопок, поросшей дубовым лесом, у самой тропы, нашли гнездо синего соловья, в котором было четыре яйца. Гнездо помещалось на земле, в полудупле, у основания ствола дуба. Сделано оно было из сухих листьев и сухой травы, лоточек выложен шерстью пятнистого оленя. На гнезде сидела самка. Мы хорошо заметили это место, чтобы в дальнейшем иметь возможность наблюдать за гнездом.

На обширном лугу, близ моря, держались полевые жаворонки, дубровники, ошейниковые овсянки и два выводка черноголовые чеканов.

В пойме реки Тяпигоу поют длиннохвостые снегири (*Uragus sibiricus*); это весьма характерная птичка речной уремы. Кричат фазаны. Подняли двух вальдшнепов. На взморье видел одиночно-го удода.

30 июня. Утром сильный туман. На песчаном берегу реки Тачингоу, при впадении ее в море, видел следы выдры.

Отправились на кордон заповедника, расположенный за перевалом на реке Сяухэ, в 14 км от нашей усадьбы. Когда мы удалились от моря и вошли в сопки, туман остался позади. Здесь же было голубое небо и светило солнце. Поют светлоголовые и бледноногие пеночки, короткохвостые камышевки, синие мухоловки, синие соловьи, желтые мухоловки, сизые и оливковые дрозды. В одном месте в то время, когда мы отдыхали, к нам вышел пятнистый олень.

Спустившись с перевала в долину реки Сяухэ, неожиданно встретились с гималайским медведем. Мы бесшумно шли по тропе, я услышал и увидел его, когда зверь был уже близко, но он еще не заметил нас. Правый ствол моего ружья был заряжен

пулей Жакана. После выстрела медведь сразу упал, рывкнул и вскоре затих. Это был крупный самец. Как оказалось, я стрелял на расстоянии всего лишь 20 м. Оставив Линдгольма на месте охоты, я отправился на кордон за лошадью. Возвратившись вместе с наблюдателем заповедника, мы довольно быстро сняли с медведя шкуру и разделали тушу. Желудок медведя был набит исключительно грибами (ильмаки, *Pleurotus citrinopillatus*)<sup>2</sup>.

Вечером, когда, нагруженные мясом, мы следовали на кордон, видели еще одного гималайского медведя, который сидел у ствола упавшего дерева и ел грибы (ильмаки).

Поют сизые и сибирские дрозды. Отмечены рыжеголовые сойки. Видели вальдшнепа, протянувшего над кордоном. Кричат уссурийские совки и большой козодой. Появились первые летающие светлячки.

## Якутия

### Олёкмо-Чарское нагорье

19 июля 1956 г. Сегодня четвертый день, как мы разбили лагерь в верховье реки Мелы (Орюс-Миэля, левый приток Олёкмы), которая имеет здесь резко выраженный характер горной реки.

День начался тревожно. Утром не возвратились с ночной кормежки наши олени. Проводник дважды ходил на поиски, но безрезультатно. Положение наше не из приятных, учитывая, что до ближайшего селения Тяни 270 км глухой тайги. Надо попытаться разыскать оленеводов, которые кочуют со своими стадами оленей где-то в этом районе.

Экскурсировал вверх по реке Меле. В некоторых местах на реке сохранились еще большие «наледи». Встретил два выводка белых куропаток; птенцы еще маленькие, но уже немного перелетают. Слышно кукование кукушек — обыкновенной и глухой. В пойме реки поет бурая пеночка. Отмечены чечевичцы, вьюрки, пеночки-таловки, чечетки (выводки), кедровки.

Днем шел сильный грозовой дождь. Большая палатка в нескольких местах дала течь.

20 июля. Проводник продолжал поиски оленей. По его сообщению, оленей вчера гонял медведь. Это подтвердилось и тем обстоятельством, что сегодня в течение дня возвратились в лагерь поодиночке пять оленей. Животные были голодны и очень утомлены; видно было, что олени, напуганные вчера нападением медведя, в страхе разбежались по тайге и только часть их смогла снова возвратиться в лагерь.

.....

<sup>2</sup> При отъезде из Москвы на Дальний Восток я получил специальное разрешение на отстрел в Судзухинском заповеднике одного гималайского медведя для Зоологического музея МГУ.

Днем из ближайшего стада к нам неожиданно приехали два якута-оленевода. Они еще вчера заметили с горы дым от нашего костра и дымокуров и решили разведать, что за люди и зачем пришли в тайгу. Приезд оленеводов был для нас радостным событием; помощь подоспела вовремя. Оленеводы остались у нас ночевать.

21 июля. Утром отправил лаборанта и проводника с оленеводами в стадо за оленями, так как рассчитывать на возвращение остальных наших оленей больше нельзя.

Поют пеночки-таловки и зеленые пеночки. По временам с характерным криком пролетают чечетки. На реке наблюдались сизые чайки.

22 июля. В два часа дня возвратились посланные вчера за оленями. Они привели недостающих нам восемь оленей.

Вечером сняли лагерь и выступили в обратный путь. Перейдя вброд на противоположный берег и пройдя около 12 км, остановились на ночлег, разбив лагерь на большой поляне, в пойме реки Мелы.

23 июля. Прекрасное утро. Поют чечевицы, бурые и зеленые пеночки, кричат кедровки. Лаборант и проводник сушат на солнце мясо сохатого, полученное вчера от оленеводов. Экскурсировал в пойме реки Мелы; здесь широкий травянистый луг, поросший местами кустиками ивы, таволгой и кустарниковой лапчаткой. Река образует несколько протоков с каменистым ложем и тихими заводьями. По берегу — бордюры из кустов ивы и больших деревьев чозении, растущих отдельными группами также и на лугу.

Здесь мне удалось сделать одну из интереснейших наших находок за эту экспедицию. Дело было так. Я услышал незнакомое мне стрекотание, напоминающее несколько стрекотание кузнечика. Но этот своеобразный звук принадлежал какой-то неизвестной мне птице. Через некоторое время я добыл ее. Это оказалась малая пестрогрудка (*Bradypterus thogacicus*), впервые найденная в Якутии. Птичка была доверчива и близко подпускала к себе, продолжая петь. Ее песенка, довольно тихая, слышна лишь на сравнительно близкое расстояние. Она звучит как много раз повторяемое «ззи — ззи — ззи...».

Я слышал здесь пение еще одной птички этого вида. Несмотря на продолжительные поиски в травянистых зарослях, найти гнездо малой пестрогрудки мне так и не удалось. В этом же биотопе держались дубровники, бурые пеночки и красногорлые соловьи.

Надо отметить, что это самое северное нахождение данного вида. Ближайшие места находок малой пестрогрудки известны в районе южного Байкала и в хребте Тукуринга Амурской области. Малая пестрогрудка из Непала была описана в 1845 г.

## *Фактория Становая в тундре на реке Коньковой*

24 июля 1957 г. Сегодня закончили работу в тундре. Весь день прошел в сборах: упаковываем собранный материал, чистим ружья; я пишу этикетки.

Радировал в Нижние Кресты о высылке самолета для переброски экспедиции в Походск на Колыме. Заведующий факторией А. Я. Фомин смотрит на это дело весьма скептически: он говорит, что летом сюда не прилетал еще ни один самолет, так как нет посадочной площадки. Если самолета не будет, то мы сможем выбраться отсюда только через три месяца, в конце октября — начале ноября, на собаках, когда установится зимняя нартовая «дорога». Но это невозможно, это срыв моих дальнейших осенних работ на Колыме и Лене.

26 июля. Замечательно хороший солнечный день. У фактории отмечены серебристые чайки, полярные крачки, зимняки, чечетки, много молодых краснозобых коньков и лапландских подорожников. Почти весь день прошел в поисках площадки для «аэродрома». Наиболее подходящим для этой цели оказался немного приподнятый твердый берег реки Коньковой, на противоположной стороне от фактории.

27 июля. Погода резко изменилась; сегодня пасмурный и холодный день. Наблюдал пролетавшего сапсана, на которого напал длиннохвостый поморник. Отмечены полярные чайки.

30 июля. В тундре много молодых турухтанов и дутышей, которые держатся уже совершенно самостоятельно.

Сегодня получил телеграмму из Нижних Крестов с извещением, что самолет может быть выслан, если будет подготовлена твердая посадочная площадка длиной 400 м и шириной 50 м; причем границы ее должны быть обозначены белыми флажками. Вечером на противоположном берегу реки приступили к работе по подготовке посадочной площадки для самолета. Здесь вдоль реки тянется твердая береговая гряда, которую мы и решили использовать для «аэродрома». Пришлось на лодке возить с противоположного берега дерн и закладывать им все более или менее значительные углубления в почве. Выравнивая площадку, срываем многочисленные кочки. Работа закипела. Только бы не пропали напрасно наши труды.

31 июля. С утра работаем на «аэродроме». На руках появились мозоли, но на душе стало спокойнее. Для флажков разорвали вкладыши из спальных мешков и белые рубашки. Чукчи, бывшие в эти дни на фактории, с недоверием смотрят на нашу работу. По их глубокому убеждению, самолет сюда не прилетит.

В конце дня радировал в Нижние Кресты о том, что посадочная площадка у фактории Становой готова.

1 августа. Последние сборы и приготовления к отъезду. День прошел в томительном ожидании; надежда сменялась сомнением.

Наконец вечером послышался гул мотора. Мы выбежали из землянки и увидели самолет. Он несколько раз с ревом пронесился бреющим полетом над ярангами и посадочной площадкой и снова уходил в небо, опасаясь совершить посадку на нашем «аэродроме». Лишь на восьмом заходе самолету удалось приземлиться. Посадка и взлет прошли благополучно.

Через час мы летели над тундрой. Я мысленно прощался с ней. Вскоре внизу показалась темная полоска реки. Это Колыма — великая водная артерия Северо-Восточной Азии. Прощай, тундра... Ты много подарила мне чудесных незабываемых дней, и я еще вернусь к тебе, чтобы снова услышать на заре трубные крики канадских журавлей, серебристую трель американских бекасовидных веретеников и снова увидеть белых журавлей и розовых чаек.

### *Верхоянский хребет*

22 июня 1959 г. Днем, завьючив шесть лошадей, выступили из Батагай-Алыта в высокогорный маршрут по Верхоянскому хребту. Наши работы будут проходить главным образом по хребту Орулган и в южных отрогах Куларского хребта, за Полярным кругом, у 68-й параллели. Проводником экспедиции идет якут Михаил Тихонов из поселка Кустур.

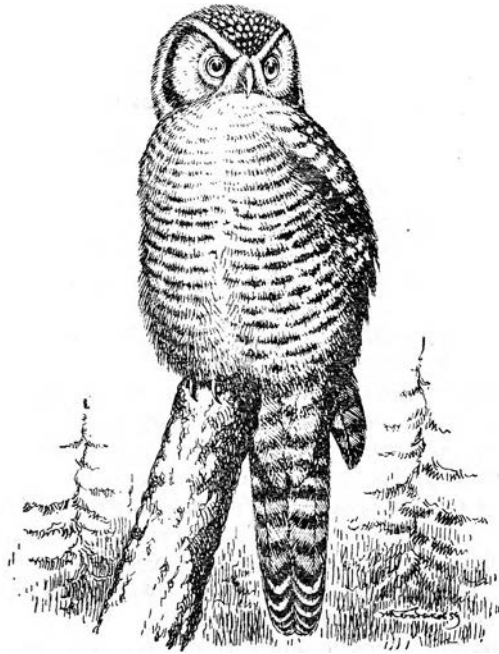
Пройдя 10 км, подошли к озерам Сыганнаах. На берегу второго озера, на опушке лиственничного леса, разбили наш первый лагерь. Холодно. Идет небольшой снег. Вершины ближайших гор покрыты снегом. Поставив палатку и напившись чаю, отправились с препаратом на озеро. Здесь держались стая горбоносых турпанов, стая малых крохалей, состоящая из 12 селезней, и чернозобые гагары. В лиственничной тайге мы отметили лишь темных дроздов и овсянок-крошек.

23 июня. Утром экскурсировал по берегу озера и в прилегающей тайге. Сегодня здесь, кроме темных дроздов и овсянок-крошек, мы наблюдали выюрков, пятнистых коньков, сероголовых гаичек и выводок куکش.

Нашел гнездо темного дрозда, сделанное на лиственнице, у ствола, на высоте 5,5 м. В гнезде оказались большие, почти уже оперившиеся птенцы. Вероятно, через два-три дня они покинут гнездо. Дрозды собирали корм для птенцов на болотистом берегу озера. В другом месте мы наблюдали, как темный дрозд энергично нападал на бурундука, стараясь прогнать его от своего гнезда. Мы неоднократно убеждались, что этот зверек похищает яйца дроздов.

На открытых луговинах, у озер, гнездились желтые трясогузки, бекасы и кулики-фифи. Здесь же мы нашли гнездо овсянки-крошки, в котором было пять маленьких птенцов.

На болотистом берегу видели одиночного серого журавля. Вечером на болоте нашли гнездо бекаса с тремя пуховичками, появившимися, несомненно, только сегодня. Бекас сидел на гнезде,



Ястребиная сова

вторая птица находилась поблизости. Наблюдал пролетавшего беркута. Временами идет снег.

24 июня. Всю ночь шел дождь, а в горах выпал снег. Утром смотрел найденное вчера гнездо бекаса. Птенцы уже покинули его; в нем лежала только скорлупа от яиц. Бекасы держались около гнезда. Через некоторое время мне удалось найти п пуховичков; они сидели в нескольких метрах от гнезда. Самка и самец согревали их. Интересно отметить, что птенцы сидели не на сухом месте, а прямо в мелкой воде. Слетевший от выводка самец вскоре начал токовать. Я полагаю, что токование было вызвано сильным волнением и беспокойством бекаса, и, несомненно, это явление аналогично поведению некоторых видов птиц, у которых самец в момент опасности для гнезда начинает вдруг громко петь. Двух пуховичков я взял; у одного из них в пищеводке был небольшой земляной червяк. Над озером летают ласточки-воронки; вероятно, они гнездятся в ближайших скалах.

Днем выступили дальше. Отмечен нелетный, но покинувший гнездо птенец темного дрозда. Нашел старое гнездо кукши, сделанное на лиственнице весьма открыто. В гнезде большое количество перьев, что очень характерно для гнезд этого вида. В разреженной лиственничной тайге наблюдал пару свиристелей.

Вечером на берегу реки Улахап-Саккырыр разбили лагерь. Место очень красивое. Слышно пение темного дрозда и пеночки-таловки. В 12 ч ночи совершенно светло.

25 июня. Прекрасное утро. Интенсивно поет пеночка-таловка. Наблюдал, как пара вьюрков с ожесточением нападала на кукуш, отгоняя их от своего гнезда.

Экскурсировал в лиственничной тайге, у реки. Из птиц, кроме указанных ранее, были отмечены еще пеночка-зарничка, овсянка-ремез и кулик-черныш. Встречаются едва лётные птенцы темных дроздов, вероятно, один-два дня тому назад покинувшие гнезда. Этот дрозд здесь весьма обыкновенен.

Слышно кукование кукушки. Среди лиственничного редколесья, примерно в 300 м от реки, нашел гнездо чирка-свистунка, в котором было шесть яиц. Яйца оказались сильно насижены (большой зародыш, покрытый эмбриональным пушком). Гнездо помещалось у сухих стволов ивового куста; сверху оно было совершенно открыто. Сбоку гнездо было выложено толстым слоем темного пуха насиживающей птицы. Утка сидела на гнезде.

Вечером ходил по каменистым островам реки. Добыл двух пепельных улитов, державшихся поодиночке. Это были самки со спавшими яичниками. Наседные пятна отсутствовали.

В пойменном лесу, состоящем из чозений, нашел прошлогоднее гнездо, принадлежащее, по всей вероятности, сибирской чечевице. Оно было сделано на дереве, около ствола, на высоте 2 м. Видел пролетавшего сапсана.

27 июня. Экскурсировал по многочисленным островам реки Улахан-Саккырыр. Некоторые из них открытые, каменистые, другие же поросли чозенией и лиственницей. Наблюдал пепельных улитов, пятнистых коньков, овсянок-крохлек, обыкновенных чечевиц, белых трясогузок, пеночек-зарничек. Слышно пение синехвостки и пеночки-таловки. Здесь по островам, а также по берегу весьма обычны длиннохвостые суслики.

Во второй половине дня на склоне гор, в высокоствольной лиственничной тайге, добыл сибирскую чечевицу. Птица имела большое наседное пятно, что определенно указывало на ее гнездование здесь. Это самое северное местонахождение сибирской чечевицы, значительно расширяющее к северу известный до сих пор ее гнездовой ареал.

Нашел гнездо сероголовой гаички с птенцами. Гнездо было сделано в дупле засохшей лиственницы на высоте всего лишь 70 см. Гаички были заняты выкармливанием птенцов.

Опять наткнулся на труп зайца, недавно попавшего в петлю. Эти петли, оставляемые здесь якутами после зимнего промысла, уничтожают большое количество зайцев. Подобное варварское отношение к промыслу практикуется здесь, по-видимому, довольно широко.

29 июня. Днем выступили дальше. Перейдя вброд несколько речных проток, пошли тайгой в западном направлении к реке Тара-Сала. Отмечена желна. Сегодня у нас удачный и радостный день. Пройдя 8 км, неожиданно встретили пару кроншнепов-малюток (*Numenius borealis*), державшихся в криволесье (листвен-



ница) с большим количеством ягеля и мха. Птицы с тревожным криком летали недалеко от нас, присаживаясь на вершины деревьев. Несомненно, что где-то здесь было их гнездо или выводок. Недалеко отсюда я увидел еще пару этих кроншнепов. Решили подойти к реке и на берегу разбить лагерь, чтобы иметь возможность понаблюдать и добыть этих замечательных птиц.

Когда мы шли опушкой криволесья, то видели еще две парочки кроншнепов-малюток, которые также с тревожным криком летали кругом. Таким образом, здесь было не менее четырех пар этих птиц.

Пройдя 2 км, мы вышли к реке и разбили лагерь. После этого я снова, уже поздно вечером, отправился на то место, где держались кроншнепы. Здесь, в криволесье, вскоре увидел одну из птиц, сидевшую на вершине дерева. Заметив меня, кроншнеп начал тревожно кричать. По-видимому, это была сторожевая птица. Спустившись в низину, я довольно долго, но безрезультатно искал их гнездо или птенцов. Самец и самка с тревожным криком летали недалеко от меня, присаживаясь на вершины лиственниц.

Нашел гнездо черноголового чекана, в котором было восемь яиц. Взял одно контрольное яйцо; оно оказалось сильно насиженным (большой зародыш с эмбриональным пушком). Самка сидела на гнезде. Гнездо было сделано на кочке; сверху оно хорошо закрыто сухой травой. Лоточек выложен перьями белой куропатки.

Когда я находился у гнезда чекана, то заметил, что один из кроншнепов спустился на землю и перебегает, скрываясь за кочками. Я стал наблюдать за ним в бинокль. Вскоре кроншнеп сел, и около него появился пуховичок, который быстро подлез под птицу. Заметив место, я направился туда, где и обнаружил затаившегося пуховичка. Так, в течение некоторого времени, при помощи взрослых птиц, садившихся согреть пуховичков, мне удалось найти и остальных трех птенцов, сидевших в разных местах. Птенцы еще едва передвигались — вероятно, только утром вылупились из яиц. Самец и самка были мною добыты; они имели хорошо развитые наседные пятна, это указывало на то, что обе птицы принимают участие в насиживании яиц. В лагерь возвратился в два часа ночи.

30 июня. Утром препарируем добытых кроншнепов и их пуховичков. У лагеря слышал свистелей. Днем отправились на экскурсию. Опять встретили кроншнепов-малюток, державшихся парами. Наблюдали, как один кроншнеп с ожесточением нападал на двух кукушек, которые, по-видимому, близко подлетали к пуховичкам. Фотографировал гнездовой биотоп кроншнепа-малютки — это лиственничное криволесье, почва покрыта ягелем и мхом. В низинах, на болоте, по которому всюду разбросаны небольшие озера, гнездились кулики-фифи, желтые трясогузки и черноголовые чеканы. В нескольких местах видели следы медведя,



### *К биологии размножения птиц*

Я затрону здесь лишь некоторые вопросы, относящиеся к биологии размножения наших птиц, с которыми мне пришлось столкнуться во время моих исследований.

Период гнездования у разных видов птиц различен, и начало его в значительной степени определяется состоянием погоды и развитием весны. По нашим наблюдениям, в Московской области гнездовой период продолжается примерно около четырех месяцев. Сначала к гнездованию приступают оседлые виды, обитающие у нас круглый год. При первых признаках весны начинают гнездиться ворон, филин, серая неясыть и некоторые другие. Разгар гнездового периода в средней полосе России приходится на апрель, май, июнь. В июле большинство птиц уже закончили свои гнездовые дела. В это время можно встречать, главным образом, гнезда с повторными кладками, да у хищных птиц в июле птенцы еще находятся в гнездах.

Но иногда случается находить гнезда и в конце лета. 2 августа 1965 г. в районе станции Тучково я нашел гнездо пеночки-теньковки, в котором оказались очень маленькие птенцы. А в двух метрах от него обнаружил гнездо лесной завирушки с тремя яйцами. Оба гнезда были сделаны в поросли маленьких елочек, на опушке смешанного леса. 16 августа я снова посетил это место; в гнезде теньковки были большие птенцы, и, когда я дотронулся до гнезда, один птенец вылетел из него. В гнезде завирушки оказались два птенца и одно яйцо. 4 августа 1940 г. близ деревни Прилуки на Оке мною было найдено гнездо козодоя. Сидевшая на гнезде самка слетела при моем приближении. В гнезде оказалось яйцо и маленький птенец, около которого лежала яичная скорлупа.

Еще более позднее гнездо было найдено мною в Подмоскowie в дни моей юности. 4 сентября 1917 г. нашел я гнездо зимородка с птенцами. Оно было сделано в норе, в береговом обрыве реки Бицы,

Подобные поздние гнезда мне приходилось находить также и в других местах. Так, например, в дельте Волги 4 сентября 1926 г. я нашел гнездо ремеза с птенцами. Там же 8 сентября 1928 г. мною было найдено гнездо колпика (*Platalea leucorodia*), в котором сидели два больших, но еще не лётных птенца.

Надо, однако, отметить, что подобные поздние гнезда приходится находить очень редко.

Свои гнезда птицы помещают в самых разнообразных местах — на деревьях и кустах, в травянистых зарослях, в тростнике, в дуплах и земляных норах, в кучах хвороста, на земле и в скалах. Строят плавучие гнезда на воде и, наконец, используют постройки человека. Каждый вид помещает и строит гнездо по-своему.

В дуплах, как хорошо известно, гнездятся все наши дятлы, причем только эти птицы способны сами делать дупла. Как правило, дятлы почти ежегодно меняют дупло, делая себе весной новое. Старые дупла занимают различные виды «дуплогнездников»; к ним относятся клинтух, несять серая, мохноногий сыч, сычико-воробей, вертишейка, скворец, поползень, мухоловка-пеструшка, горихвостка, синицы и некоторые другие.

Интересно отметить, что поползни, занимая старые дупла дятлов, всегда уменьшают размер лётного отверстия, для чего они замазывают сырой землей нижнюю его часть. За подобной работой я застал поползня 4 апреля 1975 г. в Подмосковье. В Верхоянье (Якутия) 8 июня мною было найдено гнездо поползня, помещавшееся в сломанном стволе лиственницы на высоте 85 см. Это дупло раньше принадлежало, по-видимому, трехпалому дятлу. Нижнюю часть лётного отверстия поползень заделал землей, оставив лишь маленькое круглое отверстие размером не более 2,5X X3 см.

Вероятно, немногие знают, что даже среди уток есть виды, гнездящиеся в дуплах. Это — гоголь, большой крохаль, луток и мандаринка. Последний вид встречается у нас только в Уссурийском крае и Приамурье.

Ниже я привожу выписку из полевого дневника зоолога А. А. Меженного, относящуюся к гнездованию гоголя в якутской тайге, на реке Тяне (бассейн р. Чары).

«8 июня. Наблюдал, как пуховички гоголя покидали дупло. Сидевшая на гнезде утка слетела на землю и, тихо покрякивая, стала звать птенцов. Последние не заставили себя долго ждать; они один за другим с некоторыми интервалами показывались из дупла и прыгали вниз. При прыжке грудь выставлена вперед, а ноги направлены назад. В течение нескольких минут все шесть утят благополучно выпрыгнули из дупла и с писком пошли за уткой. Мать повела их прямо к реке, и они буквально перебежали по воде на противоположный берег.

На протяжении 500 м по реке Тяне я нашел в 1954 г. три гнезда гоголя. Все они помещались в дуплах, принадлежавших

когда-то черному дятлу. Дупла располагались высоко, самое низкое из них было на высоте 9 м».

5 августа 1947 г. в уссурийской тайге я нашел гнездо ширококорота (*Eurystomus orientalis*), в котором были большие птенцы. Гнездо помещалось в дупле сухого ствола диморфанта, на высоте 12 м. Оно когда-то было сделано черным дятлом. Интересно отметить, что в прошлом это дупло, кроме черного дятла, занимала и летяга, так как среди трухи оказалось большое количество помета этого зверька. И, наконец, в этом году в нем загнезвился ширококорот.

25 мая 1973 г. в смешанном лесу Московской области я нашел гнездо черного дятла с большими птенцами. Дупло было сделано в полужасошшем дубе, на высоте 8,5 м. В начале августа я зашел посмотреть это дупло; в нем уже поселились шершни. Так, одно и то же дупло служит много лет самым различным поселенцам.

Орнитолог никогда не пройдет мимо дупла, чтобы не заглянуть в него или не постучать по стволу. Занято оно или пустое, и кто поселился в нем?

К птицам, гнездящимся на земле, относятся глухари, тетерева, рябчики, куропатки, фазаны, турачи, болотные и полярные совы, козодои, жаворонки, коньки, чеканы, пеночки, соловьи и некоторые другие. Однако есть немало видов из различных систематических групп, способных гнездиться как на земле, так и на деревьях или на кустах. К ним можно отнести, например, весьма обыкновенного в наших лесах дрозда-белобровика. За последние годы в Московской области мною найдено 72 гнезда этого дрозда; из них 26 помещалось на земле, остальные гнезда были сделаны на деревьях, часто на небольших елочках, в полудуплах, в кучах хвороста или на пнях. Таким образом, расположение гнезда у данного вида очень разнообразно.

Сибирский сорокопуд (*Lanius cristatus*) тоже гнездится на деревьях, кустах и на земле. Некоторые виды пеночек способны гнездиться не только на земле. Особенно это относится к широко распространенной у нас пеночке-теньковке. Она довольно часто помещает свое гнездо не на земле, а на маленьких елочках. Так, например, в Московской области я нашел однажды гнездо теньковки с птенцами. Оно помещалось на маленькой елочке, на высоте 46 см. Гнездо имело шарообразную форму и маленькое летное отверстие сбоку. Сделано оно было из сухих стеблей, причем снаружи из более грубых, внутри выложено мягкими перьями рябчика.

Зеленая пеночка (*Phylloscopus trochiloides*), как правило, гнездится на земле, но однажды, 30 июня 1953 г., в Ярославской области, в смешанном лесу я нашел гнездо этого вида в полудупле сухого ствола сломанной ольхи, на высоте около трех метров. Гнездо было сделано из мха, сухих листьев и сухой трухи. В нем оказалось пять чисто-белых яиц. На гнезде сидела самка.

Среди куликов, которые, как правило, гнездятся па земле, некоторые виды иногда откладывают яйца в старые гнезда дроздов, расположенные на деревьях. Чаще всего так поступает кулик-черныш; в гнезде дрозда была найдена также кладка яиц пепельного улита.

Иногда наблюдаются и противоположные явления, когда птицы, гнездящиеся на деревьях или кустах, помещают свое гнездо на земле. Мне приходилось находить гнезда зяблика, чечетки, серой славки и серой мухоловки на земле. Порой трудно бывает объяснить столь необычное отклонение от нормального для данного вида расположения гнезда.

Много лет назад 25 апреля я нашел в долине реки Сумбара на юге Туркмении гнездо большой синицы, которое было сделано в земляной норе, в отвесной стене арыка. Лоточек гнезда находился в 22 см от входного отверстия. В гнезде оказались маленькие, еще голые и слепые птенцы.

Этот весьма интересный случай гнездовой адаптации птиц легко можно объяснить. Отсутствие в долине Сумбара старых дуплистых деревьев заставило синиц приспособиться к местным условиям и гнездиться в несколько иных условиях, т. е. не в дуплах, а в норах.

Но иногда встречается совершенно необычное расположение гнезд. Особенно запомнился мне один случай. 23 мая 1923 г. на Северо-Восточном Кавказе, на пути к Кизляру, во время стоянки поезда мы обнаружили на железнодорожной станции гнездо скворца с птенцами, помещавшееся в фонаре, мимо которого проходили поезда.

В орнитологической литературе описан случай, когда гнездо каменки (*Oenanthe oenanthe*) помещалось на полотне железной дороги, в небольшом углублении под рельсом. Интересно отметить, что над насидивающей птицей ежедневно проходило несколько поездов.

Однажды мне пришлось найти гнездо полевого воробья, сделанное в срубе колодца, на глубине 1,5 м. Из гнезда был слышен писк птенцов, родители кормили их. К сожалению, мне не удалось наблюдать, как происходил вылет птенцов из этого столь необычно расположенного гнезда, и смогли ли они благополучно выбраться из колодца.

Летом 1931 г., путешествуя по астраханской полупустыне, я был очень удивлен, обнаружив гнездо кряквы среди песков, поросших местами редкими кустиками. В гнезде было пять яиц. Спустя несколько дней были найдены еще два гнезда кряквы, сделанные также среди песков, вдали от водоемов. Трудно объяснить подобное явление, когда утки, типичные водоплавающие птицы, гнездятся в полупустыне, вдали от воды. Может быть, здесь меньше хищников, угрожающих гнездам, чем в прибрежных зарослях. Действительно, мы не видели в этих местах ни болотных луней, ни ворон, обычных разорителей птичьих гнезд.

Нередко птицы используют также и старые гнезда других видов. В качестве примера могу привести следующие наблюдения.

9 июля в Подмоскowie я нашел гнездо серой мухоловки, помещавшееся под крышей, в старом гнезде ласточки-воронка. В гнезде находились птенцы.

В Гиссарском хребте, в районе кишлака Зидди, на высоте 2300 м, в первых числах июня я наблюдал несколько пар ласточек-воронков, гнездящихся на отвесной скале. Часть гнезд воронков занимали домовые воробьи. Из этих гнезд торчали сухая трава и стебли, которые натаскали туда воробьи. Как-то непривычно было видеть головы воробьев, высывающихся из лепных ласточкиных гнезд.

Иногда птицы используют старые гнезда в качестве опоры для нового гнезда. В Якутии во время Верхоянской экспедиции в тайге, по среднему течению р. Бытантай, неоднократно приходилось встречать гнезда дроздов, расположенные на старых гнездах. 3 июня мной было найдено гнездо темного дрозда (*Turdus eunotus*), сделанное на чозении на высоте 2,5 м. Оно располагалось на двух старших гнездах дроздов. В гнезде было шесть яиц.

Поблизости я нашел постройку дроздов, состоящую из четырех старых гнезд, сделанных одно на другом. Таким образом получалось весьма оригинальное четырехэтажное сооружение.

7 июня в пойме реки нашел гнездо сибирской завирушки (*Prunella montanella*), в котором было пять яиц. Гнездо было сделано на чозении, у ствола, на высоте 2 м, на каком-то старом гнезде.

Вот некоторые примеры тех отклонений, а также случаи приспособления птиц к различным условиям гнездования.

Но нам известно также и большое постоянство в расположении гнезда у отдельных видов. Примером этого, на мой взгляд, может служить широкохвостая камышевка (*Cettia cetti*). Во время изучения орнитофауны дельты Волги мне удалось найти большое количество гнезд этой птицы. Все они были довольно однотипны, и большинство их помещалось на кустиках ежевики. Много лет спустя я снова встретил широкохвостую камышевку, но уже в Гиссарском хребте, в горных условиях, резко отличающихся от ее обычного биотопа, но тем не менее ее гнездо здесь, как и в дельте Волги, было сделано на кустике ежевики и помещалось примерно на той же высоте. Таким образом, можно утверждать, что одни виды птиц обладают большой пластичностью гнездовых инстинктов, другие, наоборот, в этом отношении весьма консервативны.

Наблюдая за постройкой гнезд, иногда приходится подсмотреть интересные детали. В дельте Волги мое внимание привлекли замечательные гнезда ремезов — искусные сооружения, подвешенные к ивовым ветвям. Ремез принадлежит к обыкновенным и весьма характерным птицам волжской дельты. Мне удалось найти 56 гнезд этого вида, и я всегда с особым интересом наблюдал за

их постройкой. Я видел, как ремез подлетал к старому прошлогоднему гнезду и таскал из него строительный материал для нового гнезда. По-видимому, это значительно облегчало птицам их работу. Надо отметить, что ремезы очень спокойно, не торопясь занимались своим делом.

Интересное наблюдение мне удалось сделать в Гиссарском хребте, на отрогах Варзобского ущелья, на высоте 1800—2000 м, где мы обнаружили ремезов на гнездовье. Найденные гнезда располагались у ручья или на ивах или на склонах гор на деревьях — грецком орехе или клене. Непривычно было видеть висячие гнезда ремеза среди скалистых гор, в ущельях, заваленных камнями, у бурного горного потока. Так как для гнезд ремезам нужен специфический материал — «растительный пух», а в это время в горах его еще нет, то птицы явно испытывали затруднения в строительном материале. Они полностью использовали материал старых прошлогодних своих гнезд, растаскивая его по клочкам для нового гнезда. Мы всегда находили близ строящихся гнезд прошлогоднее гнездо, уже частично разорванное, и наблюдали, как ремезы таскали из него клочки растительного пуха. Однажды я наблюдал в бинокль, как во время отсутствия владельцев гнезда к нему подлетел ремез и, уцепившись снаружи, начал быстро выклевывать из его стенок «пух». Видно было, что птичка очень торопилась. Собрав в клюв довольно значительный пучок пуха, она полетела на противоположную сторону ущелья к своему гнезду. Это было уже настоящее воровство, грабеж среди белого дня. За ней сейчас же откуда-то со стороны погнался другой ремез, по всей вероятности, владелец гнезда. Нехватка строительного материала в это время года вынуждает ремезов использовать не только материал старых прошлогодних гнезд, но при случае таскать его даже из новых гнезд своих ближайших соседей.

Совершенно особый интерес представляет наблюдение, сделанное недавно моим братом на окраине Москвы. Ранней весной, в период постройки гнезд, ему не раз приходилось видеть, как домовые воробьи добывают материал для гнезда, вырывая мелкие перья из надхвостья голубей. Эта своеобразная операция происходит на лету; воробей пикирует на пролетающего голубя и клювом вырывает из его белого надхвостья мягкое и пушистое перышко, с которым летит к своему гнезду. Иногда при этом еще одно-два пера, выдернутые из надхвостья, медленно падают на землю. Чем же вызвано столь необычное поведение воробьев?

Как известно, гнезда воробьев содержат большое количество перьев и пуха. Но в современных городах, при полном отсутствии домашних птиц — кур, уток, гусей — этот гнездовой материал почти исчез, и только от голубей его еще можно получать. Вполне естественно, что перьев, которые голуби сбрасывали во время линьки, было явно недостаточно для воробьев и, по-видимому, это обстоятельство и заставило их перейти к более активным действиям в отношении добычи голубиных перьев. Перед

нами весьма наглядный пример адаптации вида к новым условиям.

Число яиц в кладке у разных видов весьма различно. Некоторые крупные хищники (черный гриф, белоголовый сип, змеяед) откладывают только по одному яйцу. По два яйца откладывают журавли, голуби (вахирь, клинтух, горлица), козодои. У большинства видов кладка содержит от трех до шести яиц. Из воробьиных птиц наибольшее число яиц откладывают синицы. Мне приходилось находить гнезда больших синиц, содержащие 10, а у длиннохвостой синицы 11 яиц. Самые большие кладки имеют серые куропатки. 7 июня 1922 г. в Каменной степи Воронежской области пастух показал гнездо серой куропатки, сделанное под кустом лоха, среди довольно густой травы. В гнезде оказалось 21 яйцо. Это была самая большая кладка, которую мне пришлось когда-либо видеть.

Количество яиц в кладке у одного и того же вида подвержено значительным колебаниям и зависит от ряда причин. Несомненно, что возраст птиц имеет здесь немаловажное значение.

Для некоторых хищных птиц и сов существуют такие внешние факторы, как обилие пищи в период размножения. Примером может служить мохноногий канюк, белая и болотная совы. У этих видов наблюдается замечательная экологическая закономерность между размножением и состоянием кормовых ресурсов. Когда в тундре обилие леммингов, белая сова откладывает по восемь—десять яиц, в обычные годы их кладка содержит всего лишь четыре—шесть яиц. В такие «мышиные» годы количество яиц в кладке у болотных сов всегда бывает несколько больше и, кроме того, встречаются даже повторные, иногда очень поздние кладки. В Южном Приморье в год массового размножения мышевидных грызунов 19 ноября 1948 г. в районе ст. Липовцы (40 км к северо-западу от Уссурийска), среди открытого ландшафта, в небольшом кустарнике дубняка и орешника, было найдено гнездо болотной совы. На земле под кустиком дубняка без всякой подстилки находилось пять еще маленьких птенцов и два яйца. Возраст птенцов был очень различен: самый старший из них достигал примерно половины размера взрослой совы, второй птенец был заметно меньше, третий и четвертый еще меньше, а последний, вероятно, только недавно вылупился из яйца, так как скорлупа лежала в гнезде. Около гнезда находилась целая куча полевков и мышей. При повторном посещении гнезда в нем ничего не оказалось, кроме нескольких косточек от птенцов. Не было также и запаса мышевидных грызунов. Вероятно, здесь хозяйничала лиса или енотовидная собака.

В дельте Волги я впервые встретил на гнездовье болотных сов летом 1930 г., во время массового размножения водяной полевки. (До этого в течение четырех лет я встречал в дельте Волги болотных сов только на осеннем пролете.) Летом того же года болотные совы были здесь многочисленны и гнездились до самого



взморья. Гнездо этой совы, найденное в густой и высокой траве на берегу реки Обжоровой 11 июня, содержало восемь яиц. В обычные годы в кладке четыре-пять яиц.

В том же году в дельте Волги мною впервые были найдены на гнездовье и ушастые совы. Основной добычей многочисленных хищников служили водяные полевки, и я постоянно встречал их остатки в гнездах коршунов, балобана, болотных луней, степных орлов, а также серых цапель и квакв (*Nycticorax nycticorax*).

\* \* \*

Несколько слов о размножении кукушек. В нашей стране встречается на гнездовье пять видов кукушек — обыкновенная, глухая, малая, индийская и ширококрылая (*Cuculus fugax*). Из них только обыкновенная кукушка имеет огромную область распространения. Глухая кукушка населяет северо-восточные области Европейской части Союза и таежную область Сибири и Дальнего Востока, включая Камчатку, Сахалин и Курильские острова. Остальные три вида кукушек распространены у нас только в Уссурийском крае и в Приамурье.

Особенность размножения кукушек, как хорошо известно, заключается в том, что они не строят гнезд, не насиживают яйца и не выкармливают птенцов, поручая это дело, т. е. заботу о своем потомстве, другим птицам. Эту замечательную особенность кукушек мы называем «гнездовым паразитизмом». Кукушки откладывают свои яйца главным образом в гнезда мелких воробьиных птиц, причем в каждое гнездо кладут только по одному яйцу. Известно 140 видов птиц, в гнезда которых обыкновенная кукушка откладывает свои яйца.

Когда появляется птенец кукушки, то примерно через два дня в гнезде происходит нечто совершенно необычное. Маленький, еще совершенно голый и слепой кукушонок, начинает выбрасывать из гнезда одно за другим яйца своих приемных родителей. Так же поступает он и со своими сводными братьями и сестрами, если те уже успели появиться на свет. Мало кто видел это интереснейшее зрелище, это столь ярко выраженное проявление инстинкта. На первый взгляд подобные действия кукушонка не понятны и трудно объяснимы, но они вполне целесообразны и имеют исключительное жизненно важное значение для данной особи, так как, оставшись один в гнезде, кукушонок будет получать всю пищу, приносимую «родителями», и, следовательно, будет вполне обеспечен питанием. Гнездовой паразитизм — одна из интереснейших и еще недостаточно хорошо изученных проблем в биологии птиц.

Не часто приходится находить гнезда с яйцом или с птенцом кукушки. Для орнитолога это всегда большое и радостное событие. Дело в том, что многие детали подобного размножения еще не совсем ясны и требуют дальнейших наблюдений. За все время

своих исследований мне удалось найти только шесть гнезд с яйцом или птенцом кукушки. В Московской области это были два гнезда лесного конька и одно гнездо садовой славки; в дельте Волги — гнездо тростниковой камышевки с яйцом кукушки; в Ярославской области — гнездо лесной завирушки с птенцом кукушки и, наконец, в Тянь-Шане — гнездо расписной синички (*Leptoprocile sophiae*) с яйцом кукушки. Кроме того, мне приходилось наблюдать вылетевших из гнезда молодых кукушек, которых продолжали кормить белые трясогузки, зарянки и тростниковые камышевки. Вот что записано у меня в дневнике по поводу нахождения в Подмосковье гнезд с яйцом кукушки.

Летом 1918 г. в гнезде лесного конька, найденном 30 мая, было четыре яйца, а яйцо кукушки лежало рядом с гнездом; окраска его — голубая без всяких отметин. В этом же лесу 6 июня было найдено второе гнездо лесного конька, содержащее три яйца и одно яйцо кукушки. Окраска его была совершенно аналогична окраске первого яйца кукушки. Несомненно, что эти два яйца принадлежали одной птице (оба гнезда лесного конька находились поблизости). Говорить о подражательной окраске яиц кукушки в данном случае нельзя: они резко отличались от яиц лесного конька.

4 июля 1920 г. в Подмосковье мною было найдено гнездо садовой славки, в котором оказалось только два яйца, одно из них принадлежало кукушке. Наличие в гнезде только одного яйца садовой славки давало основание предполагать, что остальные яйца кукушка выбросила при откладывании своего яйца. Оба яйца по окраске были очень похожи между собой, но яйцо кукушки заметно крупнее. Размер яиц садовой славки 20,6X14,7 мм, кукушки — 23,3X16,0 мм.

12 июля я застал в гнезде маленьких еще голых и слепых птенцов, вылупившихся, вероятно, только накануне. Птенец кукушки, более крупный и темный, чем птенец садовой славки, уже поднимал голову и раскрывал клюв, прося пищу. Птенец славки был еще настолько слаб, что не мог поднять головы. Славка сидела на гнезде.

16 июля в гнезде находился только птенец кукушки, второго птенца в гнезде не оказалось. Несомненно, что кукушонок уже успел его выбросить. За эти три дня он заметно вырос, хотя оставался еще слепым. Славка находилась у гнезда, и, когда я подошел, она с явным беспокойством стала перелетать с ветки на ветку поблизости от меня. На следующий день гнездо оказалось покинутым, кукушонок был мертв.

\* \* \*

Много интересных наблюдений мне удалось сделать над поведением различных птиц у гнезда или с выводком. 28 июня 1945 г. я долго выслеживал в тайге Супутинского заповедника парочку

синих соловьев (*Larvivora sulae*), державшихся около гнезда. Птицы перелетали поблизости от меня, выражая крайнее беспокойство, но держались чрезвычайно скрытно. По временам самец неожиданно громко «выкрикивал» часть своей песни. Подобное пение в минуты сильного волнения и беспокойства за свое гнездо мне приходилось слышать и у других птиц.

30 июня 1962 г. в тундре, между реками Хромой и Индигиркой, у границы леса, мне пришлось наблюдать выводок щеголя (*Ttinga eythropus*). Интересно отметить, что самец и самка поделили между собой выводок и держались на значительном расстоянии друг от друга (примерно в 200—250 м). Подобный раздел выводка между родителями приходилось наблюдать и у некоторых других видов птиц. Эта особенность в биологии размножения, по-видимому, гарантирует большую безопасность выводка и, следовательно, лучшее сохранение потомства.

2 июля 1974 г. в Московской области, в смешанном лесу у оврага, я встретил выводок крапивника. Самец и самка издавали тревожное трещание, а в момент наиболее сильного волнения самец вдруг начинал петь. Птенцы, вероятно, только утром покинули гнездо, так как перелетали еще очень неуверенно. Одного из них мне удалось поймать руками. Когда через день я снова пришел сюда, то застал здесь только самца с частью выводка, самка с половиной выводка уже откочевала в другую часть леса и держалась отдельно.

Поведение взрослых птиц (родителей) у гнезда весьма различно. Когда человек находится у гнезда, многие виды птиц проявляют весьма сильное беспокойство и тревогу, опасаясь за свое потомство. Причем, как правило, эта тревога заметно возрастает, если в гнезде находятся птенцы. Надо заметить, что подобное поведение родителей всегда очень помогает найти гнездо. Но ряд видов поступает совершенно иначе. При приближении человека к гнезду птица незаметно и молча покидает его и больше не показывается до тех пор, пока не минует опасность. Так, например, поступают снегири, пестрые дрозды (*Oreosincla dauma*). Подобное поведение, на мой взгляд, более рационально, так как затрудняет нахождение гнезда, способствует его сохранению.

Интересно отметить, что поведение птиц у гнезда даже одного и того же вида не всегда бывает идентично. Хорошим примером сказанного может служить следующее наблюдение. 1 июня 1971 г. в Московской области мною было найдено два гнезда дроздов-белобровиков. У первого гнезда, содержащего пять птенцов, белобровики, как обычно, проявляли крайнее беспокойство и с тревожным криком налетали на меня. Недалеко отсюда я нашел второе гнездо этого дрозда; в нем также оказалось пять маленьких птенцов. Это гнездо было сделано на полусгнившем пне, на котором росли четыре маленькие елочки, хорошо закрывавшие гнездо. Поведение белобровиков данного гнезда было совершенно иное, чем поведение птиц первого гнезда. Они вели себя доволь-

но спокойно, не проявляя столь сильного волнения. Когда через несколько дней я снова посетил это гнездо, белобровики по-прежнему спокойно держались на значительном расстоянии от меня. В этом случае хорошо проявились индивидуальные особенности поведения птиц одного и того же вида в сходной ситуации.

Некоторые птицы весьма энергично защищают свое гнездо, нападая при этом даже на человека. Особой смелостью отличается бородатая неясыть (*Strix nebulosa*). 16 июня в якутской тайге мною было найдено гнездо этой крупной совы. Большое старое гнездо, принадлежащее ранее, по всей вероятности, ястребу-тетеревятнику, помещалось на лиственнице, на высоте 9,5 м. В гнезде находился один птенец в сером пуху с пробивающимися маховыми перьями. Сова сидела на гнезде, но при нашем приближении она перелетела на ближайшее дерево, громко щелкая клювом. Когда один из моих спутников полез на соседнее дерево, чтобы сфотографировать гнездо, сова начала нападать на него и один раз сильно ударила лапами по спине, оставив на коже кровавые ссадины от когтей.

Из воробьиных птиц, пожалуй, наиболее энергично защищают свои гнезда дрозды-рябинники. Способ защиты у них довольно своеобразен. Птицы с тревожным криком налетают на человека и выбрасывают на него свои экскременты. Подобным образом защищают свои гнездовые колонии и крачки.

\* \* \*

Особый интерес всегда вызывали у меня гнезда хищных птиц. Я мог часами просиживать с биноклем под прикрытием древесных ветвей, наблюдая за гнездом ястреба-тетеревятника, осоеда, балобана... Только тогда и узнаешь по-настоящему многие детали и особенности биологии того или иного хищника.

11 августа 1970 г. в районе станции Тучково Московской области в смешанном лесу нашел я гнездо осоеда, у которого держался молодой осоед и одна взрослая птица, с характерным свистом летавшая над лесом. Гнездо помещалось на ели, на высоте 16 м.

Хищные птицы гнездятся в одном и том же гнезде по несколько лет. Я хорошо заметил это гнездо, чтобы весной проведать его и узнать, кто поселился в нем.

30 мая 1971 г. я посетил его. Осоед снова загнезвился здесь. Под гнездом нашел рулевое перо этого хищника. В бинокль на гнезде видны белые пушинки — верный признак, что гнездо обитаемо. Насиживающую птицу с земли не видно, и иногда бывает заметен только хвост. Много часов провел я у этого гнезда и сделал ряд интересных наблюдений. Я видел, как молодые осоеды впервые покидают гнездо. Это интересное зрелище. В гнезде было два птенца, причем, когда они выросли, то хорошо было заметно, что один из них более развит, чем другой (я назвал его «стар-

шим»). Он на два дня раньше покинул гнездо. По-видимому, это была самка.

9 августа. Ночью шел дождь, и утром я застал одного молодого осоеда за просушкой оперения. Он сидел на гнезде, распустив крылья, затем перешел на ближайший сук, где также некоторое время сидел с раскрытыми крыльями. Молодой осоед имел коричневато-бурое оперение и только верх головы был беловатый.

Придя сюда через некоторое время, я застал «старшего» птенца сидящим на дереве уже значительно выше гнезда. Второй птенец находился сначала в гнезде, но затем перебрался на соседнюю ветку. Было заметно, что он несколько слабее «старшего».

Около 7 ч вечера снова был у гнезда. Молодые осоеды сидели на тех же местах, где я оставил их несколько часов тому назад. Устроившись на своем обычном месте у ствола большой ели, я стал в бинокль наблюдать за гнездом. «Старший» птенец чистился, причем часто запускал голову под крыло. По временам он делал головой характерные движения, которые свойственны птицам перед тем, как слететь. Несколько раз он принимался с силой махать крыльями, как бы испытывая их. Затем перебрался вниз по наклонной на другой сук и снова возвратился на прежнее место, махая крыльями. Так повторялось три раза. После этих предварительных упражнений осоед несколько раз прираспускал крылья, порываясь слететь, но не решался. Наконец это произошло. Он слетел и скрылся среди деревьев. Надо отметить, что все это происходило молча. Взрослых птиц при этом не было. Второй осоед так и остался сидеть на своем месте.

11 августа. Вечером у гнезда застал двух молодых осоедов, сидевших на ели. Следовательно, улетевший 9-го вечером снова возвратился к гнезду. Иногда он начинал махать крыльями, как делал это перед вылетом. Вскоре подлетел взрослый осоед с добычей и, отдав ее «младшему» птенцу, улетел. Взрослого осоеда в бинокль легко отличить от молодых по ярко-желтой радужине.

Дальнейшие наблюдения показали, что молодые осоеды после вылета из гнезда в течение первых нескольких дней возвращаются в гнездо, куда родители приносят им добычу.

Весной 1972 г. осоеды снова загнездились в этом гнезде, и я имел возможность снова наблюдать их жизнь. За время моих двухлетних наблюдений я подобрал под гнездом из добычи осоедов 158 осиных сот, одно целое осиное гнездо и четыре лягушки. Осоеды — весьма специализированные хищники. Несмотря на крупные размеры, основу их добычи составляют перепончатокрылые насекомые (осы, шершни, пчелы, шмели), причем как взрослые особи, так и их личинки. Особо важное значение в период выкармливания птенцов имеют личинки.

Интересно отметить, что первое гнездо осоеда было найдено мною 60 лет тому назад, в 1917 г., близ станции Расторгуево Московской области. В моих полевых дневниках есть следующие записи, относящиеся к данному гнезду.

«11 июля в небольшом смешанном лесу у оврага нашел гнездо осоеда, сделанное на березе, на высоте 12 м. В прошлом году это гнездо принадлежало вороне, теперь оно было значительно увеличено и покрыто толстым слоем сосновых веток. В гнезде оказалось два маленьких птенца в белом пуху. Если подойти или залезть к гнезду, то взрослые осоеды начинают молча летать над лесом. Однажды я наблюдал, как две пустельги, гнездо которых находилось поблизости, с ожесточением напали на осоеда, они поднимались вверх и оттуда с криком бросались на него.

31 июля. Птицы уже довольно большие; если протягивать к ним руку, то они начинают защищаться крыльями, при этом тяжело дышат и издают шипящий звук. Из добычи на гнезде оказалось много осиных сот и одна лягушка.

11 августа. Молодые осоеды покинули гнездо и сидели на дереве. На гнезде из добычи лежало семь лягушек и осиные соты. Было совершенно очевидно, что с возрастом птенцов, кроме личинок осоеды все чаще добывают лягушек».

Так, 60 лет назад состоялось мое первое знакомство с интересным и своеобразным хищником из мира пернатых. Недавно я посетил эти места. Я не узнал их. Там, где когда-то в лесах гнездились осоед, пустельга, серая неясыть, ушастые совы и слышались голоса и пение многих птиц, теперь уже не было леса, исчезли птицы. Громады многоэтажных зданий подступили вплотную к этим местам. Город Видное расширил свои владения...

\* \* \*

У птиц очень много врагов, которые не только нападают на взрослых птиц, но также на гнезда, уничтожая яйца и птенцов. При этом особенно страдают гнезда, расположенные на земле. Вероятно, немногие знают, что и змеи охотно пожирают яйца и птенцов. Гнезда, сделанные на кустах и деревьях, тоже не защищены от их нападения, так как змеи хорошо ползают по деревьям.

Не так давно мне пришлось убедиться, что даже мышевидные грызуны нападают на гнезда, поедая птенцов. Это наблюдение заслуживает того, чтобы о нем рассказать более подробно. 29 июня 1974 г. в большом овраге я нашел гнездо дрозда-белобровика, в котором было четыре яйца. Оно было сделано на стволе упавшего деревца, среди поросли крапивы, на высоте 48 см.

4 июля в гнезде по-прежнему было четыре яйца. 15 июля, наблюдая за гнездом пустельги, я обратил внимание на то, что в овраге громко и тревожно кричат у своего гнезда белобровики. Это продолжалось довольно долго, и я решил посмотреть, чем вызвано беспокойство дроздов. Когда я подошел к гнезду, дрозды начали, как обычно, налетать на меня. В гнезде, к своему удивлению, я обнаружил лишь одного мертвого птенца без головы, которая была отъедена только что каким-то зверьком (из раны еще сочилась кровь). Возраст птенца примерно пять-шесть дней.

Было очевидно, что мое появление спугнуло с гнезда какого-то хищника. После того как я удалился и дрозды убедились, что их последний птенец мертв, они замолчали, а когда через некоторое время я снова подошел к гнезду, их здесь уже не было.

Через день я пришел проведать гнездо. Оно оказалось пустым, мертвый птенец исчез. Желая установить виновника лесной трагедии, я поставил около опустевшего гнезда несколько канканчиков и в течение пяти дней осматривал их. Было поймано семь рыжих полевков и одна лесная мышь, причем в капканчик, ставившийся на самом гнезде, попались две рыжие полевки и лесная мышь. Несомненно, что эти зверьки и уничтожили птенцов дрозда-белобровика. В специальной литературе<sup>1</sup> я нашел указания на то, что рыжие полевки при клеточном содержании также поедают мясо, например тушки мелких птиц и млекопитающих.

В гнездовой период для многих птиц большую опасность представляют вороны, сороки и сойки, уничтожающие не только кладки, но и птенцов. Мне вспоминается один очень досадный случай, когда ворона расклевала заинтересовавшую меня кладку яиц.

Дело было так: 7 июля на лугу близ Рыбинского водохранилища мой препарат В. В. Аверкиев нашел гнездо дупеля, в котором было четыре яйца. На следующее утро мы отправились с ним на луга, чтобы посмотреть это интересное гнездо. Но оно оказалось пустым, а рядом мы обнаружили лишь скорлупу; яйца были расклеваны вороной. Дупель продолжал еще держаться около гнезда. Оно было сделано на чистом сухом лугу, в 20 м от березовой рощи, и представляло собой небольшое углубление в почве, выложенное сухой травой. Так неудачно закончилось мое первое знакомство с гнездом дупеля.

Даже такая, казалось бы, мирная птица, как большой пестрый дятел, не прочь при случае полакомиться яйцами или птенцами мелких воробьиных птиц. Не так давно молодой орнитолог М. Штейнбах наблюдал нападение большого пестрого дятла на гнездо соловья. Ниже я привожу выдержку из его статьи<sup>2</sup>.

«Утром я проснулся от какого-то шума. Угол палатки буквально сотрясался от стука, а в брезенте зияла довольно солидная дырка, в которой мелькал чей-то длинный острый клюв. Гостем оказался мой старый знакомый — самец большого пестрого дятла, дупло которого находилось неподалеку в стволе ольхи, причем необычайно низко — всего в полутора метрах от земли. Дятла этого я знал уже второй год, не раз фотографировал его за строительством дупла и во время выкармливания птенцов. Он отличался от всех остальных тем, что выдалбливал дупла очень низко от земли. И, кроме того, он был настоящим лесным разбойником; довольно часто он на моих глазах разорял гнезда гаичек и мухоловок-пеструшек...

<sup>1</sup> *Огнев С. И.* Звери СССР и прилежащих стран. Т. VII. М., 1950.

<sup>2</sup> *Штейнбах М.* О фотоохоте.— В кн.: Охотничьи просторы, № 31. М., 1974.

Вскоре дятел ознакомился со всей палаткой, и тут произошло то, чего я никак не ожидал. Прокричав несколько раз свое «кик-кик», дятел внезапно слетел вниз, к гнезду соловья, и ухватился за стебель крапивы совсем рядом с гнездом, на котором в это время, обогревая птенцов, сидела самочка. При виде дятла все перья ее поднялись дыбом. Птичка раскрыла клюв и, преодолевая страх, зашипела на вдвое превосходящего ее по размерам пришельца. Тот в два прыжка достиг гнезда и с ходу сильно долбанул соловьюху клювом. Бедная птичка, не выдержав, слетела с гнезда и с отчаянными воплями, распутив крылья и хвост, стала метаться вокруг дятла. А тот, не обращая на это ни малейшего внимания, приготовился расправиться с птенчиками и уже успел-таки долбануть одного из них. Тут уж пришлось вмешаться мне, иначе исход был бы печален...»

Иногда приходится быть свидетелем гибели только что появившихся на свет птенцов. Нам известны случаи, когда пуховички гоголя (*Vucephala clangula*), только что выпрыгнувшие из дупла, быстро добирались до речной протоки, где их сейчас же хватали щуки.

\* \* \*

Не так давно мне удалось сделать интересное наблюдение в юго-западном районе Москвы (Чертаново). Здесь 5 июля 1973 г. встретил я пару майн (*Acridotheres tristis*), державшихся близ опушки леса, на сухом дубе, у скворечника, в котором весной гнездились скворцы.

13 июля здесь же наблюдалась еще одна майна. Когда она подлетела на сухое дерево, где находился скворечник, то пара майн начала энергично нападать на нее, прогоняя прочь. Тогда майна перелетела на соседнее дерево, и мир был водворен. Надо отметить, что на скворцы, которые садились на сухое дерево, майны не обращали никакого внимания. В дальнейшем я неоднократно наблюдал, как пара майн с ожесточением нападала на сорок и ворон, которые садились на их дерево. Было совершенно очевидно, что майны загнездились в скворечнике.

Почти ежедневно посещая майн, я установил сроки их размножения и развития птенцов: 12—16 июля кладка яиц, 16 июля начало насиживания, 1 августа вылупление птенцов, 3 августа майны были заняты выкармливанием птенцов. 21 августа молодые майны покинули скворечник: утром я застал выводок на большом дубе, в 40 м от сухого дерева. Майны прилетали и кормили птенцов. Подлетевшую на дерево ворону они сейчас же прогнали. На следующий день, 22 августа, выводок майн держался там же, где и накануне.

В отличие от наших скворцов птенцы майны, находясь в скворечнике, не подают голоса и не высовываются из него.

Было бы весьма интересно проследить дальнейшую судьбу этих птиц. В последующие годы майн здесь не было.



Как же эта южная птица попала в Подмоскowie?

В течение нескольких лет майны продавались в зоомагазинах Москвы, куда их доставляли из Средней Азии. Как мне сообщили в торговом отделении Зообъединения, в феврале 1973 г. в Москву из Таджикистана (Душанбе) доставили большую партию майн, из которых 800 птиц поступили в московские зоомагазины, а 400 птиц отправили в другие города. Очевидно, часть майн была выпущена на волю, и какое-то время эти птицы встречались у нас в Подмоскowie и даже гнездились.

Область распространения майны охватывает Индию, Бирму, Пакистан и Афганистан. В Средней Азии она появилась из Афганистана в начале XX столетия и стала быстро расселяться. В настоящее время майна довольно обычна, а местами даже многочисленна во многих районах Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. Она населяет здесь преимущественно культурный ландшафт у поселений человека. Гнездится в дуплах, иногда на значительной высоте, под крышами различных строений, в стенках гнезд аистов и даже в земляных норах.

В 1939 г. я впервые встретил майн в Южной Туркмении; не думал тогда, что через 34 года встречу этих птиц в Подмоскowie.

Все эти и подобные им наблюдения, как бы они ни были фрагментарны, дают богатую пищу для размышлений.

### *Зимнее гнездование птиц*

Вряд ли я ошибусь, сказав, что немногие слышали о зимнем гнездовании птиц. В разгар зимы, в жестокие морозы и метели маленькая птичка делает гнездо, откладывает яйца и выводит птенцов. «Да ведь это совершенно невероятно!» — скажет читатель.

Как ни странно, но это так. Клесты гнездятся зимой. Но почему у клестов появилось желание заниматься выводом птенцов среди зимы в трескучие морозы?

Птицы, как известно, выводят птенцов в то время года, когда легче всего добывать пищу, необходимую для выкармливания птенцов, которые обладают большим аппетитом. Клесты же выкармливают своих птенцов исключительно еловыми семенами, созревающими только в конце осени и остающимися в шишках на дереве до весны, когда под действием солнечных лучей раскроются чешуйки шишек и дадут возможность семенам падать на землю. Это происходит в марте. Естественно, что в это время вылетевшим из гнезд птенцам легче всего доставать себе корм. Чтобы вылет птенцов происходил в марте, клесты должны приступать к гнездованию в конце января или в начале февраля. Таким образом, в годы урожая шишек клесты в течение всей зимы имеют корм для себя и для птенцов.

В 1952 г. в Ярославской области был очень хороший урожай еловых шишек. Обилие корма создало благоприятные условия для гнездования клестов-еловиков. Еще осенью они появились здесь в большом количестве, а до этого в течение нескольких лет совершенно отсутствовали.

2 февраля в старом смешанном лесу со значительной примесью ели была замечена самка клеста, строящая гнездо. Птица подбирала на дороге сухие стебли травы, волокна льна и уносила их в чашу леса. В это время самец (он отличался от самки красным оперением) сидел на вершине ели и пел.

У всех клестов, добытых нами в феврале, зобы содержали только еловые семена; у одного клеста мы насчитали в зобу 263 еловых семени.

В конце зимы, когда трещали февральские морозы и бушевали метели, мне удалось сделать очень интересную находку — гнездо клеста-еловика. Но расскажу все по порядку.

Утром 18 февраля, когда затихла метель, мы с В. В. Аверкиевым вышли за околицу и бодро зашагали к лесу. Навстречу нам попался Егор — знакомый охотник из соседней деревни.

— Никак зайчишек бить собрались? — спросил он.

— Нет, зайчишек нам не надо. Да и время для охоты неподходящее.

— А вчера здесь недалече два волка прошли. Сосед сказывал. Небось лисичками интересуетесь; оно, конечно, зверь видный, доходчивый.

— Да нет, дядя Егор, нам и лисички не нужны, — ответил я. — Идем гнезда искать.

— Какие гнезда в такую стужу. Вороны да галки и те под застреху забились. Гнезда зимой не ищут, нечего зря болтать-то.

— Верно говорю, дядя Егор, гнезда идем искать. Хочешь верь, хочешь нет.

— Ну, это ты кому другому скажи. Я, чай, не маленький — седьмой десяток пошел.

На этом наш разговор и закончился. Егор направился в деревню, а мы, встав на лыжи, побежали к лесу. Довольно долго пришлось нам бродить в этот день, наблюдая в бинокль за клестами. Но, наконец, в ольховом мелколесье с примесью березы и ели, близ дороги, нам удалось найти их гнездо. Оно помещалось на большой ели, около ствола, на высоте 7,2 м, и было хорошо прикрыто нависшими ветками. Плотное, с толстыми стенками, оно было сделано в основном из тонких сухих еловых веточек, сухой травы, корешков со значительной примесью льна, частью растрепанного на тончайшие волокна. Внутренний слой гнезда состоял главным образом из мха. По краю гнезда лежал снег. В гнезде оказалось четыре слабо насиженных яйца (образовался маленький эмбрион). Окраска яиц: по белому фону разбросаны различной формы и размера коричневые пятна, крапинки и мелкие точки.

В день нахождения гнезда был сильный мороз: термометр показывал  $-26^{\circ}$ .

Вечером, когда мы сидели в избе, препарировали птиц и делали записи, пришли знакомые охотники — Егор и Михай. Мы рассказали им о нашей находке, показали яйцо, взятое из гнезда, и объяснили, почему клесты гнездятся зимой. С большим вниманием и удивлением слушали они мой рассказ о клестах и других замечательных птицах. Наша беседа затянулась: охотники задавали нам много различных вопросов. Уходя, Михай сказал: «Эх, дядя Егор, прожили мы с тобой на белом свете без малого 120 лет. Окрестные леса, почитай, вдоль и поперек исходили, а малой доли не ведаем, что творится круг нас. Одну только ворону и знаем да жаворонка или, скажем, тетерева, утку да рябчика. А ученые люди, вишь ты, за сотни верст из Москвы приехали в наши леса и, как у себя дома, все знают. Вона, какие чудеса открыли: нам с тобой и во сне не снилось. Вот уж правда — ученые свет, а неученье тьма. Мы с тобой, дядя Егор, как слепые жили. Землю топтали много, а видели мало. Как кроты».

Но будем продолжать наши наблюдения над гнездом. 27 февраля в гнезде появился первый птенец, а 1 марта вывелись все птенцы. Маленькие, нежные, розовые тельца, покрытые сверху тончайшим пушком, лежали в гнезде, плотно прижавшись друг к другу; они были еще слепые, но уже поднимали головы и раскрывали рты, требуя пищи. Относительно массивный клюв имел на конце надклювья хорошо заметный маленький белый «яйцевой зуб». В пищевод у птенцов были видны белые (очищенные от кожи) еловые семена.

Надо сказать, что первое время экскременты птенцов, заключенные в «капсулу», состоят почти из непереваренных семян, и самка, очищая гнездо, не выбрасывает, а поедает помет птенцов.

Необычайное и странное впечатление производят почти голые крошечные птенчики, лежащие в гнезде в условиях суровой зимы — в морозы, метели и снег. Непостижима сила жизни!

При осмотре гнезда 7 марта взрослых птиц сначала не было. Спустя некоторое время они прилетели и с тревожным цоканьем стали летать около гнезда, заметно волнуясь за свое потомство. Следовательно, и самец, и самка теперь улетали за кормом одновременно, оставляя маленьких птенцов на сравнительно большой срок в открытом гнезде. В это время дня температура была  $-10^{\circ}$  (а утром  $-22^{\circ}$ ). По-видимому, птенцы переносят столь низкую температуру воздуха благодаря высококалорийному корму (семена ели содержат 30% жира) и сравнительно хорошо развитому пуховому покрову. За шесть суток, прошедших с момента вылупления всех птенцов, они изменились очень мало, стали лишь немного крупнее и темнее, и несколько увеличился пуховый покров. Один из птенцов был еще слепой, у других глаза начи-

нали прорезаться. Птенцы лежали в гнезде, подвернув головы под брюшко и выставив только спину, покрытую довольно высоким пушком. Птенцы испражнялись уже на край гнезда, где помет при низкой температуре воздуха быстро замерзал и, накапливаясь, образовывал впоследствии сплошной твердый барьер.

21 марта птенцы покинули гнездо. Один из них сидел здесь же, несколько выше гнезда, два других — на соседней елке. Следовательно, птенцы клестов проводят в гнезде три недели. За последние дни они сильно выросли и хорошо оперились.

Первое время выводок клестов держался поблизости от гнезда. Родители кормят птенцов довольно долго, до тех пор, пока они не смогут самостоятельно добывать себе корм. А это связано с длительным процессом формирования и укрепления клюва.

\* \* \*

Но не только клесты гнездятся в зимних условиях. Среди наших птиц к ним принадлежит еще кукушка.

Во время моих исследований орнитологической фауны Якутии я предпринял однажды, в конце первой половины апреля, специальную поездку из Якутска в тайгу на поиски гнезда кукушки. В тайге в это время лежал глубокий снег, и по утрам морозы достигали  $-30^{\circ}$ .

Три дня бродил я на лыжах по окрестным лесам в поисках еще не известного мне гнезда. В тайге было тихо, из птиц попадались лишь тетерева, вороны, большие пестрые дятлы, поползни, буроголовые гаички, чечетки и кукушки. Вот и все... Наконец 16 апреля мне удалось найти гнездо кукушки. Это случилось при следующих обстоятельствах.

В лиственничной тайге увидел я двух кукушек, которые тщательно осматривали древесные стволы и время от времени извлекали из-под отставшей коры личинок и гусениц, напоминая в этом отношении поползней или гаичек. Одну кукушку я добыл. Это оказался самец.

Кукушки удивительно доверчивы и спокойны. После моего выстрела вторая птица продолжала здесь же кормиться. По временам слышалось ее тихое пение. Вскоре недалеко от этого места мне удалось найти и гнездо кукушки. Оно помещалось на высоте 1,5 м между двумя стволами, около которых росла тоненькая лиственница, горизонтальные сучья которой служили основанием для гнезда.

Гнездо имело толстые стенки и дно. В основании гнезда сложено небольшое количество сухих веточек лиственницы, главную же массу строительного материала составляли древесная труха, волокна луба, коконы пауков и насекомых, перья птиц, а также береста и кусочки осинового гнезда. Лоточек был выложен большим количеством перьев и пуха каменной неясыти, глухаря, рябчика, тетерки, восточной горлицы, мохноногого сыча и дру-

гих, что делало его очень теплым. Кукша (самка) сидела на гнезде очень крепко. Сначала я потрогал ее за клюв, погладил по спине, а после этого тихонько взял в руку и поднял с гнезда, чтобы посмотреть его содержимое. В нем оказались два яйца бледно-зеленоватого цвета со светлыми буровато-серыми пятнами и крапинками. Затем я снова посадил кукшу в гнездо, и она продолжала насиживание. Только широко раскрытый клюв выдавал испуг и сильное волнение.

Во второй половине дня, захватив фотоаппарат, я снова отправился к гнезду кукши. Птица по-прежнему сидела на гнезде. Благодаря глубокому лоточку все тело птицы погружено в гнездо. Я осторожно взял кукшу и посадил ее так, как мне было нужно для фотографирования, т. е. повернул птицу головой в сторону объектива. После такой манипуляции кукша как ни в чем не бывало продолжала насиживание. Инстинкт подсказывал, что при морозе нельзя оставлять гнездо — померзнут яйца, погибнет потомство.

На следующий день, 17 апреля, кукша сидела в гнезде, как и в первый раз, т. е. не так как я посадил ее при фотографировании. Кладка по-прежнему состояла из двух яиц, причем, как выяснилось позже, одно яйцо было уже насижено (шести-седмидневный зародыш), второе яйцо оказалось совершенно ненасиженным («болтун»). Следовательно, начало кладки, судя по степени насиженности яйца, надо считать 10 апреля.

Кукша продолжала очень крепко сидеть на гнезде. После повторного фотографирования гнезда я осторожно поднял ее и взял одно яйцо, затем поднял ее еще раз и взял второе яйцо. После этого кукша по-прежнему продолжала сидеть теперь уже в пустом гнезде. Такова сила инстинкта.

## *Интересные гнезда*

Находка гнезда — важное событие, особенно если гнездо принадлежит редкой или очень скрытной птице, и на это пришлось затратить много времени, труда и терпения. Скажу больше, у меня нахождение гнезда всегда вызывает чувство удовлетворения и радости. Каждое найденное гнездо — это прежде всего капля знаний по биологии размножения данного вида. Кроме того, у гнезда нам чаще удается подсмотреть интимные стороны жизни птиц, их поведение, взаимоотношения между собой и окружающим миром, а также сделать интересный снимок. Вот почему орнитологи так много внимания уделяют гнездам птиц.

Найдя гнездо и в дальнейшем наблюдая за ним, узнаешь много интересного: прежде всего можно точно установить сроки гнездования отдельных видов, количество и окраску яиц, из какого материала строят гнезда различные птицы, сколько времени

продолжается насиживание яиц, сроки вылупления птенцов, как протекает их развитие, сколько времени они находятся в гнезде и т. д. Кроме того, найденное гнездо подтверждает факт гнездования в данной местности определенного вида птиц.

Гнезда чрезвычайно разнообразны по размеру, форме, конструкции, расположению, строительному материалу. В дельте Волги находил я гнезда пеликанов, на каждом из которых свободно поместилось бы несколько человек. В Бадхызе, на границе с Ираном, находил огромные гнезда черного грифа, сделанные на деревьях фисташки, в Якутии — гнезда беркута, в Хреновском лесу Воронежской области — массивные гнезда орлов-могильников и больших подорликов. Наряду с громоздкими сооружениями пеликанов и крупных хищников мне известны гнезда и самых маленьких птиц нашей фауны — крапивника, короляка и пеночки-зарнички.

Крапивник — крохотная, коричневого цвета птичка с коротким хвостом, задорно поднятым кверху. Свои шарообразные гнезда он делает из мха и тонких еловых веточек; это очень красивая и искусная постройка. Найти гнездо крапивника нелегко; птичка помещает его среди вывороченных корней, в куче хвороста и тому подобных укромных местах.

Королек — маленькая зеленоватая птичка, с яркой золотисто-оранжевой полоской на голове. В противоположность крапивнику он помещает свое гнездо высоко, среди густых ветвей на больших елях. Найти гнездо короляка значительно труднее, чем гнездо крапивника.

За время своих многочисленных экспедиций по изучению животного мира Советского Союза я нашел несколько тысяч гнезд. Среди них были очень редкие и труднонаходимые гнезда. Но особый интерес и ценность представляют для меня гнезда следующих птиц: белогорлого дрозда, пестрого дрозда, индийского жулана, шура, мохноногого сыча, длиннохвостой синицы, острохвостого песочника, турача и орла-змееяда. Надо отметить, что одни редкие гнезда я обнаружил неожиданно, случайно, другие разыскивал специально и, наконец, для нахождения некоторых гнезд потребовалось снарядить настоящие экспедиции. О том, как я нашел эти гнезда, мне и хотелось здесь рассказать.

\* \* \*

Лето 1932 г. Вот уже несколько дней наш маленький отряд зоологов поднимается на туземных батах вверх по реке Горин. Наша конечная цель — озеро Эворон в бассейне нижнего течения Амура. Места здесь глухие, ненаселенные — тайга подступает к самой реке, то спускаясь по склонам сопок, то покрывая низкие, заболоченные пространства, носящие название «мари».

В самые жаркие часы дня мы останавливаемся на отдых. Наши проводники — нанайцы с Амура — разводят на берегу

костер, приготавливают обед и чай. В это время я и мои два препаратора, вооружившись дробовиками и биноклями, отправляемся в разных направлениях коллектировать и наблюдать птиц. Звонко, как серебряные колокольчики, кричат пролетающие над лесом личинкоеды, поют желтые мухоловки, синие соловьи, светлоголовые пеночки, длиннохвостые снегири. По временам слышна характерная дребезжащая трель — это токует черный аист.

Во время одной из таких остановок на берегу реки Горин мне посчастливилось сделать весьма интересную находку. Это было 9 июля. Мы только что пристали к берегу, чтобы отдохнуть и сварить обед. Я немедленно отправился на экскурсию в глубь леса. Не успел еще далеко отойти от лагеря, как мое внимание привлекла пара каких-то незнакомых птиц, которые с явным беспокойством перелетали по деревьям, издавая при этом тревожный крик. Самец был яркой красивой окраски, самка имела скромное бурое оперение. Птицы вели себя весьма осторожно, и только после длительного преследования мне, наконец, удалось добыть самку. Только тогда я понял, что имею дело с редким и малоизвестным видом — белогорлым дроздом (*Monticola gularis*).

Я знал, что этот замечательный дрозд, описанный впервые в 1862 г. по экземплярам из Северного Китая, принадлежит к гнездящимся птицам Уссурийского края. Поведение птиц ясно указывало, что где-то здесь находилось гнездо. Я начал поиски, тщательно осматривая развилки деревьев и заросли кустарника, по обнаружить гнезда не мог. Поиски затруднились еще и тем обстоятельством, что после моего выстрела самец улетел и больше не появлялся. Случайно я остановился близ большой березы, у комля которой на земле и увидел гнездо белогорлого дрозда. Гнездо этого вида еще не было известно в науке. Я опустился на колени и стал с интересом рассматривать свою замечательную находку.

Гнездо помещалось на земле, под наплывом корня березы, и было сделано из сухой травы и мха. Шесть оперившихся птенцов с остатками пуха на голове, плотно прижавшись друг к другу, сидели в гнезде. Кроме птенцов, в гнезде оказалось одно яйцо. Оно имело белый фон с мелкими ржавчато-бурыми точками и пятнышками, гуще сконцентрированными на тупом конце яйца. В то время, когда я тщательно записывал в свою записную книжку все, что касалось гнезда, со стороны нашего лагеря раздались два выстрела — условный сигнал, что обед готов и надо всем собираться. Закончив свои записи, я быстро зашагал по направлению к лагерю. Так было найдено тогда еще неизвестное гнездо замечательной птицы — белогорлого дрозда.

С тех пор прошло более четверти века. Только в 1959 г. ленинградские орнитологи И. А. Нейфельдт и Б. В. Соколов во время стационарных исследований в лесах Верхнего Приамурья собрали большой материал по биологии размножения этого вида.

В Южном Приморье мне пришлось познакомиться с новым для меня видом — пестрым дроздом, которого называют также золотистым, или земляным, дроздом. Несмотря на его довольно широкое распространение в нашей стране, биология этого своеобразного вида изучена еще далеко не достаточно. По нашим наблюдениям, в Уссурийском крае пестрый дрозд распространен очень широко — от самого юга до нижнего течения Амура. В северной части края мы нашли его на гнездовье в тайге по реке Хунгари, а также на реке Горин Пестрый дрозд гнездится здесь как в глухой елово-пихтовой тайге, так и в светлых лиственных лесах, покрывающих склоны невысоких сопок.

Эти крупные дрозды очень молчаливы, ведут уединенный и скрытный образ жизни, редко попадаясь на глаза. Чаще всего мне приходилось поднимать их с земли, где они обычно кормятся. В желудках добытых птиц мы находили лишь земляных червей, кобылок и каких-то мелких гусениц.

Характерную песню золотистого дрозда мне впервые пришлось услышать в тайге на Даубихе-Майхинском плато в Южном Приморье. Она резко отличается от песен всех других дроздов; это монотонный, протяжный свист. Ночуя в тайге у костра в июне, мы часто слышали его на вечерней заре. Весной 1949 г. нам удалось найти на п-ве Муравьева-Амурского гнездо этого замечательного дрозда.

10 мая мы с известным исследователем Дальнего Востока, энтомологом А. И. Куренцовым и его постоянным сотрудником Д. Г. Кононовым выехали из Владивостока на экскурсию. Сойдя с поезда на станции Лянчихэ, мы направились в глубь леса, стояла прекрасная солнечная погода. Кругом кричали и пели птицы. Все веселило и радовало меня в этот чудесный весенний день. Я слышал знакомые голоса сизых дроздов, малого черноголового дубоноса, синих мухоловок, седоголовых овсянок, личинкоедов, голубых сорок, бледноногих и японских пеночек, двусложный свист уссурийской совки, воркование восточной горлицы. По временам раздавалась весенняя трель рябчика. Прилет птиц еще не закончился, поэтому в тайге отсутствовали некоторые виды.

Мы долго бродили по лесам, то расходясь в разные стороны, то снова продолжали наш путь вместе. Наконец, у реки Лянчихэ, на небольшой сопке, поросшей лиственным лесом (из дуба с примесью липы, клена и березы), решили остановиться на отдых. И вот тогда-то мы обнаружили на ближайшем дереве гнездо пестрого дрозда. Эта находка меня очень обрадовала, так как гнездо этого вида еще не было найдено в пределах Советского Союза.

Гнездо помещалось на дубе, в развилке ствола, на высоте около 2 м. Основу гнезда составляли сухие листья папоротника



п другие растения, сухие веточки и земля, взятая вместе с мхом. Наружный слой гнезда состоял почти исключительно из мха. Лоточек выложен тонкими веточками и корешками с примесью сухих листьев. Гнездо представляло довольно массивное сооружение и было заметно крупнее известных мне дроздовых гнезд. В гнезде оказалось три яйца. Следовательно, кладка еще не закончилась. Надо отметить, что дроздов здесь в этот день замечено не было. Не задерживаясь долго у гнезда, опасаясь, чтобы птицы не бросили его, мы постарались хорошо заметить местонахождение нашей интересной находки и отправились дальше.

14 мая мы снова выехали на Лянчихэ. За эти дни, что мы провели в городе, лес еще больше наполнился разноголосым птичьим гомоном. Прилетело еще несколько новых видов птиц; среди них особенно обращали на себя внимание красивые желтые мухоловки. Птички в сильном возбуждении гонялись друг за другом, вероятно, охраняя свой гнездовый участок. По временам слышалось их пение.

Сегодня в гнезде пестрого дрозда оказалось пять яиц; кладка была, несомненно, закончена. Яйца имели бледно-оливковый фон с немногочисленными, слабо выраженными ржавчатыми пятнами и крапинками.

Эти дрозды ведут себя около гнезда совершенно не так, как наши европейские дрозды. Они очень молчаливы и крайне осторожны. Когда мы подходили к гнезду и находились еще довольно далеко от него, сидевшая на гнезде птица молча слетела и скрылась. Так же были они осторожны, когда мы исследовали и фотографировали гнездо; дрозды на значительном расстоянии молча наблюдали за нами.

С нахождением этого гнезда еще одно маленькое «белое пятно» в нашей орнитологии было ликвидировано.

\* \* \*

Индийский жулан (*Lanius vittatus*) широко распространен в Индии от Западных Гималаев, затем в Иране, Афганистане и в Юго-Восточной Туркмении. Впервые этот сорокопут был добыт в Советском Союзе С. Я. Тишкиным в апреле 1936 г. у Акар-Чишме, в западной части Бадхыза.

Весной 1952 г. во время исследований орнитологической фауны Бадхыза мне удалось добыть несколько экземпляров индийского жулана и найти три гнезда этой птицы.

Рано утром 8 мая мы на машине прибыли на пограничную заставу, расположенную у подножия хребта. Здесь небольшая задержка — проверка пропусков, беседа с пограничным офицером, и мыдвигаемся дальше на юг. В этом маршруте меня сопровождали директор Бадхызского государственного заповедника А. Н. Сухинин и препаратор Н. А. Лымарь.

Лагерь разбили на склоне хребта, поросшего фисташкой, у родника Бейюк-Абай-Чишме. Из ущелья доносились крики кекликов, скалистого поползня, слышалось кукование кукушки. Высоко в воздухе парили черные грифы, летали белобрюхие стрижи. Здесь, как было установлено позже, держались чернолобые и рыжехвостые сорокопуть, буланные выюрки, желчные овсянки, короткопалые воробьи, чернопегие каменки, певчие славки и пустынные пересмешки. В некоторых местах на склонах холмов еще цвели красные тюльпаны и маки, темно-синие ирисы и астрагалы, всюду виднелись на высоких стройных стеблях лиловые шары лука. Сколько интересных экскурсий, замечательных зоологических находок и увлекательных наблюдений нам удалось сделать в далеком хребте Гяз-Гедык! Одна из таких находок — гнезда индийских жуланов.

Первое гнездо я нашел 9 мая в небольшом ущелье. Оно помещалось на фисташковом дереве, в развилке трех суков, на высоте 2 м. Сравнительно маленькое гнездо было сделано из сухой растительной ветоши и сухих стебельков; лоточек выложен тончайшими сухими стебельками и небольшим количеством перьев. В гнезде оказалось четыре слабо насиженных яйца. Самка сидела на гнезде; здесь же держался самец, постоянно издававший предостерегающий крик, который можно передать как довольно громкое «чи-чир, чи-чир, чи-чир».

На следующий день, 10 мая, мне посчастливилось найти еще два гнезда этого вида, причем недалеко от нашего лагеря. Рано утром, выйдя из палатки, я услышал характерный крик индийского жулана, доносившийся со склона горы. Захватив бинокль, ружье и рюкзак, я направился вверх по склону, откуда был слышен крик сорокопута. Осмотрев несколько деревьев, я довольно скоро обнаружил на одном из них гнездо индийского жулана. Оно находилось на густом дереве фисташки, в развилке толстого сука близ ствола, на высоте 1,3 м. Из трех найденных мною гнезд индийского жулана это гнездо было самым маленьким и компактным. Цвет строительного материала гнезда очень подходит к древесному стволу и, следовательно, хорошо сливается с окружающей обстановкой. В гнезде находилось четыре слабо насиженных яйца.

В этот же день я снова отправился на экскурсию вверх по склону хребта. Здесь держалась еще одна пара индийских жуланов, гнездо которых мне также вскоре удалось найти. Оно находилось несколько выше по склону горы, всего в 60 м от первого гнезда, на большом дереве фисташки, на горизонтальном суку, между тремя отходившими от него ветвями, на высоте 2,3 м. В гнезде оказалось четыре совершенно еще не насиженных яйца.

Окраска яиц — типичная для яиц сорокопутов: по беловатому фону разбросаны лиловые и рыжевато-бурые пятна, крапинки и точки, гуще сконцентрированные на тупом конце яйца.

На основании наших наблюдений можно предполагать, что постройка гнезд у индийских жуланов начинается здесь 25—26 апреля, а начало кладки яиц приходится на первые числа мая. Надо отметить, что гнезда этого вида по своим небольшим размерам резко отличаются от гнезд других сорокопутов, гнездящихся на территории нашей страны.

\* \* \*

Раньше мне приходилось наблюдать щуров лишь в зимнее время, когда они появлялись в наших среднерусских лесах, прилетая с далекого Севера. Эти довольно крупные красивые птицы с оперением малиново-красного или розовато-желтого цвета, с громким и звучным флейтовым свистом всегда привлекали мое внимание. В то время мне очень хотелось поближе познакомиться с ними, изучить их повадки и гнезда. В литературе данные по биологии размножения этого вида были очень неполны. Даже в новейшей сводке «Птицы Советского Союза» (1954) в отношении восточносибирского шкура сказано: «Размножение не изучено. Данные об устройстве гнезд, выводе молодых, числе яиц в кладке отсутствуют».

Весной 1955 г. я начал исследование орнитологической фауны Якутии. И в первую же экспедицию в Алдано-Учурский хребет мне удалось сделать много новых интересных открытий в области распространения и биологии целого ряда видов птиц. К интересным находкам этой экспедиции я отношу также и гнездо шкура, которое удалось найти в самом начале нашего первого маршрута.

19 июня мы вылетели на самолете из Алдана в юго-восточном направлении. На вершинах гор еще лежал снег.

Вечером отправился на экскурсию. В тайге было тихо. Слышалось только кукование кукушек да характерная песенка пичухи-галовки. Здесь же держались вьюрки, красногорлые соловьи и пятнистые коньки. На вершине горы, поросшей кедровым стлаником и редкими лиственницами, совершенно неожиданно мне посчастливилось найти гнездо шкура. Надо отметить, что кедровый стланик имеет здесь древовидную форму и достигает в высоту 5,5 м.

Сидевшая на гнезде самка подпустила меня вплотную и, тихо слетев, стала молча перелетать внизу зарослей кедрового стланика. Но стоило мне только немного отойти в сторону, как она снова молча садилась в гнездо. Так повторялось несколько раз. За все время она ни разу не подала голоса. Удивительно молчаливая птица. Самца около гнезда не было видно.

Гнездо помещалось на кедровом стланике, у ствола, на высоте 146 см. Основание гнезда сделано из тонких веточек кустарниковой березки и голубики; лоточек выложен сухими иглами кедр-

рового стланика, отчего имел своеобразную коричневую окраску. В гнезде было четыре яйца, которые оказались уже сильно насиженными.

Яйца шура продолговатой формы, голубовато-зеленого цвета с лиловыми и бурыми пятнышками, образующими на тупом конце лиловый венчик. Кроме того, по яйцу разбросаны редкие темные, почти черные пятна.

Основу питания шуров составляют здесь очищенные орешки кедрового стланика. Надо отметить, что шуры доверчивы и не опасаются человека как на местах гнездования, так и во время своих зимних кочевок.

\* \* \*

Во время исследования северо-восточной тундры Якутии мне удалось найти много интересных гнезд, среди них гнезда сибирской и очковой гаг, американского бекасовидного веретенника, краснозобика, дутыша, розовой чайки, вилхвостой чайки, белого журавля и многих других. Но особый интерес и ценность представляли, конечно, гнезда нашего замечательного эндемика — острохвостого песочника, которые еще не были известны в науке, как не была, впрочем, известна и его гнездовая область.

Утром 7 мая 1957 г. мы вылетели из Якутска в Нижние Кресты на Колыме. В это время огромная водная артерия Восточной Сибири стояла еще скованная льдом. В Нижних Крестах наш самолет совершил посадку на зимний аэродром — прямо на лед Колымы.

Весна здесь едва-едва наступала. Из птиц появились только пуночки. Даже черные вороны, которых мы встретили у Зырянки и Средне-Колымска, сюда еще не добрались.

Через два дня, закончив в Нижних Крестах необходимые дела по экспедиции в тундру, мы на самолете полярной авиации прилетели в Походск — одно из старейших русских поселений на Колыме. Здесь еще сохранился совершенно зимний ландшафт.

Интересно отметить, что 52 года тому назад в Походске некоторое время стояла экспедиция С. А. Бутурлина. Я встретил здесь 72-летнего старика Ивана Николаевича Казакова, прожившего всю жизнь в Походске, который, вспоминая давно прошедшие дни, рассказывал мне и о С. А. Бутурлине.

Мы провели в Походске четыре дня. За это время, кроме пуночек, появились зимняки, тундряные чечетки, первые гуси-гуменники и канадские журавли. Здесь обычны белые куропатки. Этих птиц, гоняющихся друг за другом, можно было видеть прямо из окна нашего домика. Несмотря на то что довольно интенсивный промысел куропаток существует здесь уже не одно столетие, численность их в низовье Колымы весьма значительна.

14 мая мы на двух нартах в собачьих упряжках выехали из Походска в северо-западном направлении на факторию Становую, расположенную на реке Коньковой, в 150 км от Походска.

Тундру еще покрывал сплошной снеговой покров, и только кое-где по склонам появились первые небольшие проталины. Часть пути мы совершили по огромному озеру Нерпичье, которое было еще сковано льдом. Дорогой видели первые стаи гусей (гуменников и белолобых казарок), отмечены одиночные белые совы и зимняки.

На Становой нам предстояло прожить все лето, экскурсируя в районе фактории, а также совершая отсюда отдаленные поездки на лодке или на лошадях к побережью Северного Ледовитого океана.

В первые дни нашего пребывания на Становой стояла холодная ветреная погода, и только 27 мая наступили сравнительно теплые солнечные дни. В тундру пришла весна. Начался интенсивный прилет птиц. Появились турухтаны, щеголи, плавунчики, краснозобики, американские бекасовидные веретенники, шилохвосты, клоктуны, розовые чайки, краснозобые коньки, желтые трясогузки. В этот день мы отметили появление 18 видов птиц. Наступили горячие дни в нашей работе. Много времени проводил я в тундре — наблюдая птиц, фотографировал и охотился.

Мы нашли уже много различных гнезд. Однажды 10 июня я нашел гнездо какого-то неизвестного мне куличка. В гнезде лежало четыре ненасиженных яйца. Окраска их заметно отличалась от всех известных мне ранее яиц куликов. Гнездо помещалось в траве, у низкорослого кустика ивы, и сверху было хорошо закрыто. Слетевшая с гнезда птица больше не возвратилась, и, таким образом, добыть ее не удалось. По внешнему облику она походила на дутьша.

Спустя два дня я нашел гнездо дутьша, кладка которого по окраске и размеру яиц резко отличалась от кладки, найденной мною 10 июня. Таким образом, во время экспедиции так и не удалось определить, какому же виду принадлежало описанное выше гнездо.

Зимой в Москве, а затем и в Ленинграде в Зоологическом институте Академии наук я просмотрел все коллекционные материалы по кладкам куликов и не нашел ни малейшего сходства с кладкой яиц, найденной мною 10 июня в прикольмской тундре. Путем исключения можно было сделать только предположение, что она принадлежит острохвостому песочнику.

Спустя три года предположение подтвердилось.

Весной и летом 1960 г. я производил орнитологические исследования в Хромо-Индибирской тундре. 28 мая прилетели острохвостые песочники, и через несколько дней уже раздавалась весьма своеобразная глухая трель — брачная песня самцов. Следовательно, острохвосты остались здесь на гнездование, и теперь нам представлялась возможность изучить биологию их размножения.

9 июня после продолжительной экскурсии в тундре мне, наконец, удалось найти гнездо острохвостого песочника. Сидящая на гнезде самка слетела, когда я находился еще в 16 м от гнезда. Сначала она незаметно сошла с гнезда, отбежала в траве несколько метров в сторону и только тогда взлетела. Не выражая никакого беспокойства, куличок молча начал кормиться здесь же на болоте. Я отошел подальше и стал в бинокль наблюдать за ним. Вскоре услышал в воздухе характерную трель самца, который затем опустился к самке. Через несколько минут самка подлетела к гнезду, но, вероятно, опасаясь моего присутствия, начала бегать на некотором расстоянии от него. Так продолжалось довольно долго. Затем я увидел, что острохвост исчез в пучке прошлогодней травы. Очевидно, птица села на гнездо. Подождав еще некоторое время, я осторожно стал подходить к замеченному месту. Куличок опять, незаметно отбежав от гнезда, взлетел и так же, как и в первый раз, стал спокойно кормиться на болоте.

Я начал поиски гнезда и довольно скоро нашел его. Оно находилось в сырой низине с многочисленными озерками-болотцами. Место оказалось настолько сырым, что даже нижний слой подстилки гнезда был влажный. Гнездо сделано в углублении мха, по бокам сухая трава и несколько побегов ивняка. Гнездовая ямка выложена сухой травой и сухими ивовыми листочками. В гнезде лежало четыре еще не насиженных яйца. Окраска их оказалась совершенно такой же, как окраска яиц, найденных мною три года назад в прикольмской тундре. Спустя несколько дней мне удалось найти еще одно гнездо, а затем и выводок пуховичков острохвостого песочника.

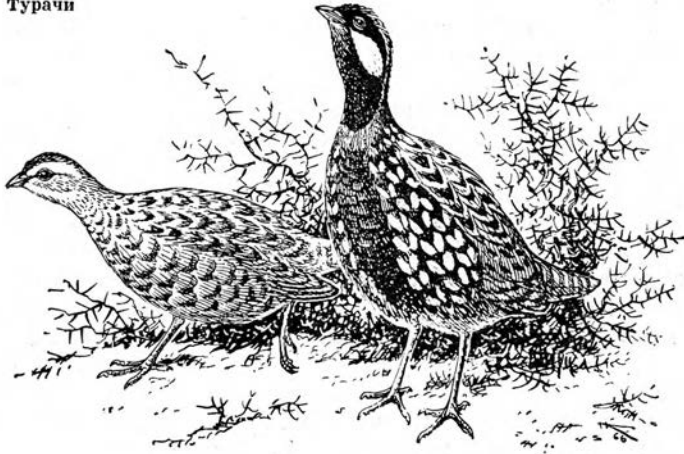
Так была установлена гнездовая область, а также выяснены основные детали биологии размножения этого ранее неизвестного и загадочного вида.

\* \* \*

Теперь мысленно перенесемся из далекой якутской тундры на самый юг нашей страны, в солнечную Туркмению. Здесь, в низовьях реки Атрека, близ границы с Ираном, встречается замечательная птица нашей фауны — турач. Распространение турача охватывает Малую Азию, Иран, Афганистан, Белуджистан, северные районы Индии, Непал и Ассам. В Советском Союзе он населяет две разрозненные и весьма ограниченные территории — Восточное Закавказье и низовья Атрека в Юго-Западной Туркмении.

Эти пустынные, забытые «богом и начальством» места представляли для натуралиста большой интерес. Здесь я впервые познакомился с такими замечательными видами птиц, как фламинго, турач, джек, бегунок, белохвостая пигалица, каспийский длинноногий зуек, савка, мраморный чирок, зеленая шурка, скотоцерка и многими другими.

## Турачи



В этом пустынном крае я изучал зимовку водоплавающих птиц, а весной отправлялся в экспедиции — то в Копет-Даг, то в Кугитанг или на Амударью, Мургаб и Кушку. Эти поездки всегда приносили много нового и интересного орнитологического материала.

На Атреке же я имел возможность хорошо изучить биологию турача. В некоторых местах турачи встречаются здесь в более или менее значительном количестве. Но благодаря крайне ограниченному ареалу, который простирается в Приатрекской равнине всего лишь на 60 км от аула Аджияба вверх по Атреку, численность его на нашей территории, конечно, очень невелика. Вполне естественно, что эта прекрасная птица меня очень заинтересовала. Мне захотелось во что бы то ни стало поближе узнать ее образ жизни, изучить биологию размножения. Необходимо было найти ее гнездо.

Турачи населяют травянистые и кустарниковые заросли, идущие по Атреку вокруг озер Делили, а также вдоль многочисленных арыков. Заросли образованы главным образом верблюжьей колючкой, полынью и солянками, среди которых разбросаны отдельные кусты или небольшие группы селитрянок и тамарисков.

Время от времени мы с препаратором выезжали на несколько дней из Гассан-Кули вверх по Атреку, на озера Делили. Помимо коллектирования птиц и общего изучения фауны данного района, мы много внимания уделяли и турачам. В один из таких выездов на озера Делили мне посчастливилось найти первое гнездо турача.

5 июня. Как сейчас, помню я этот чудесный день. Проехав на арбе по мелководью Гассан-Кулиского залива и переехав

Атрек, мы двинулись на восток. С правой стороны открыта вся иранская горная цепь — Эльбурс. В 75 км от нас четко вырисовывался потухший вулкан Демавенд, возвышающийся на 5600 м над уровнем моря.

Все вершины гор еще покрыты снегом; на фоне синего неба они представляли очень красивое зрелище. Я оглянулся назад. Далеко, на взморье, в бинокль виднелась розовая полоска — это стояли фламинго.

Дорогой мы наблюдали авдоток, белохвостых пигалиц, турачей, зеленых щурок, розовых скворцов, пустынных сорокопудов, желчных овсянок, белоусых славков, тугайных соловьев, двупятнистых и малых жаворонков. Видели джейранов, подходивших к Атреку на водопой, дикобраза, кабанов и пару волков. Довольно часто попадались степные агамы, сидящие на колючих кустарниках, куда они с раскаленного грунта забираются в поисках прохлады.

Вспоминается мне один небольшой забавный эпизод, происшедший во время этой поездки. Мой препаратор, пожилой туркмен Анна Халлы, забыл спички, и это обстоятельство сильно удручало его — дорога предстояла дальняя и остаться без курения было, конечно, тяжело. У меня в карманах также не оказалось спичек, а развязывать вьюк нам не хотелось. Тогда Анна Халлы предложил свернуть за спичками к двум кибиткам туркмен, стоявших в 3 км в стороне от дороги. Я сказал, что этого делать не следует, так как могу зажечь его папиросу и без спичек. Он с досадой и недоверием покачал головой и ответил, что это может сделать только аллах. Тогда я достал из своего рюкзака лупу и взял у него папиросу. Анна Халлы безнадежно и даже с каким-то унынием смотрел на мои приготовления. Он явно не верил в успех. Но я медленно и нарочито торжественно делал свое дело. Очень скоро папироса задымилась, а затем появился и огонек. Изумление и радость моего спутника были велики. После этого он долго сосредоточенно молчал, погруженный в свои думы.

Только к вечеру добрались мы до озер Делили. Выбрав подходящее место, быстро поставили палатку, развели костер, сварили обед и чай. Наступила темная южная ночь...

На следующий день рано утром я вышел на экскурсию. Брачные крики турачей были еще в полном разгаре. Они начинаются задолго до восхода солнца и слышатся в течение всего дня, несмотря на страшный зной, когда замолкают все птицы. Рано утром, на заре, крик турачей бывает интенсивней.

Я прошел несколько километров, то приближаясь к озеру, то удаляясь от него. Мой полевой дневник пополнился рядом новых наблюдений, и я уже хотел наметить маршрут возвращения в лагерь, как совсем недалеко услышал громкий характерный крик турача. Решив добыть его для коллекции, я стал тихо обходить бугор, за которым кричала птица. И вдруг увидел отбегавшую в



3—4 м от меня самку турача. Я начал поиски и почти сейчас же нашел гнездо. Оно находилось среди довольно чахлой травянистой растительности, под кустиком полыни. В гнезде оказалось девять совершенно ненасиженных яиц. Окраска их оливково-бурая с беловатыми пятнышками. Яйца турача в отличие от яиц других куриных птиц имеют очень толстую скорлупу.

Наши наблюдения в низовье Атрека показали, что на колебания численности турачей отрицательно сказываются два неблагоприятных фактора: уничтожение травянистых и кустарниковых зарослей (кошение, рубка, выжигание) и снеговой покров. К счастью, снег выпадает здесь не ежегодно и лежит обычно лишь два-три дня. Когда выпадает снег, турачи, не привыкшие к нему, становятся совершенно беспомощными. Их легко уничтожает как человек, так и различные хищники. Врагами турачей являются здесь лисицы, шакалы, ласки и болотные луни.

В те зимы, когда выпадает снег, туркмены без особого труда ловят турачей прямо руками. Для этого они осматривают, иногда верхом на лошади, травянистые заросли, чередующиеся с открытыми чистыми местами. Поднятый турач, пролетев небольшое расстояние, опускается, охотник быстро подъезжает к этому месту и снова вспугивает затаившуюся птицу. После трех-четырех перелетов турач настолько обессиливает, что, забившись куда-нибудь под куст, позволяет взять себя руками. Подобная охота возможна, конечно, только в местах со скудной травянистой растительностью, где небольшие заросли травы чередуются с открытыми пространствами.

Описанный способ добычи турачей говорит о том, что летательные способности турача крайне ограничены и к более или менее продолжительному полету он совершенно не способен.

Однажды, 2 февраля 1937 г., в низовье Атрека выпал снег. Глубина снегового покрова достигла 5—7 см. Ночью температура упала до  $-7^{\circ}$ . Но через два дня весь снег уже сошел. К сожалению, я не мог в это время посетить низовья Атрека и наблюдать турачей в критический для них период. Через несколько дней кочевники-туркмены привезли мне в Гассан-Кули семь живых турачей, пойманных в эти снежные дни. Турачи жили у меня более трех месяцев, после чего я переслал их на самолете в Ашхабадский зоопарк.

\* \* \*

Летом 1939 г., возвращаясь из экспедиции в Кугитанг и на Амударью я решил посетить Бадхыз — самую южную часть Туркмении. Отправив часть снаряжения и собранные коллекции в Гассан-Кули, мы с препаратором выехали в Кушку.

Обследовать тугаи по реке Мургаб, как я предполагал, нам не удалось, так как вода в реке сильно прибывала и уровень ее поднялся на 3,5 м, затопив тугаи. Мы добыли здесь для коллек-

ции только трех фазанов, которые по Мургабу не представляли редкости, и пару чернобрюхих рябков.

Несколько дней мы экскурсировали в районе Кушки, а затем, 31 мая, взяв в поселке Маргуновском проводника и верховых лошадей, выехали в предгорья к афганской границе. Долины между холмами местами покрыты высокой травянистой растительностью. Склоны холмов поросли деревьями фисташки, среди которых попадаются каменные выходы. Здесь-то и удалось сделать одну из очень интересных для меня находок — гнездо орла-змееяда. В то время биология этого хищника была еще недостаточно хорошо изучена.

Мы уже довольно долго двигались вдоль предгорий, то спускаясь в долины, то снова поднимаясь к фисташковым рощам. Кругом пели птицы, среди которых особенно выделялись черные индийские чеканы, желчные овсянки и тугайные соловьи. Заметив еще издали на дереве большое гнездо, мы подъехали к нему. Оно помещалось на боковых ветках фисташкового дерева, на высоте 2 м от земли. В гнезде оказался один маленький птенец двух-трехдневного возраста в белом пуху. На конце надклевья у него еще сохранялся хорошо заметный «яйцевой зуб» белого цвета. Из добычи на гнезде лежали небольшая змея (контя) и ящерица (длинноногий сцинк). В Бадхызе, как, впрочем, вероятно, и в других районах, основная добыча змееядов — пресмыкающиеся, представленные здесь довольно значительным количеством видов. В стенках гнезда, а также рядом на ветках, располагались гнезда домовых воробьев.

Змееяды были очень осторожны и, когда мы осматривали гнездо, летали на большой высоте, не проявляя особого беспокойства.

По нашим наблюдениям, змееяды не представляют большой редкости в горной части Бадхыза. Здесь они строят свои гнезда на деревьях фисташки, а в равнинной части этой страны гнездятся на саксауле.

\* \* \*

Интересные орнитологические находки и наблюдения мне удалось делать не только в далеких неизученных районах нашей страны, но также и в Московской области, где изучением фауны занимались многие ученые на протяжении более ста лет.

Я возвратился с Дальнего Востока и работал в Приволжско-Дубнинском заповеднике, находившемся в 70 км к северу от Москвы. Здесь, в бассейне реки Дубны, тянутся глухие лесные массивы, состоящие главным образом из ели, березы, сосны, ольхи и осины. Несмотря на близость Москвы, в этих лесах водились лоси, куницы, глухари, рябчики и тетерева, на обширных болотах гнездились журавли.

В 1951 г. весна была необычайно ранняя и дружная. Уже в первых числах апреля даже в лесу снега почти не осталось.

В тот год наблюдался бурный разлив Дубны — уровень воды поднялся в реке на 4,5 м. В течение почти всего апреля стояли прекрасные солнечные дни. В лесу, особенно по утрам, звенел весенний, радостный птичий гомон. Кричали и пели дрозды, зяблики, овсянки, лесные завирушки, юла, зеленушки, лесные коньки, зарянки, крапивники, снегири, пишухи, пеночки-теньковки... С полей доносилось бормотание тетеревов и пение жаворонка. По целым дням бродил я по лесам, побывал и на глухарином току. Это были чудесные незабываемые дни.

13 апреля в дупле осины, найденном мною еще зимой, я увидел мохноногого сыча, который сидел совершенно неподвижно и смотрел из дупла. Я подошел на 5—6 м, но сычик остался на своем месте.

Только 20 апреля мне снова удалось побывать здесь. Когда я тихонько постучал по стволу осины, в дупле показалась голова сыча. Несомненно, птица сидела на яйцах. Сначала сыч как бы с некоторым удивлением созерцал нарушителя своего покоя, но вскоре успокоился и уже совершенно равнодушно продолжал, не моргая, смотреть из своего убежища. Стоило только немного отойти от дерева, и сыч мгновенно исчезал в дупле, снова садясь на яйца. Его серовато-бурая с белыми пятнами окраска замечательно гармонирует и сливается с окраской коры осины.

Чтобы добраться до дупла, требовалась лестница. Вечером, захватив топор и гвозди, я снова пришел сюда. В стороне я срубил сухостойные деревья и приступил к работе; через некоторое время лестница была готова.

24 апреля, когда мы обследовали дупло, в нем оказалось пять чисто-белых почти совершенно ненасиженных яиц. Это дупло образовалось на месте отгнившего сучка; размер его 7,5X9 см. Оно находилось на высоте около 4 м. Подстилка в дупле состояла из небольшого количества мха, перьев и пуха, которые, по всей вероятности, попали в дупло случайно, вместе с приносимой добычей. Кроме того, в дупле я обнаружил две погадки мохноногого сыча, состоящие из шерсти и костей рыжей полевки, орешниковой сони и малой землеройки. Интересно, что сидящая на гнезде птица терпеливо ждала конца вторжения и не вылетала из дупла даже после того, как были взяты яйца.

\* \* \*

Давно я мечтал отыскать гнездо длиннохвостой синицы, но это мне не удавалось, несмотря на то что эта чудесная птичка широко распространена в нашей стране и во многих местах обычна.

И только весной 1951 г. моя заветная мечта, наконец, осуществилась. С 5 по 12 апреля мне удалось найти здесь шесть гнезд длиннохвостой синицы. Все гнезда были еще в начальной стадии постройки. Расположение их весьма различно: одни помещались между двух стволов ольхи или березы, другие же — на больших елях, на конце ветки. Высота, на которой находи-

лись гнезда, также очень различна. Одно из найденных гнезд помещалось на высоте 144 см, другое — 160 см, а третье, сделанное в развилке ствола березы,— 9 м. Два гнезда, сделанных на еловых ветвях, помещались на высоте 4 и 8 м.

Первое из найденных гнезд находилось среди поросли ольхи и осины. Оно помещалось между двумя стволами ольхи, на высоте 2,4 м. В постройке гнезда принимали участие как самка, так и самец. Птички брали лишаи со стволов ольхи, стоящих здесь же поблизости. И так как строительного материала было много и он находился «под рукой», работа у них шла быстро.

Длиннохвостые синицы очень доверчивы, и их, по-видимому, совершенно не смущало мое присутствие, так как они спокойно продолжали заниматься своим делом — постройкой гнезда, хотя я находился всего лишь в 6 м от него.

Спустя пять дней, 11 апреля, постройка гнезда закончена. Началась кладка яиц. А 27 апреля мы застали на гнезде насыжающую синицу. Но дальнейшая судьба этого гнезда сложилась очень печально. Однажды, придя проведать гнездо, я сразу увидел, что оно разорено. Летное отверстие было заметно расширено, и под деревом валялись внутренняя выстилка гнезда из перьев и пуха глухаря и скорлупа от одного яйца. Птиц около гнезда не оказалось. Вероятно, это дело какого-то грызуна, может быть орешниковой сони, которая здесь встречается.

Гнездо длиннохвостой синицы представляет собой весьма искусную и красивую постройку. Основным строительным материалом является зеленый мох. Снаружи оно сплошь покрыто лишайником и белыми коконами насекомых и пауков. Внутри обильно выложено перьями и пухом птиц, главным образом рябчика и глухарки.

6 апреля мне удалось найти в мелколесье, состоящем из березы, осины, сосны и ели, еще два строящихся гнезда длиннохвостой синицы. Постройка их была начата, вероятно, только два-три дня тому назад. Впоследствии одно из этих гнезд разорила сойка, у второго же я провел много часов, наблюдая жизнь его обитателей.

11 апреля постройка гнезда еще продолжалась; птички занимались выстилкой его внутренней части. Для этой цели они приносили перья и пух, совершая более отдаленные маршруты, и, следовательно, на продолжительное время отлучались от гнезда. Интересно отметить, что при этом самец и самка не расстаются и летают всегда вместе. Через два дня, когда я снова посетил это гнездо, оно было уже совершенно готово, но кладка яиц еще не начиналась. Птиц около гнезда я не увидел.

20 апреля я обнаружил в гнезде пять яиц; в последующие дни кладка яиц продолжалась. 8 мая в гнезде оказалось 11 саль-





Konrad By.

но насиженных яиц. 14 мая в гнезде появились маленькие птенцы двух-, трехдневного возраста. Через десять дней они уже полностью оперились, отросли и маховые перья. Короткие хвостики птенцов несколько изогнуты набок, так как не помещаются в гнезде и упираются в его стенки. Самка и самец кормят птенцов, принося им различных насекомых. Они вместе улетают за кормом и обычно вместе же возвращаются к гнезду, издавая при этом свой характерный дребезжащий посвист. Птички не расстаются ни на минуту. Такой трогательной привязанности и дружба я не встречал у других птиц.

Как только послышится посвист возвращающихся с кормом родителей, птенцы оживляются и начинают пищать. Восемь голодных ртов мгновенно открываются, и птенцы трепещут крыльшками. Подлетевшая с кормом птица отдает одному или двум птенцам принесенных насекомых, а затем внимательно осматривает гнездо и, увидев помет, берет его в клюв и выносит прочь. Таким образом достигается необходимая чистота в гнезде. Когда птенцы подросли и гнездо было ими сильно разрушено (раздвинуто), мне несколько раз пришлось видеть, как птички вытаскивали из гнезда уже ненужные теперь перья и уносили их с собой.

Длиннохвостые синицы мало опасаются человека, и, когда я стоял всего лишь в 3 м от гнезда, они также подлетали к нему, продолжая выкармливать птенцов. Птицы беспрестанно приносят корм. Можно только удивляться, какой «работоспособностью» обладают эти милостивые птицы, а также тому огромному количеству насекомых, которое уничтожает семья длиннохвостых синиц. На следующий день, 25 мая, я снова был у знакомого гнезда. Оно еще более разъехалось и совершенно деформировалось, стенки его висели клочьями. Птенцы стали более подвижны; один из них уже выбрался на край гнезда, второй перебрался из гнезда на соседнюю веточку, и вскоре за ним последовал другой. Прилетевшие родители, по-видимому, для поощрения отдали им принесенный корм. После столь наглядного урока оставшиеся в гнезде птенцы как-то разом зашевелились и один за другим начали выбираться из него. Смекнули малыши, что, сидя в гнезде, ничего не получишь. И странно было видеть птенцов, несколько минут назад сидевших почти без движения и казавшихся совсем беспомощными, столь ловкими и подвижными. В это время здесь появилась «чужая» парочка длиннохвостых синиц. Они совершенно спокойно и без тревоги смотрели на мое близкое соседство с птенцами. Подлетевшие же с кормом владельцы гнезда, увидев своих питомцев, сидящих уже на деревьях, подняли тревожный крик и почти вплотную подлетали ко мне. Птенцы начали перепархивать с ветки на ветку, и сразу оживился этот участок леса характерным синичьим посвистом. По своему развитию птенцы несколько различались; одни из них были заметно

сильнее, другие слабее. Особенно выделялся один бойкий птенец, который впереди всех все дальше и дальше удалялся от гнезда.

Интересно отметить, что во время вылета птенцов корм приносили им не только родители. Две другие длиннохвостые синицы, оказавшиеся в это время около гнезда, также проявили эту трогательную заботу. Птенцы не сидели долго на одном месте, они перепархивали с ветки на ветку, двигаясь в одном направлении. Родители все время подлетали с кормом и совали его то одному, то другому птенцу, которые теперь постоянно пищали.

Я также следовал за выводком. Примерно через час птенцы оказались уже в 50 м от гнезда. Некоторые из них сидели довольно высоко на молодых соснах, другие, наиболее слабые, перепархивали низко по кустарнику. Вот недалеко от выводка пролетела сойка, длиннохвостые синицы с тревожным трещанием погнались за пернатым разбойником.

В мелком сосняке выводок остановился на отдых. Птенцы сидели по два и по три рядом, тесно прижавшись друг к другу. Некоторые прятали головку под крыло: по-видимому, после теплого гнезда им было холодно. Крошки уже чистились и расправляли крылья, но хвостики у них все еще были изогнуты набок. У одного птенца мне удалось взять из клюва только что принесенную добычу, которая оказалась очень крупной, и он не успел ее проглотить. Это была бабочка из семейства хохлаток (*Notodontidae*).

В конце дня я снова зашел проведать выводок длиннохвостых синиц. Они держались в том же мелком сосняке и, по-видимому, здесь собирались провести ночь. На одном сучке, довольно высоко, сидело пять птенцов, тесно прижавшись друг к другу. Совершенно очевидно, что они еще очень нуждались в тепле, и это стремление собираться вместе, несомненно, обусловлено потребностью во взаимном обогреве. Самец и самка продолжали кормить их.

Так, 25 мая на моих глазах восемь чудесных птичек вступили в жизнь.

\* \* \*

В заключение я должен сказать, обращаясь к ребятам, о вреде собирания птичьих гнезд и яиц. Многие ребята увлекаются этим не только бесполезным, но и очень вредным занятием. Дело в том, что такое детское увлечение, как правило, быстро проходит, а собранные коллекции гнезд и яиц обычно уничтожаются. В результате же погибает множество полезных птиц. Это совершенно недопустимо. Птицы — друзья человека, и мы обязаны их охранять. Ребята должны знать, что разорение птичьих гнезд запрещено нашим законом об охране природы.

Только ученые орнитологи, которые должны знать все, что касается птиц, имеют юридическое и моральное право брать гнезда и кладки, нужные им для научных работ. А ребята, воору-



жившись биноклем и записной книжкой, могли бы сделать много интересных наблюдений по биологии птиц, которые, несомненно, принесли бы им большее удовлетворение и радость, чем бездумное собирание птичьих яиц.

## *Новые виды птиц в фауне Советскую Союзу*

Вот уже более двух столетий прошло с тех пор, как появились первые публикации, содержащие сведения о птицах нашей страны. В первую очередь следует назвать известное сочинение С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», вышедшее в свет в 1755 г., т. е. в год кончины знаменитого исследователя Камчатки. В охотничьем трактате Василия Левшина «Совершенный егерь», изданном в 1779 г., также содержится много орнитологического материала. В 1811 г. вышла замечательная книга величайшего натуралиста XVIII в. П. С. Палласа «Zoographia Rosso-Asiatica». Она содержит описание фауны птиц России, многочисленные данные о распространении и биологии 425 видов.

Так началось планомерное изучение орнитологической фауны нашей страны. Из зоологов и путешественников, исследования которых относятся к XIX и XX вв., необходимо отметить Э. А. Эверсмманна, Г. С. Карелина, К. Ф. Кесслера, А. Ф. Миддендорфа, Г. И. Радде, Н. А. Северцова, Н. М. Пржевальского, М. Н. Богданова, В. Л. Бианки, Ф. Д. Плеске, Н. А. Зарудного, П. П. Сушкина, С. А. Бутурлина. Большое значение в развитии русской орнитологии имели классические работы М. А. Мензбира и особенно его сводка по орнитофауне Европейской России и Кавказа «Птицы России», вышедшая в 1895 г.

После Октябрьской революции работы по изучению фауны страны получили небывало широкий размах. Этому в значительной степени способствовали организация государственных заповедников в самых разнообразных географических зонах, а также создание республиканских академий наук и филиалов Академии наук СССР.

Ежегодно многочисленные экспедиции зоологов работают в самых отдаленных и труднодоступных районах нашей страны. В результате этих исследований собран огромный коллекционный материал. Значительно обогатились наши знания по географическому распространению и биологии птиц. Были опубликованы две капитальные сводки: «Птицы Советского Союза» (1951 — 1954) под общей редакцией Г. П. Дементьева и Н. А. Гладкова и «Птицы СССР» (1951 — 1960), составленная А. И. Ивановым, Е. В. Козловой, Л. А. Портенко и А. Я. Тугариновым. Но тем не менее наши знания в области изучения фауны Советского Союза еще очень недостаточны и далеки от желаемой полноты

и законченности. До сих пор огромные территории пашей страны еще не посещались зоологами и ждут своих исследователей. Поэтому данные о географическом распространении многих видов очень несовершенны. Особенно много предстоит сделать в изучении экологии птиц.

Интересно отметить, что только летом 1967 г. в Заилийском Алатау впервые было найдено гнездо очень редкого красного выюрка — типичного высокогорного вида, обитающего в суровых условиях альпийского пояса. Об этом следует рассказать более подробно.

Эта удача выпала на долю алма-атинских зоологов Э. И. Гаврилова и А. Ф. Ковшара. Гнездо красного выюрка, найденное 17 июня в период его постройки в Большом Алма-Атинском ущелье, на высоте 3300 м над уровнем моря, помещалось в вертикальной трещине отвесной скалы. Щель с гнездом находилась примерно в 40 м от верха скалы и в 80 м от ее подножия и была совершенно недоступна. Но орнитологи, хорошо понимая научную ценность и значение своей находки, проявили много инициативы и энергии, чтобы достать это уникальное гнездо. На помощь пришли альпинисты. Два дня они штурмовали неприступную скалу в Заилийском Алатау. 11 июля гнездо красного выюрка с четырьмя яйцами оказалось в руках орнитологов. Это один из примеров, показывающий, с каким трудом, опасностью и риском приходится иногда добывать научный материал.

Отметим также, что впервые гнездо японского свиристеля было найдено лишь 27 июня 1971 г. в поселке Экимчан, на реке Селемджа Амурской области. Оно помещалось на лиственнице, у ствола, на высоте 6 м, и содержало пять ненасиженных яиц. Эта замечательная находка принадлежит В. В. Леоновичу.

Изучение фауны птиц имеет огромное значение для познания природы нашей страны. Оно не только выясняет действительный состав и характер орнитофауны Советского Союза, но приносит также богатый экологический материал. Кроме того, фаунистические исследования фиксируют динамику ареалов отдельных видов, представляющую большой зоогеографический интерес. Фаунистика — это фундамент орнитологии, основа наших знаний о птицах.

Надо помнить, что ареал никогда не бывает стабильным. Под влиянием воздействия различных факторов он постоянно претерпевает изменения. Ареал определяется не только физико-географическими условиями, и в частности ландшафтами той или иной страны, но в значительной степени также и экологической пластичностью вида. Кроме того, вмешательство человека в природные условия (создание обширных водохранилищ, распашка целины, осушение болот, уничтожение лесов и пр.) может в значительной степени изменять границы распространения вида.

В результате фаунистических исследований только за последние 30—35 лет в Советском Союзе впервые были найдены многие

виды птиц. Большая часть их относится к залетным видам, другие же, несомненно, гнездятся у нас. Наибольшее количество новых видов, как и следовало ожидать, найдено в Приморье, на юге Средней Азии и северо-восточной части нашей страны (Чукотка и о-в Врангеля). Это — большая работа многих советских орнитологов.

Вот некоторые из этих видов:

Саванная овсянка — 2 июня 1934 г., Чукотский полуостров, второй экземпляр добыт на о-ве Врангеля 27 сентября 1960 г.

Воробьиная овсянка — 2 июня 1934 г., Чукотский полуостров.

Индийский жулан — 24 апреля 1936 г., Южная Туркмения, Бадхыз у Агар-Чишме. Впервые гнезда этого вида на территории Советского Союза были найдены на склонах хребта Гяз-Гедык только весной 1952 г.

Чернобровая овсянка — 6 мая 1938 г., Чукотский полуостров, бухта Провидения.

Белолобая ласточка и речная ласточка — лето 1939 г., о-в Врангеля.

Японская длиннохвостая мухоловка — июнь 1941 г., Южное Приморье.

Черный дронго — 26 мая 1944 г., Южное Приморье, Судзухинский заповедник. Второй экземпляр этого вида наблюдался в Приморье, на реке Хунгари, 5 июня 1955 г.

Китайский скворец — 26 сентября 1945 г., Южное Приморье, Судзухинский заповедник.

Индийский дронго — 9 ноября 1947 г., Южное Приморье, п-ов Муравьева-Амурского.

Японский бекас — август 1948 г., Курильские острова (о-в Кунашир).

Большой пегий зимородок — сентябрь 1948 г., Курильские острова (о-в Кунашир).

Короткопалый дрозд — ноябрь 1948 г., Сахалин. В Южном Приморье первая находка этого вида сделана 31 сентября 1960 г.

Афганский воробей — И декабря 1948 г., Южная Туркмения, Бадхыз.

Буревестник Буллера — 17 октября 1951 г., у Курильских островов.

Белолобый сорокопут — 15 апреля 1952 г., Туркмения, Амударья (55 км севернее Дарганата). Второй экземпляр этого вида добыт 15 мая 1966 г. у поселка Ташкепри на Мургабе.

Длинноклювая камышевка — 2 сентября 1956 г., Восточный Памир, окрестности Памирской биологической станции.

Большой плавунчик — 21 июня 1957 г., тундра, близ устья реки Коньковой (150 км к северо-западу от Походска). Из-за крайней осторожности этого кулика добыть его не удалось.

Свиристелевый сорокопут — 14 мая 1960 г., Южная Туркмения, река Теджен.

Китайский, или серый, чибис — 21 апреля 1960 г., Южное Приморье, п-ов Муравьева-Амурского. Второй экземпляр наблюдался на о-вах Римского-Корсакова 7 мая 1965 г.

Японская черноспинная трясогузка — 25 октября 1960 г., Южное Приморье.

Американский красноголовый нырок — 5 июня 1961 г., южное побережье Большого Ляховского острова (Новосибирский архипелаг).

Американская пестрогрудая овсянка — 28 июня 1961 г., Чукотка.

Японский зеленый голубь — 8 июля 1962 г., о-в Кунашир (самый южный остров Курильской гряды). На следующий год зеленые голуби снова наблюдались на этом острове.

Индийский, или хохлатый, скворец — 2 июня 1963 г., Юго-Восточная Туркмения (Кугитанг).

Косматый поползень — 8 мая 1965 г., о-ва Римского-Корсакова в заливе Петра Великого.

Тростниковая сутора (*Paradoxornis heudei*) впервые наблюдалась в Приморье на озере Ханка 19 августа 1968 г. Осенью 1971 г. там же были добыты пять экземпляров этого вида. Эта находка особенно интересна тем, что тростниковая сутора, будучи оседлой птицей, имеет весьма ограниченный ареал, населяя тростниковые заросли в пойме реки Янцзы (Восточный Китай), т. е. примерно 1800 км к югу от озера Ханка.

Якана, водяной фазанчик (*Hydrophasianus chirurgus*). Летом 1972 г. была добыта на п-ве Де-Фриз в Южном Приморье. Второй экземпляр этого вида добыт 11 июля 1975 г. в районе Сихотэ-Алинского заповедника (окрестности поселка Терней).

Фауна птиц Советского Союза является нашим национальным богатством, которое мы должны беречь и охранять. В этом деле особо важную роль играет разумное отношение к животному миру.

## Эндемики Советского Союза<sup>1</sup>

В Советском Союзе встречается 765 видов птиц. На земном шаре известно 8 600 видов. Следовательно, количество видов птиц нашей страны составляет всего лишь 8,7% мировой фауны птиц. Огромное большинство видов птиц, как известно, населяет южное полушарие. Но тем не менее фауна Советского Союза достаточно богата и разнообразна. Среди населяющих ее птиц 27 видов являются эндемиками, т. е. гнездящимися только на территории нашей страны. К эндемикам Советского Союза относятся: краснозобая казарка, клоктун, дикуша, кавказский улар, черный журавль, стерх, или белый журавль, каспийский зук, кречетка,

<sup>1</sup> Эндемик — вид, распространенный только в определенной области.

охотский улит, пепельный улит, кулик-лопатец, длиннопалый песочник, краснозобик, острохвостый песочник, большой песочник, кроншнеп-малютка, малый кроншнеп, розовая чайка, черный жаворонок, белокрылый жаворонок, саксаульная сойка, дрозд Науманна, сибирская завирушка, сибирский конек, желтобровая овсянка, рыжая овсянка и сибирская чечевица.

Следовательно, наибольшее количество эндемиков является представителями двух отрядов — куликов (11 видов) и воробьиных (9 видов).

Надо отметить, что дикуша, кавказский улар, черный жаворонок и саксаульная сойка — оседлые виды, остальные — перелетные, зимующие за пределами СССР. Большинство перечисленных выше эндемиков Советского Союза имеют очень ограниченный ареал.

Ниже даны краткие сведения по распространению и биологии наших эндемиков, среди которых есть немало замечательных и удивительных птиц<sup>2</sup>. Надо отметить, что биология и особенности распространения некоторых из них до сих пор еще недостаточно хорошо изучены, и несомненно, что только советские орнитологи могут восполнить этот пробел.

Краснозобая казарка. Гнездовый ареал этой казарки весьма ограничен, занимая лишь тундру и лесотундру от восточной части п-ва Ямал до озера Таймыр. Зимовки также занимают очень ограниченную территорию — в основном область Южного Каспия и отдельные районы Ирана и Ирака.

Краснозобые казарки гнездятся обычно небольшими колониями в несколько пар, помещая свои гнезда на крутых берегах рек и оврагов, поросших кустарником ивняка. Очень часто их гнезда располагаются близ гнезда сокола-сапсана или мохноногого канюка. Таким образом, они находятся как бы под защитой этих хищников. Полная кладка содержит четыре—семь яиц, иногда бывает девять яиц.

**Чирок-клоктул.** Ареал клоктуну охватывает Восточную Сибирь — от Енисея до низовьев Анадыря и Камчатки включительно. К югу он спускается до Байкала. В тундре во многих местах ареал доходит до побережья Северного Ледовитого океана. Гнездится этот чирок и на Новосибирских островах.

В северной части ареала клоктуну появляются только в последних числах мая; так, например, прилет их в 1957 г. в Приколымскую тундру отмечен нами 27 мая. Весной 1960 г. в тундре на границе леса, между реками Хромой и Индигиркой, клоктуну появились 28 мая. Кладка яиц, по нашим наблюдениям, начинается здесь сразу после прилета.

Гнездо клоктуну, найденное нами 6 июня, содержало семь еще совершенно не насиженных яиц. Оно помещалось на болоте

<sup>2</sup> В этой статье я не даю описание стерха и розовой чайки, так как этим видам в книге посвящен отдельный очерк.

среди леса, у ствола лиственницы; сверху его закрывали ветви, которые уже начали покрываться молодой зеленью. Интересно отметить, что это гнездо было сделано исключительно из сухих игл лиственницы, образующих широкий вал (7—9 см), с небольшим количеством темно-бурого пуха.

Второе гнездо клоткуна, обнаруженное нами 16 июня в том же районе, в лесотундре, содержало восемь яиц. Гнездо находилось на земле, у ствола кустарниковой ольхи. Стенки гнезда были обильно выложены пухом насидывающей утки. Полная кладка содержит 7 — 10 яиц.

Первые выводки клоткунов нам приходилось наблюдать в Приколымской тундре и в горах хребта Черского, в долине реки Ольчан, в первых числах июня. Во время полета самцы издают характерные звуки — «кло, кло, кло», откуда и произошло русское название этого чирка.

Дикуша. Эта замечательная птица — ближайшая родственница североамериканских дикуш, описана Хартлаубом в 1855 г. по экземплярам, добытым на Становом хребте. Первые же обстоятельные и очень интересные сведения о распространении и биологии дикуши имеются в работе А. Ф. Миддендорфа «Путешествие на север и восток Сибири». Известный исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев также упоминает о своей встрече с дикушей. Новые данные о ней опубликовали советские зоологи Л. М. Шульпин, Л. Г. Капланов, К. Г. Абрамов, Р. Л. Потапов и Ю. Б. Пукинский.

Область распространения дикуши весьма ограничена. Эта птица гнездится в бассейне Амура, доходя на запад до восточных районов Забайкалья (среднее течение реки Шилки), к северу по побережью до Охотска. В Якутии ареал дикуши захватывает только юго-восточную часть; западной границей ее распространения здесь является правый приток Алдана — Тимитон. Гнездится дикуша на Сахалине и в Уссурийском крае, по хребтам Сихотэ-Алиня, к югу до верховьев реки Иман.

В своем распространении дикуша экологически тесно связана с аянскими ельниками с примесью даурской лиственницы и пихты. Необходимые условия ее обитания — густой моховой покров на почве и обилие ягод.

Впервые гнездо этого вида, содержащее восемь яиц, было найдено летом 1934 г. на Южном Сахалине. Новый, весьма интересный материал, относящийся к биологии размножения дикуши, недавно был собран Ю. Б. Пукинским в темнохвойных лесах Сихотэ-Алиня, в верховьях реки Бикин.

В конце апреля или начале мая, лишь только на южных склонах сойдет снег, самцы поодиночке начинают токовать. Они ходят по земле, опустив крылья и приподняв вверх голову и раскрытый веером хвост. Время от времени токующий самец издает протяжный вибрирующий звук—«УУУУРРР», затем подлетает вверх, издавая при этом двойное, вроде глухариного, шелканье.

Так продолжается с некоторыми интервалами много раз подряд (Л. Г. Капланов).

Питается дикуша в основном хвоей даурской лиственницы и белокорой пихты, а также различными ягодами — брусникой, голубикой, клюквой, черникой, морошкой. Насекомые в питании взрослых дикуш, как правило, почти отсутствуют, являясь, по-видимому, случайным элементом в их пищевом режиме. Наличие в желудках дикуш большого количества камешков кварца объясняется преобладанием в рационе данного вида грубых растительных кормов.

Одна из наиболее замечательных биологических особенностей дикуши, как известно, ее крайняя доверчивость. Птицы очень близко подпускают человека, не проявляя при этом беспокойства и страха.

Промыслового значения дикуша почти не имеет. Это объясняется сравнительной малочисленностью данного вида, спорадичностью его распространения и обитанием главным образом в глухих и труднодоступных местах. Во вновь осваиваемых таежных районах доверчивую птицу легко истребляет человек.

**Кавказский улар.** Ареал этого улара весьма ограничен: он охватывает высокогорья Главного Кавказского хребта и его отрогов от 1800 до 4000 м над уровнем моря. Вид оседлый, но совершающий сезонные вертикальные миграции, спускаясь зимой значительно ниже своего летнего местообитания.

Зимой улар часто держится вместе с турами, которые, добывая себе подснежный корм, разбивают ногами затвердевший снег и тем самым значительно облегчают добывание корма для уларов.

Ранней весной улары разбиваются на пары. Во время брачного периода птицы постоянно издают характерный свист. В апреле самки приступают к откладке яиц. Полная кладка содержит обычно 8—10 яиц.

**Черный журавль.** Черный журавль принадлежит к числу наименее изученных птиц Советского Союза. Его гнездовая область и экология до самого последнего времени были малоизвестны. Те немногие фрагментарные сведения, которыми мы располагали о распространении этого вида, лишь в самых общих чертах намечали его ареал.

По литературным данным, он встречается в летний период в Прибайкалье и в Юго-Восточном Забайкалье. Надо отметить, что большинство находок и наблюдений этого вида в различных местах Западной и Восточной Сибири относятся или к пролетным экземплярам, или к негнездящимся особям.

По нашим исследованиям, черный журавль гнездится в Юго-Западной Якутии. Мы нашли его в гнездовой период в Олёкмо-Чарском нагорье, в бассейне рек Токко и Чары. Спустя несколько лет зоолог Ю. В. Ревин, работавший летом 1961 г. на реке Токко, сообщил мне следующие данные о черном журавле. 10 июня одиночный самец этого вида кормился на речной отмели в устье

реки Нижнее Джеге (50 км выше устья реки Тяни). Самка, вероятно, сидела на гнезде. В августе в этом же районе выводок черных журавлей, состоящий из двух старых и двух молодых птиц, держался на большой травянистой поляне, окруженной кустарником и лесом. Журавли были весьма осторожны, близко не подпускали, но на крылья не поднимались, а отбегали в лес, где и скрывались.

Не так давно преподаватель средней школы Б. Н. Андреев из села Вилючан на Вилое сообщил мне, что черный журавль ежегодно встречается летом в бассейне среднего течения Вилоя и, несомненно, гнездится здесь по обширным лесным болотам. Спустя два года он доставил в Зоологический музей Московского университета трех черных журавлей, среди которых был еще не летный птенец, добытый в конце июля 1966 г. в районе реки Сюльджюяр (левый приток Вилоя). Черные журавли встречаются в летний период на открытых лесных болотах, а также по реке Молбо (приток Чары) в Иркутской области.

К. Г. Абрамов сообщил мне, что он наблюдал летом 1955 г. черного журавля на моховых марях в верховье реки Горина (левый приток Амура). Это наблюдение фиксирует самое восточное местонахождение вида в гнездовой период. Все эти данные говорят о том, что местом обитания черного журавля являются обширные лесные болота (мари) в таежной области Восточной Азии.

Только в 1974 г. в средней части Сихотэ-Алиня, в бассейне реки Бикина, было найдено первое гнездо черного журавля. Эта замечательная находка принадлежит Ю.Б. Пукинскому. На следующий год в этом же районе им было найдено второе гнездо этого вида и собран большой экологический материал.

Зимует черный журавль в Юго-Восточном Китае, в области нижнего течения реки Янцзы, и в Южной Японии. По данным японских орнитологов, в южной части острова Кюсю в 1965 г. зимовало 1442 черных журавля.

**Каспийский зук.** Распространение этого вида простирается от Ставропольского края до Зайсанской котловины. В Южной Туркмении мы нашли его на гнездовье в Приатрекской равнине. Зимует он в Южном Иране, Аравии и Восточной Африке. Местом обитания каспийского зуйка являются полупустынные глинисто-солончаковые пространства с сильно разреженной растительностью, состоящей в основном из полыни и солянок.

Полная кладка содержит три яйца. В насиживании принимают участие как самка, так и самец, так как наседные пятна имеются у обоих полов.

**Кречетка.** Область распространения кречетки простирается от Волги до Оби (в основном в северной части Казахстана). Зимует в Северо-Восточной Африке и Северо-Западной Индии.

Этот красивый кулик — одна из характерных птиц зоны сухих степей и полупустынь. Гнездится как отдельными парами, так и небольшими колониями, состоящими из нескольких гнезд. Но



иногда эти гнездовые сообщества достигают значительных размеров — несколько десятков гнезд. По наблюдениям в Казахстане, кречетка часто гнездится вместе с другими куликами — тиркушками, веретениками, кроншнепами, чибисами. У гнезда кречетки очень энергично нападают на пролетающих хищных птиц, а также на собак, лисиц и человека. После того как молодые начинают летать, кречетки собираются в стаи, которые иногда состоят из нескольких сотен птиц.

**Охотский улит.** Этот редкий и малоизвестный вид найден на гнездовые только в южной части Сахалина. Немногочисленные коллекционные экземпляры добыты на побережьях Охотского и Японского морей, а также на Камчатке и в Японии (пролетные).

По внешнему облику охотский улит очень похож на большого улита, но в то же время легко отличается от него наличием хорошо развитой перепонки между средним и внутренним пальцами. Кроме того, клюв охотского улита заметно загнут кверху.

Гнездовый биотоп охотского улита на Сахалине — низинные берега морских заливов, иногда заболоченные, с мхами и травянистой растительностью, а также поросшие кустами багульника и ольхи. Полная кладка состоит из четырех яиц.

**Пепельный улит.** Гнездовый ареал простирается от южной части Таймырского полуострова до Анадыря, к югу — до Байкала. В Якутии пепельный улит распространен в горных ландшафтах. Мы нашли его в качестве обыкновенной гнездящейся птицы как в системе хребта Черского, так и в горах Верхоянского хребта.

Биотоп пепельных улитов весьма характерен — это каменистые берега горных рек, а также речные острова, поросшие местами низкорослыми кустиками ивняка и голубики, с почвой, покрытой мхом и ягелем, с небольшими каменистыми участками. В гнездовой период мы встречали их начиная примерно с 800 м и до 1400 м над уровнем моря.

Выводки нам приходилось наблюдать также и сравнительно далеко от реки, среди редкого лиственничного леса с большим количеством сухостоя и упавших полусгнивших стволов. Низкорослые поросли кустарниковой березки и голубики чередовались здесь с открытыми пространствами, покрытыми мхом, лишайниками и камнями.

Весной первые кулики этого вида наблюдались в среднем течении реки Бытантай (Верхоянье) 25 мая. Первые выводки (пуховички) отмечены нами 5 июля. Полная кладка содержит четыре яйца.

**Кулик-лопатец.** Ареал этого замечательного куличка крайне ограничен: приморская часть тундры Чукотского полуострова, от мыса Ванкарем до Анадырского залива. В 1957 г. гнездование этого вида было найдено Л. А. Портенко в районе бухты Корфа Корякского округа.

На пролете мы наблюдали его по побережью Японского моря в течение всего августа и первой половины сентября. Зимует в

Юго-Восточной Азии. Весной на места гнездования прилетает в первых числах июня. Вскоре после прилета самцы начинают токовать. Кулички поднимаются высоко в воздух и, летая в разных направлениях, то снижаются, то поднимаются вверх. Во время этих полетов кулички издают особую трескучую трель и жужжание.

Постройка гнезда, насиживание, а также забота о выводке, по-видимому, лежат главным образом на самце. Полная кладка содержит четыре яйца.

**Длиннопалый песочник.** Этот кулик открыт в Восточной Сибири более 120 лет тому назад известным натуралистом и путешественником Миддендорфом. Его распространение простирается от Западной Сибири и Алтая до Чукотки, Камчатки, Охотского побережья и Курильских островов на восток. В Якутии мы нашли его в гнездовой период в двух районах — в горах Алдано-Учурского хребта и хребта Черского. Биотоп этого вида — горная тундра, а также заболоченные долины горных рек.

Биология длиннопалого песочника до сих пор изучена очень слабо. Это довольно малочисленный и крайне молчаливый куличок. Одна из его биологических особенностей заключается в том, что ящца насиживает не самка, а самец, так же как у плавунчиков. Впервые это отметил А. П. Васьковский, добывший 11 июня 1944 г. в окрестностях Магадана самца, насиживающего яйца. В Якутии я добыл трех самцов этого вида с хорошо развитыми наседными пятнами; добытая в гнездовой период самка наседных пятен не имела.

**Краснозобик.** Этот кулик — типичный представитель орнитофауны тундры. Область его распространения простирается от устья Енисея до Чаунской губы на востоке, включая Новосибирские острова.

Зимовки краснозобика охватывают обширные области — морские побережья Африки и Мадагаскара, южные берега Азии, острова Малайского архипелага и Австралию.

Гнездовой биотоп — приморская часть тундры. По нашим наблюдениям, весной 1957 г. первые краснозобики появились в тундре у реки Коньковой Нижнекалымского района 27 мая. Пролет их шел здесь в течение четырех дней.

Гнездо краснозобика, найденное нами в приморской тундре 23 июня, содержало четыре сильно насиженных яйца.

**Острохвостый песочник.** С этим замечательным видом у меня связано особое чувство и много хороших воспоминаний, ибо мне первому посчастливилось найти неизвестные еще тогда гнезда и пуховичков, а также собрать материал по биологии его размножения.

Ареал острохвостого песочника, как показали наши исследования, охватывает тундру от дельты Лены до Колымы, простираясь примерно на 1300 км. Южная граница его распространения подходит к северной границе леса.

Зимовки острохвостого песочника охватывают Южный Китай, Индокитай, Малайский архипелаг, Новую Гвинею с прилежащими островами и Северную Австралию.

Гнездится на сырых участках тундры с травянисто-моховым покровом. На места гнездовья острохвосты прилетают в последние числа мая. Весной 1960 г. первые кулички этого вида появились в тундре между реками Хромой и Индигиркой 28 мая. В последующие дни можно было наблюдать, как самцы ухаживали за самками. По временам самцы поднимались в воздух, издавая весьма своеобразную глухую трель, а затем планирующим полетом снова опускались к самкам. Эту брачную трель острохвостов приходится слышать здесь довольно долго, даже тогда, когда самки уже сидят на гнездах.

Гнездо, как правило, расположено в сырых низинных местах, в углублении мха, среди сухой прошлогодней травы и еще голых побегов ивняка. Гнезда, найденные нами в первой половине июня, содержали по четыре еще совершенно ненасиженных яйца. Выводок, состоящий из самки и четырех однодневных пуховичков, мы встретили на травянисто-моховом болоте среди тундры 2 июля.

**Большой песочник.** Гнездовая область этого песочника выяснена еще недостаточно хорошо. Его ареал охватывает горные области Восточной Сибири — от южных отрогов Верхоянского хребта до Чукотского полуострова включительно.

Зимует большой песочник в Индии, на островах Малайского архипелага и по побережью Западной Австралии. Его гнездовой биотоп — горная тундра на высотах 400—1300 м, с преобладанием каменистых участков, с почвой, покрытой мхом, лишайниками и редкими кустами кедрового стланика.

Полная кладка содержит четыре яйца. Пуховые птенцы отмечены на Анадыре 12 июля.

**Кроншнеп-малютка.** Этот своеобразный кроншнеп открыт в 1840 г. на зимовке в Австралии. Гнездовый же ареал его, лежащий в Северо-Восточной Сибири, был установлен значительно позднее. Первые экземпляры этого вида добыты А. Л. Чекановским в 1874 г. в бассейне реки Хатанги. Последующие исследования показали, что ареал кроншнепа-малютки весьма ограничен и приурочен главным образом к области Верхоянья, где распространение его носит спорадический характер. Гнездовый биотоп в Верхоянье — лиственничное криволесье с почвой, обильно покрытой ягелем и мхом, местами с низкорослыми кустиками ивняка и кустарниковой березки.

На места гнездовья кроншнеп-малютка прилетает в двадцатых числах мая. Кладка яиц происходит в конце мая и в первых числах июня. Появление первых пуховичков зарегистрировано 25 июня. Летные птенцы наблюдались 22 июля.

Летом 1959 г., во время Верхоянской экспедиции, выводки, состоящие из четырех пуховичков, были встречены нами 29 июня.

Обнаружить кроншнепов-малюток в гнездовый период нетрудно, так как сидящая где-либо на вершине дерева сторожевая птица, еще издали увидев человека, начинает тревожно кричать. Интересно отметить, что 6 августа, когда на обратном пути экспедиция снова посетила эти места, кроншнепов-малюток здесь уже не было, как, впрочем, не оказалось и других птиц, гнездящихся в этих местах. Так быстро в северных районах птицы покидают свою гнездовую область.

**Малый, или тонкокловый, кроншнеп.** Область распространения этого редкого кроншнепа выяснена недостаточно хорошо. Она лежит изолированными участками в Юго-Западной Сибири и в Северном Казахстане — от реки Урал до Оби. Гнездование его обнаружено лишь в районах Тары на Иртыше, озера Чаны и реки Алей (левый приток Оби). Зимует в Северной Африке, в частности в Египте, Алжире и Тунисе.

По данным В. Е. Ушакова, 60 лет назад в районе Тары эти кроншнепы были довольно обыкновенны и держались по обширным болотам, поросшим кое-где кустарником. В настоящее время малый кроншнеп, по-видимому, вымирающий вид.

**Черный жаворонок.** Ареал черного жаворонка охватывает степи и полупустыни от нижнего Поволжья до Зайсанской котловины. К югу доходит до Каспийского и Аральского морей и Северного Прибалхашья. В зимний период стаи этих жаворонков, достигающие иногда очень больших размеров, совершают значительные кочевки не только в южном, но и в других направлениях от своего гнездового ареала. Эти кочевки становятся особенно отдаленными и продолжительными в многоснежные зимы.

Гнездовый биотоп черного жаворонка — в основном полынные степи, в некоторых местах он населяет также глинисто-солончаковые степи с редкими кустиками ковыля. Песчаных мест, как и травянистых степей без солонцов, он избегает.

**Белокрылый жаворонок.** Гнездовый ареал этого жаворонка в значительной степени совпадает с ареалом предыдущего вида. Он распространен от придонских степей и Предкавказья до предгорий Алтая. На юг доходит до зоны полупустынь. Зимует в степях Украины и Крыма, а также в Закавказье и Северном Иране.

Биотоп белокрылого жаворонка — ковыльные и полынные степи. В Казахском нагорье гнездится близ пресных и соленых озер. В апреле—мае встречаются первые кладки, содержащие обычно четыре—шесть яиц.

**Саксаульная сойка.** Это характерная птица песчаных пустынь. Она населяет Каракумы и Кызылкумы, а также встречается в пустыне к югу от озера Балхаш.

Гнездовый биотоп этого вида — барханные пески с кустарниковой растительностью и деревцами саксаула.

Саксаульные сойки — оседлые птицы, но иногда в зимнее время они совершают незначительные кочевки, не выходящие за пределы их ареала. Гнездовый период начинается ранней весной.

Гнезда, содержащие полные кладки, можно найти уже во второй половине марта. Чаще всего они помещаются на кустарниках или на саксауле на высоте от 50 см до 2 м. Гнезда бывают открытые и с «крышей». Полная кладка содержит четыре—шесть яиц.

Пищу саксаульной сойки составляют главным образом различные насекомые и семена растений. Кроме того, они охотно поедают мелких ящериц.

Саксаульная сойка хорошо приспособлена к наземному образу жизни: она прекрасно бегаёт и неохотно летает.

Дрозд **Науманна**. Ареал этого дрозда (два подвида) охватывает Восточную Сибирь — от реки Пур на западе до низовьев Анадыря, Камчатки и Сахалина на востоке. К северу этот дрозд гнездится до границы леса, к югу — до Байкала.

Район зимовки от Маньчжурии и Южного Приморья до Северной Индии, Ассамы и Юго-Восточного Китая. Во многих местах Восточной Сибири, например в Якутии, дрозд Науманна — самый обыкновенный и широко распространенный вид среди дроздов. В Южной Якутии весной эти дрозды появляются в первых числах мая. Постройка гнезд и кладка яиц происходят в двадцатых числах этого месяца. По нашим наблюдениям, расположение гнезд очень различно: одни помещаются на пнях, другие — в основании кустов черной ольхи, некоторые сделаны на лиственницах или на вывороченных обгоревших корнях упавших деревьев. Полная кладка содержит пять—шесть яиц.

В северной части ареала, между реками Хромой и Индигиркой, на границе леса, 25 июня нами было найдено гнездо этого дрозда, сделанное в зарослях кустарниковой ольхи, на упавшем стволе лиственницы. В гнезде находилось пять начинающих оперяться птенцов.

**Сибирская завирушка.** Этот вид распространен от Северного Урала до Чукотского полуострова и Анадырского края на востоке. По горам Восточной Сибири спускается к югу до Алтая и Саян. На север проникает до устья многих сибирских рек, где встречается уже в тундре. Во время экспедиционных работ в Якутии летом 1958 г. мне удалось сделать ряд наблюдений по биологии размножения сибирской завирушки.

В хребте Черского сибирские завирушки отмечены нами в тайге по нижнему течению реки Неры. На склоне горы, поросшей лиственницей, 31 мая было найдено гнездо этого вида. Оно помещалось у ствола небольшой лиственницы на высоте 94 см. Гнездо сибирской завирушки весьма характерно; в основании его много сухих веточек лиственницы. Самка держалась здесь же и очень энергично нападала на меня, когда я дотронулся до гнезда. 4 июня в гнезде оказалось одно яйцо. 8 июня в гнезде было пять яиц. Яйца зеленовато-голубые без всяких отметин.

**Сибирский конек.** Ареал этого вида простирается от Печоры до Чукотского полуострова и Камчатки включительно, охватывая тундру и лесотундру.

Особые подвиды населяют Командорские острова и открытый ландшафт Южного Приморья. Зимует сибирский конек на Филиппинских, Молуккских и Зондских островах.

Гнездо помещается на земле, среди травы. Полная кладка содержит пять-шесть яиц.

**Желтобровая овсянка.** Область распространения желтобровой овсянки весьма ограничена. Она населяет Южную Якутию, а также территорию от средней Тунгуски до реки Май на востоке и до Байкала на юге. Детали распространения ее еще недостаточно хорошо известны.

В Якутии, в Олёкмо-Чарском нагорье, желтобровая овсянка — обыкновенная гнездящаяся птица. Она встречается здесь как в лиственничной, так и в смешанной тайге.

В холодную и позднюю весну 1956 г. первые желтобровые овсянки появились в районе Токко на реке Чаре только 22 мая.

Необходимое условие для ее гнездования — небольшие елочки, на которых она помещает свое гнездо. Постройка гнезд происходит в последних числах мая и в первых числах июня.

Нам удалось найти два гнезда этой овсянки. Первое из них найдено 9 июня в лиственничной тайге с примесью ели, сосны и кедра. Гнездо было сделано довольно открыто, в 3 м от тропы, и помещалось между стволами двух маленьких елочек на высоте 83 см. Строительным материалом служили исключительно сухие стебли травы; лоточек выложен тонкими черными стебельками и белой шерстью северного оленя. В гнезде оказалось пять совершенно ненасиженных яиц. Окраска их — по серовато-беловатому фону разбросаны бледно-лиловые поля и резко выраженные темные линии, завитки и пятна. Самка сидела на гнезде очень крепко.

Второе гнездо было найдено 25 июня на опушке леса, у реки. Гнездо помещалось на елочке, у ствола, на высоте 125 см. В нем было одно яйцо и три маленьких голых птенца. Самка сидела на гнезде. Слетев, она стала отводить меня от гнезда, выражая при этом крайнее беспокойство.

Только что покинувшие гнездо, очень плохо летающие птенцы желтобровой овсянки наблюдались нами в пойме реки Тяни 5 июля.

Рыжая овсянка. Гнездовый ареал рыжей овсянки простирается от среднего течения Верхней Тунгуски до побережья Охотского моря и северной части Приморья. В Южной Якутии найдена нами па гнездове в Олёкмо-Чарском нагорье, в районе поселка Тяня. Зимует в Юго-Восточной Азии.

Для этой овсянки весьма характерна определенная спорадичность в распространении, а также наличие «гнездовых групп». Подобные сообщества, состоящие из нескольких пар, мне приходилось наблюдать как в Уссурийском крае, так и в Якутии.

Сибирская чечевица. Ареал сибирской чечевицы охватывает Заенисейскую Сибирь до низовий Амура. В Верхоянье она рас-

пространена к северу до 68 параллели. Кроме того, она населяет Алтай, Саяны, Прибайкалье, Забайкалье и остров Сахалин.

По литературным данным и нашим наблюдениям в Южной Якутии, гнездовый биотоп сибирской чечевицы представляет горную тайгу, причем в южной части ареала — смешанная тайга, состоящая из ели, березы, лиственницы, кедра и ольхи, а в северной части ареала — лиственничная, а также пойменные леса горных рек.

В противоположность обыкновенной чечевице этот вид весьма молчалив и песня самца очень тихая. В гнездовый период сибирская чечевица держится чрезвычайно скрытно. Самки с большими наседными пятнами добыты нами в горах Алдано-Учурского и Верхоянского хребтов в последних числах июня. Еще очень юных птенцов с неотросищами рулевыми перьями мне пришлось наблюдать в лиственнично-еловой тайге в бассейне реки Олёкмы 12 июля. Неразбившийся выводок отмечен на реке Гыным 11 августа.

## *Некоторые особенности географического распространения птиц*

Как часто в жизни мне приходилось убеждаться в том, что большинство людей не имеют ни малейшего представления о распространении птиц вообще. По данному вопросу существует мнение, что птицы, обладая столь совершенным способом передвижения, легко мигрируют из одной области в другую, являясь, таким образом, в значительной степени космополитами.

Но это совершенно не верно, подобное мнение ошибочно и не соответствует действительности. Способность летать не определяет еще широкого распространения отдельных видов птиц. В этом легко убедиться, изучая их ареалы. И действительно, птиц, которые встречались бы на гнездовье в различных странах мира, очень немного. Классическим примером подобного широкого распространения могут служить сокол-сапсан и скопа.

Эти хищники встречаются почти по всему земному шару. В соответствующих биотопах они населяют Европу, Азию, Африку, Северную и Южную Америку, Австралию и Индо-Австралийский архипелаг.

Большое количество видов птиц, населяющих Европейско-Азиатский материк, распространено на огромной территории — от Атлантического до Тихого океана. Но наряду с этим многие виды птиц имеют весьма ограниченные ареалы. Из наших птиц к ним относятся, например, кавказский улар (*Tetraogallus caucasicus*), распространение которого ограничено лишь высокогорьем Главного Кавказского хребта. Кавказский тетерев (*Lyrurus mloko-*

siewiczzi), обитающий только в субальпийской зоне Главного Кавказского хребта, а также в ряде хребтов Малого Кавказа. Краснозобая казарка (*Rufibrenta ruficollis*) распространена в тундре от восточной части п-ва Ямала до Таймыра и бассейна реки Хатанги, к югу — до Полярного круга. Кулик-лопатень (*Eurynorhynchus pugmaeus*) имеет чрезвычайно ограниченный ареал, населяя приморскую полосу Чукотского полуострова, побережье Анадырского залива и восточный берег Коряцкой Земли. Ареал розовой чайки (*Rhodostethia rosea*) охватывает северо-восточную часть Якутии, от низовий Яны до Колымы и далее к востоку до Чаунской губы. Саксаульная сойка (*Podoces panderi*) встречается только в пустынях Каракум и Кызылкум, а также у юго-восточного побережья озера Балхаш. Дальневосточный свиристель (*Votvucilla japonica*) распространен от Юго-Восточной Якутии до Охотского побережья и низовий Амура, а также в Малом Хингане. Ареал овсянки Янковского (*Emberiza jankowskii*) занимает лишь Южное Приморье, Северную Корею и часть Маньчжурии. Подобных примеров ограниченного распространения птиц можно было бы привести очень много.

Надо отметить, что многие виды птиц имеют чрезвычайно ограниченные ареалы, особенно в южных странах. В качестве примера возьмем распространение попугаев в Австралии. Из 52 видов попугаев, населяющих эту страну (включая Новую Гвинею и Тасманию), только 12 видов имеют более или менее значительный ареал, остальные 40 видов населяют очень узкие районы этого континента.

Как правило, в пределах ареала вид занимает определенный, свойственный ему биотоп. И только очень немногие птицы представляют в этом отношении исключение, населяя самые разнообразные по своим физическим и биологическим условиям биотопы. Виды, распространенные в разнообразных ландшафтах и обитающие в различных биотопах, называются убиквистами. Из наших птиц типичным убиквистом является филин. Он населяет леса, степи, пустыни и горы. Мое знакомство с филином началось в Хреновском бору Воронежской области, а через несколько лет я встретил его совершенно в ином ландшафте — в астраханской полупустыне. Как-то непривычно и странно было видеть филина среди бугристых песков, под палящими лучами южного солнца.

Пожалуй, еще большее удивление вызывает крапивник (*Troglodytes troglodytes*) — одна из самых маленьких птиц нашей фауны. Обращает внимание не только огромная область его распространения, но и поразительная адаптация этой крохотной птички к самым разнообразным экологическим условиям.

Крапивник населяет Европу, значительную область Европейской части СССР, Кавказ, горы Средней Азии (Копетдаг, Кугитанг, Тянь-Шань, Памиро-Алай), Южную Якутию (бассейн реки Токко), Уссурийский край, Сахалин, Командорские и Ку-



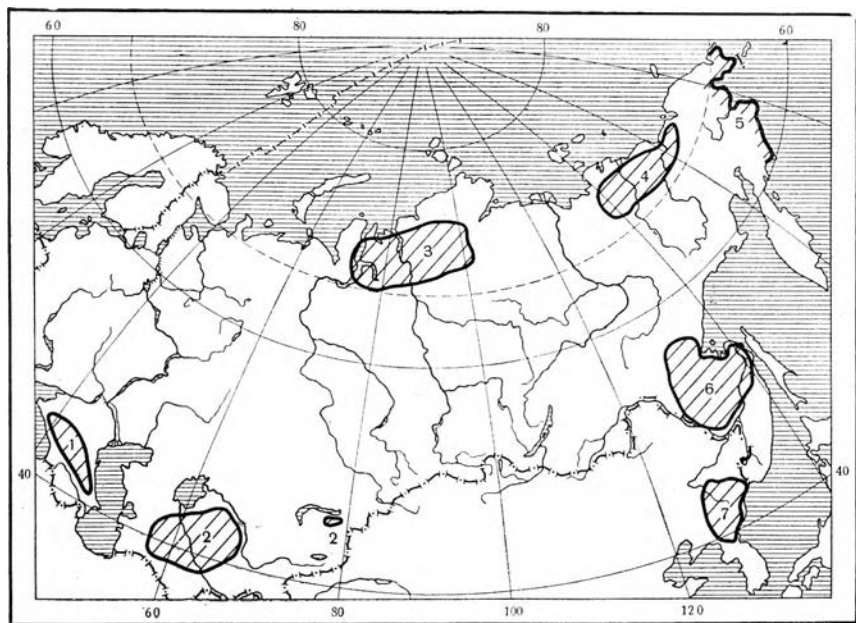


Схема узких ареалов некоторых видов птиц Советского Союза

- |                          |                     |                                  |
|--------------------------|---------------------|----------------------------------|
| 1 — кавказский улар,     | 4 — розовая чайка,  | 6' — дальневосточный свиристель, |
| 2 — саксаульная сойка,   | 5 — кулик-лопатынь, | 7 — овсянка Янковского           |
| 3 — краснозобая казарка, |                     |                                  |

рильские острова. Кроме того, он распространен в Афганистане, Гималаях, Восточном Китае, в Корее, Японии, а также в Северной Америке, Северо-Западной Африке и в Иране. На этой огромной территории крапивник образует 35 географических форм (подвидов).

Я имел возможность изучать биологию этой замечательной птички во многих местах средней полосы России, а также в Южном Приморье, на Кавказе, в Копетдаге и в Тянь-Шане. Когда-то в юности я впервые познакомился с крапивником в подмосковных лесах, затем встретил его далее на севере, в глухих лесах Костромской области, где он также не представляет редкости.

В Южном Приморье мы нашли крапивника в гнездовый период в верхнем поясе горы Хоалазы, в системе хребта Тачин-гуан. Во время восхождения на эту гору первых крапивников мы встретили только на высоте около 1000 м. Тайга состоит здесь из каменной березы, ели и белокорой пихты. Почва покрыта мхом, багульником и брусничкой. На следующий день на высоте 1200 м я имел возможность наблюдать крапивников в очень своеобразной обстановке — на каменистых россыпях, среди которых места-

ми тянулись заросли микробиоты и кедрового стланика. Интересно отметить, что здесь же держались пищухи (*Ochotona*).

В верхнем поясе горы Хуалазы крапивники также были найдены нами в гнездовый период. Кроме того, в качестве обыкновенной гнездящейся птицы он оказался на Даубихе-Майхинском плато, в южных отрогах Сихотэ-Алиня. Здесь, на высоте 700—780 м в глухих елово-пихтовых, с примесью кедра и березы, лесах, в половине июня повсюду было слышно интенсивное пение крапивников.

В горах Таджикистана крапивники гнездятся в высокогорье, на склонах с крупными осыпями и обломками скал, поднимаясь до 3200 м.

Но еще более парадоксально обитание крапивника на Командорских островах. Вот что пишет по этому поводу С. В. Мараков<sup>1</sup>, посвятивший многие годы своей жизни изучению природы и животного мира Командор. «Нельзя не упомянуть о маленьких, но по-своему примечательных, птахх из воробьиных, связавших на Командорах свою жизнь в основном с морскими берегами. Сокрушая все на своем пути, океанская волна с ревом и шипением устремляется к берегу, разнося по утесам непрерывное гулкое эхо. Затем откатывается назад, а на вершине скалы, с которой еще сползает пена, появляется маленькая коричневая пичуга с бойко вздернутым хвостом. Поклонилась в одну-другую сторону, склонилась рачка-бокoplава и залилась звонкой жизнерадостной песней. Это крапивник — абориген Командорских островов. Особенно много крапивников на Медном. Здесь даже в разных частях острова сложились местные группировки этих птиц, различающихся качеством песен. Командорский крапивник — замечательный певец. Круглый год живет на островах эта маленькая птичка, гнездится в горах скал, дважды выводит птенцов и все время распевает бодрые, искрящиеся радостью песни, словно она не на суровых, туманных Командорах, а в полном света, зелени и утренней росистой свежести подмосковном лесу».

Интересно и весьма парадоксально также распространение кеклика (*Alectoris kakelik*). Эта красивая птица населяет горы Южной Европы (Пиренеи, Альпы), Балканский полуостров, Малую Азию, Кавказ, горы Средней Азии и Северного Китая. Вертикальное распространение до 3500 м. Наряду с этим кеклики населяют и равнинный ландшафт. В Туркмении мы нашли их по нижнему течению Сумбара, где кеклики держались в долине реки, среди кустарниковых зарослей тамариска, т. е. там же, где и фазаны. В пустыне по юго-восточному побережью Каспия, в районе Бугдайли, кеклики, по нашим наблюдениям, населяют бугристые пески, места, поросшие травой и кустарником. Подобное распространение в столь различных ландшафтах говорит об экологической пластичности вида. Но когда и при каких обстоятельствах

<sup>1</sup> Мараков С. В. Природа и животный мир Командор. М., «Наука», 1972.

попали кеклики в пустыню, мы в настоящее время не в состоянии дать вполне удовлетворительное объяснение. Горные и пустынные кеклики имеют довольно хорошо выраженные отличия как морфологического, так и экологического порядка. Пустынные кеклики несколько мельче и имеют более бледную окраску оперения. Их яйца мельче яиц горных птиц.

В пустыне кеклики приступают к гнездованию ранней весной. Так, у птиц, добытых в районе Бугдайли в двадцатых числах февраля, яичники и семенники были уже значительно развиты.

На прилагаемой карте показаны узкие ареалы некоторых наших птиц.

## *В дни перелета*

Ежегодно весной и осенью огромное количество птиц совершает свои перелеты. Весной в средней полосе наиболее интенсивно пролет происходит в апреле и мае, а осенью — в сентябре и октябре.

Большое количество птиц гибнет во время пролета. Причины гибели весьма различны. К ним можно отнести в первую очередь неблагоприятные условия, связанные с погодой: бури, резкое похолодание, снегопады. Во время пролета, как известно, происходит интенсивная охота, причем не только ружейная. В некоторых местах пролетных птиц ловят еще и сетями. Для водоплавающих птиц немалое значение имеет нефтяное загрязнение водоемов. От нефти оперение слипается и намокает, птица теряет способность продолжать перелет, а это в конце концов приводит к гибели.

Большую опасность для пролетных птиц представляют телеграфные и телефонные провода, а также провода высоковольтных и местных электропередач. Дело в том, что большинство птиц летит по ночам. Некоторые из них совершают перелеты на небольшой высоте и, следовательно, довольно часто налетают на провода, которые тянутся по всем материкам земного шара на миллионы километров.

В течение многих лет во время экспедиций или выездов на охоту приходилось мне находить под проводами разбившихся птиц. Наибольшее количество наблюдений по этому вопросу относится к Московской области и к Юго-Западной Туркмении.

О некоторых из них я хочу рассказать. Дело происходило в глухой восточной части Орехово-Зуевского района Московской области. Места здесь очень привольные. Довольно обычны были тетерева, рябчики, вальдшнепы, кряквы и вяхири, не представляли редкости и глухари.

В районе наших охот проходила, пересекая глухие леса и торфяные болота, линия высоковольтной электропередачи, несущая на высоких металлических опорах восемь проводов. Рядом

проходила линия местной электропередачи в три провода. Во время охоты и блужданий по лесам часто приходилось идти вдоль этих линий под проводами и наткаться на разбившихся ночью птиц. Конечно, это была лишь очень незначительная часть всех погибших на данном участке птиц, так как в траве и кустарниках многих из них невозможно было обнаружить.

Видовой состав гибнущих от столкновения с проводами птиц довольно ограничен. Примерно половину всех найденных нами разбившихся птиц составляли вальдшнепы. Следующие по количеству — дрозды, причем только двух видов — певчий и белобровик. Затем идут утки — кряквы и чирки-свистунки. Кроме того, найдены два турухтана, коростель и четыре зарянки. Хищные птицы редко разбиваются о провода. За все время мы нашли здесь только двух разбившихся сарычей.

Разумеется, не все птицы разбиваются насмерть. Часть из них получает различные повреждения, но они, конечно, также обречены на гибель. Помимо пролетных птиц, в течение круглого года гибнут, разбиваясь о провода, местные птицы. Почти ежегодно приходилось находить под проводами разбившихся рябчиков и тетеревов.

Интересно отметить, что ворон, гнездившийся где-то поблизости, знал об этом не хуже меня и ежедневно рано утром начинал свой полет вдоль линии проводов. Ворон медленно и низко летел над просекой и внимательно смотрел вниз.

Когда однажды, в начале октября, выпал ранний снег, я с удивлением узнал по следам, что и лиса, оказывается, ведет здесь же свои «орнитологические наблюдения». После этого хищника мне приходилось наткаться лишь на жалкие остатки в виде перьев и пуха, по которым и можно было определить погибшую птицу.

Эти два эпизода хорошо подтверждают постоянство и закономерность гибели здесь птиц, иначе умнейшие представители пернатых и млекопитающих не усвоили бы привычки искать добычу под проводами.

Интересен случай, имевший место весной 1949 г. По глухому моховому болоту, окруженному лесом, где издавна находился прекрасный тетеревиный ток, поставили столбы и протянули силовую линию в три провода для работы экскаваторов. Это почти совершенно не отразилось на поведении тетеревов. Они не оставили своего токовища, которое, может быть, служило им многие десятки лет. Даже яркий свет, горевший всю ночь на экскаваторах, не помешал тетеревам регулярно в положенное время начинать токование.

Однажды, выходя из болота после утренней зори, я заметил человека, обвешанного тетеревами, но без ружья. Оказалось, что это был электромонтер, совершавший свой утренний обход новой линии проводов. Утро было туманное, да к тому же тетерева еще затемно вылетают на ток. Незнакомое им препятствие в виде

проводов стоило жизни трем птицам. Монтер рассказал мне, что два дня назад он нашел под проводами разбившегося, но еще живого глухаря. Наведенные мною справки подтвердили правильность этого рассказа; в деревне много говорили об удачливом «охотнике», приносившем дичь без ружья. В Подмосковье тоже находили глухарей, разбившихся о телеграфные провода.

В средней полосе Союза провода особенно губительно сказываются на вальдшнепах, которые разбиваются не только во время перелета, но также и во время тяги, происходящей часто в темноте, на высоте высоковольтной линии. И несомненно, что одной из причин уменьшения численности вальдшнепов является гибель их от проводов во время пролета и тяги.

Как-то в Московской области мне пришлось найти под телефонными проводами (линия состояла всего из двух проводов), идущими вдоль реки Дубны, разбившихся рябчика и погоньша.

В Юго-Западной Туркмении, на побережье Каспийского моря, где сеть проводов крайне незначительна, я стал свидетелем многих случаев, когда птицы разбивались о проволоку. Мы находили здесь под проводами самых различных птиц, но в огромном большинстве случаев это были пастушковые — погоньши, пастушки, коростели и водяные курочки, обладающие, как известно, очень слабыми летательными способностями и совершающие перелеты на небольшой высоте.

12 октября мне доставили в Гассан-Кули вальдшнепа, разбившегося ночью о провода. В это время в пустыне шел пролет вальдшнепов и пастушковых птиц.

Однажды, 18 октября, проезжая рано утром вдоль телеграфной линии, идущей от аула Гассан-Кули к Чикишляру, мы наткнулись на уток, валявшихся под проводами. Я подобрал шесть широконосок и одну шилохвость. Две утки были еще живы; они ударились о провод крылом, причем у одной из них крыло оказалось оторванным. Остальные утки ударились о проволоку либо клювом, либо головой. Одна из этих птиц лежала с оторванной головой, у других же оказались разорваны клювы. Видимо, ночью здесь на провода налетела целая стая, из которой разбились семь уток.

Спустя несколько дней мы подобрали на этом же участке несколько разбившихся перепелов, гаршнепа, морского зуйка, коростеля, рыжую цаплю, малую выпь и трех серых жаворонков.

31 октября мальчишки-туркмены принесли мне еще живого стрепета, разбившегося о провода близ аула Гассан-Кули. В конце декабря один туркмен подобрал под проводами разбившихся ночью трех красноносых нырков.

Многие хищники очень любят садиться на телеграфные столбы. Вероятно, птицы, разбившиеся ночью о провода, становятся здесь их добычей. Из приведенных выше наблюдений легко можно представить, какое огромное количество птиц ежегодно погибает, разбиваясь о провода.

## Журавли

Немногие птицы так популярны и пользуются такой большой любовью, как журавли. За свою долгую экспедиционную и охотничью жизнь я много раз убеждался в этом. В сторожке лесника, у ночных костров, в экспедиционной палатке, в стойбищах якутов-оленоводов или на пароходах, плывущих по Волге, Амуру и Лене, когда у людей бывает время и охота спокойно, не торопясь поговорить по душам, если разговор заходит о птицах, он неизбежно переходит к рассказам о журавлях. Лесники, охотники и рыбаки, оленоводы, проводники экспедиций много рассказывали мне о птицах, но всегда с особым интересом и любовью делились со мной своими наблюдениями над журавлями.

Очень красивы и грациозны эти прекрасные птицы. Только за один голос можно полюбить журавлей. Мне всегда бывает немного грустно, когда журавли улетают на юг, когда в осеннем небе они с прощальным курлыканием кружатся над родными лесами. Но весной для меня нет большей радости, чем увидеть в синем небе летящих журавлей, услышать их трубные звуки...

Осенний пролет журавлей в Московской области в основном проходит в течение сентября, захватывая в некоторые годы также и первые числа октября. 26 сентября 1951 г. мне пришлось наблюдать в пойме Дубны (ст. Вербилки) большую стаю журавлей, состоящую из 80—85 птиц, летевших на юг.

В дельте Волги осенний пролет журавлей, естественно, начинается несколько позднее, только в конце сентября. Интенсивный пролет стай в юго-западном направлении я наблюдал на взморье 12 октября 1930 г.

\* \* \*

Журавли распространены почти по всему земному шару. Их нет только в Южной Америке, на Малайском архипелаге, Новой Зеландии и на Мадагаскаре. Всего насчитывается 14 видов журавлей, но ареалы отдельных видов довольно ограничены. Только серый и канадский журавли занимают обширные области распространения. Можно дать следующую схему географического распространения журавлей: 7 видов встречаются в Советском Союзе, 3 вида — в Африке, 2 — в Северной Америке \*, один вид — в Австралии, один — в Индии и один — в Тибете.

Мне посчастливилось наблюдать в природе все семь видов журавлей нашей фауны. Немногим орнитологам выпала столь завидная доля. Серого журавля я имел возможность наблюдать в центральных областях Европейской России — в Московской, Во-

\*\*\*\*\*

<sup>1</sup> Канадский журавль распространен как в Северной Америке, так и в Северо-Восточной Азии.

ронезской, Костромской и Ярославской. Журавля-красавку встречал в астраханских степях. Японского и даурского журавлей наблюдал в Приморье, на озере Ханка. В тундрах Якутии изучал биологию стерха и канадского журавля И, наконец, черного журавля встретил в Южной Якутии. Надо отметить, что стерх и черный журавль являются эндемиками Советского Союза.

Биология и географическое распространение некоторых видов журавлей до самого последнего времени были еще очень плохо изучены. Так, например, только в последние годы удалось установить область распространения стерха и канадского журавля и впервые обнаружить места гнездования черного журавля.

Большинство видов журавлей в основном обитатели открытого ландшафта — влажных болотистых равнин, тундры, степей и полупустынь. Серые журавли гнездятся по обширным лесным болотам.

К сожалению, количество журавлей за последнее время повсюду значительно уменьшилось, а для некоторых видов есть серьезная угроза полного исчезновения. Особенно трагична судьба американского белого журавля (*Grus americana*). Когда-то он был широко распространен в Северной Америке. Но осушение болот и распашка травянистых равнин, а также неумеренная охота, особенно во время пролета и на зимовке, привели к печальным последствиям. В 1922 г. в Канаде было найдено последнее в то время гнездо этого журавля. В целях охраны зимовки американских белых журавлей в Техасе на побережье Мексиканского залива был создан национальный заказник, в котором в 1938 г. зимовала небольшая стая, всего лишь из 14 птиц. Казалось, что все уже кончено. Величественная белоснежная птица, чудесное украшение американской фауны, исчезла с лица Земли.

Но были приняты энергичные меры. Американские и канадские орнитологи приложили много труда и проявили большую инициативу в деле спасения своих белых журавлей. Их усилия в конце концов увенчались успехом. По учетам 1972 г. количество американских белых журавлей достигало 60 экземпляров. Несколько лет тому назад в национальном парке Вуд-Буффало в Канаде орнитологам удалось обнаружить с вертолета восемь гнезд этого вида. Появилась надежда, что принятые человеком меры сохранят для грядущих поколений эту прекрасную птицу.

Надо отметить, что конгресс США предоставил специальные ассигнования на проведение научно-исследовательских работ по изучению экологии исчезающих видов. Работы по спасению американских белых журавлей ведутся Департаментом охоты США в тесном контакте с Департаментом охраны природы Канады.

Журавлям посвящена огромная литература, среди которой несколько крупных монографий. Сделано множество превосходных фотографий, а также ряд кинофильмов.

## *Несколько слов об охране природы*

Проблема охраны природы в настоящее время привлекает всеобщее внимание. И это неудивительно, ибо на наших глазах с катастрофической быстротой происходит оскудение природы, вызванное значительным ростом населения земного шара и возросшей эксплуатацией природных ресурсов. Но, кроме этих основных факторов, большое значение в отношении природы имеют также и неразумные, часто даже преступные действия человека.

Равнодушие и крайняя безграмотность в вопросах биологии и охраны природы порождают то невежественное отношение к природе, которое постоянно приходится наблюдать. Оно проявляется и в малом, и в большом. Ничего не стоит сломать в лесу дерево, «раздолбать» топором дупло дятла и погубить кладку яиц или, возвращаясь с охоты, разрядить ружье в сойку, пустельгу или кукушку. И также ничего не стоит бездумно и неумело применять отравляющие вещества, когда вместе с вредителями погибают лоси, тетерева, степные орлы, дрофы, журавли или десятки тысяч розовых скворцов — наших лучших защитников против саранчи.

Не так давно газеты сообщили о страшном злодеянии, происшедшем в ярославских лесах. Без большой надобности самолет опрыскивал лес химической жидкостью. В результате этого «мероприятия» погибло 27 лосей, много тетеревов и мелких птиц. Подобное невежественное и преступное применение ядохимикатов имеет страшные последствия. Но за них никто не отвечает; виновных нет.

Мне приходят на память слова из Гражданского кодекса Франции: «Каждый отвечает за тот вред, который он причиняет не только своими действиями, но и своей халатностью или неосмотрительностью».

Несколько лет во многих районах Советского Союза шло систематическое уничтожение хищных птиц, за истребление которых охотникам выплачивали премии. Причем в качестве доказательства для получения премии доставлялись лапы убитых птиц.

Когда же большое количество собранных таким образом лап было просмотрено орнитологами, то оказалось, что большинство из них, как и следовало ожидать, принадлежало сарычам, полевым луням, совам, пустельгам и кобчикам, добычей которых в основном являются мышевидные грызуны и крупные насекомые. Следовательно, государственные средства выплачивались за уничтожение полезных птиц.

Незнание биологии хищных птиц, неумение разобраться в их видовом составе, отсутствие соответствующих наблюдений порождают подобные «мероприятия», приносящие не пользу, а вред нашему хозяйству. В настоящее время благодаря вмешательству



ученых подобные «мероприятия» запрещены и хищные птицы также взяты под охрану. Систематическое истребление, а также преступное применение отравляющих веществ привело к очень резкому сокращению численности хищных птиц. 50 лет назад даже в ближайших окрестностях Москвы некоторые виды хищных птиц были обыкновенны. В моем орнитологическом дневнике за 1919 г. есть запись об одной экскурсии в Расторгуеве 29 мая, во время которой мною были найдены три гнезда сарыча и одно гнездо ястреба-перепелятника. Теперь же в этих местах хищных птиц совершенно нет, а в более отдаленных районах Московской области они встречаются весьма редко, будучи везде крайне малочисленными.

Вообще вопрос о том, какие виды птиц вредные и какие полезные, чрезвычайно сложный, и решить его бывает иногда не так-то просто. Дело в том, что одна и та же птица, в зависимости от условий существования, может быть для хозяйственной деятельности человека то полезной, то вредной. Меняется обстановка, меняется и хозяйственное значение данного вида. Некоторые птицы, являясь в одной местности полезными, в другой приносят вред. Возьмем для примера всем нам известного воробья. Два вида их — домовый и полевой — имеют весьма широкое распространение. На Украине и в средней полосе России они истребляют злейшего врага садов — долгоносика, а также уничтожают огромное количество различных гусениц. По нашим наблюдениям, в Приморье полевой воробей также приносит большую пользу, истребляя в садах и огородах насекомых и гусениц. Но в зерновых районах Казахстана и Средней Азии распространен еще третий вид — черногрудый воробей. После вывода птенцов эти воробьи образуют огромные смешанные стаи и, нападая на посевы конопля, пшеницы, ячменя, овса и проса, приносят весьма существенный вред, уничтожая немалую часть урожая этих культур.

Казалось бы, вопрос ясен — воробьи являются здесь вредными птицами. Но это не совсем так. Не надо забывать, что эти же воробьи на этих же посевах в течение длительного срока уничтожают опасных вредителей сельскохозяйственных культур.

Интересно отметить, что в Америке, в Бостоне, за спасение полей и садов от гусениц воробью даже поставлен памятник. Вот какова заслуга этой скромной, невзрачной птички.

С необычайной легкостью мы иногда уничтожаем то, что потом уже нельзя восстановить. Очень много видов зверей и птиц исчезло с лица Земли в результате неразумных действий человека. В настоящее время катастрофически сокращается численность многих видов. Буквально на наших глазах доживает свой век красноногий ибис — украшение фауны Дальнего Востока. Эта замечательная птица описана Темминком в 1835 г. Ареал красноногого ибиса охватывает лишь Японию, Корею, Северо-Восточный Китай и Приморье.

100 лет назад Н. М. Пржевальский видел красноногих ибисов, гнездившихся в долине реки Уссури и на озере Ханка. В 1927 г. П. М. Шульпин наблюдал красноногих ибисов в Южном Приморье, в окрестностях деревни Новорусановки, где, по собранным сведениям, они гнездились еще в 1917 г. Позднее, во время наших исследований в Уссурийском крае (1945—1950), ни я, ни мои препараторы этой птицы здесь уже не встретили. Отрицательные результаты дали и все наши расспросы рыбаков на озере Ханка. По-видимому, усиленное и постоянное преследование охотниками и осушение болот — основные факторы, способствующие исчезновению этого вида.

В Японии, где 100 лет назад красноногий ибис был довольно обычной птицей, теперь сохранилось всего лишь несколько пар. В 1960 г. в Японии Международным советом по охране птиц выпущена почтовая марка, посвященная красноногому ибису. Не хочется верить, что эта прекрасная птица может также исчезнуть с лица Земли.

Необходимо принять самые срочные меры для охраны следующих видов птиц, обитающих в нашей стране: стерха, черного журавля, японского журавля, журавля-красавки, дрофы, стрепета, розовой чайки, малого кроншнепа, кроншнепа-малютки, краснотазой казарки и некоторых других.

В Хоперском заповеднике в Воронежской области проходил международный семинар, посвященный вопросам охраны природы. На нем присутствовали ученые из Болгарии, Польши, Чехословакии, Англии, Франции, Венгрии, Дании, Швеции.

По поводу этого семинара журналист В. М. Песков в газете «Комсомольская правда» опубликовал специальную статью «Свидание на Хопре», в которой писал: «Нам есть что беречь, и для нас пока еще не поздно как следует оглядеться вокруг и оценить, что имеем. Вот что сказал на Хопре человек, приехавший из маленькой Дании: «Я потрясен. Можно сорвать цветок, не боясь, что это последний. Я вижу море лесной воды. Чистая вода! Можно купаться, можно нагнуться и пить. У нас этого уже нет».

Действительно, нам есть что беречь. Ведь даже в Московской области сохранились прекрасные леса и есть чистые, не загрязненные реки. Довольно многочисленны в Подмоскovie лоси, есть глухариные и тетеревиные тока, встречаются рябчики. Весной 1968 г. мне пришлось побывать на глухарином току, расположенном всего лишь в 50 км от Москвы. Здесь же в районе тока, в смешанном лесу с преобладанием ели, 12 мая нам удалось найти и гнездо, содержащее шесть яиц. На следующий год, весной, я снова побывал на этом току и снова слушал глухариную песню. И это все в 50 км от огромного города, с населением в несколько миллионов человек. Это чудесно...

А как голосисто бывает весной в наших подмосковных лесах, где давно уже не слышно выстрелов охотников. Интересно, что летом в течение 1973—1977 гг. в южном районе Москвы

(Чертаново) я отметил 76 видов птиц, среди которых были зеленые дятлы, серая неясыть, пустельга, коростель, горлица, кукушка, сойка, крапивник, иволга, соловьи... И что особенно интересно — мне посчастливилось найти здесь два гнезда черного дятла (желны) и гнездо ворона, расположенные всего лишь на расстоянии одного километра от многоэтажных зданий новой Москвы. Эта гармония цивилизации и природы лишней раз подтверждает, что природа может ужиться даже с большими поселениями человека. Но для этого надо не только отложить ружье и топор, но и повысить свой культурный уровень по отношению к природе. Надо также оставить хамство, беспечность и равнодушие. Это действительно необходимо, в этом залог успеха в деле охраны природы.

Надо постоянно помнить, что мы не последние люди на Земле, что и грядущим поколениям также необходимы будут чистая вода, лес, цветы и пение птиц — радость и счастье общения с природой.

Природу нужно охранять не только потому, что она дает человеку очень многое из того, что ему необходимо для жизни, но и потому, что она прекрасна.

Природа — одно из важнейших национальных достояний любой страны. Не надо также забывать, что общение с природой имеет очень большое значение в моральной и эстетическом воспитании человека.

Мне вспоминаются здесь слова нашего замечательного зоолога Л. Г. Капланова, погибшего весной 1943 г. в уссурийской тайге от руки браконьера. Он говорил: «Охранять природу — значит охранять Родину». Это очень правильная и глубокая мысль. Вдумайтесь в эти слова — они принадлежат молодому ученому, который отдал свою жизнь за то, чтобы, как и сотни лет назад, в уссурийской тайге бродили пятнистые олени, изюбры, тигры, гималайские медведи...

Действительно, он, как солдат, защищающий Родину от врагов, погиб, защищая природу. Не забыта одинокая могила на побережье Японского моря, не забыт и жизненный подвиг Льва Георгиевича Капланова

## *В Зоологическом музее*

Еще до поступления в университет я начал заниматься в Зоологическом музее по орнитологии. В то время директором музея был профессор Г. А. Кожевников, читавший курс зоологии беспозвоночных.

<sup>1</sup> О жизни и работе Л. Г. Капланова написана книга: *Малышев А. Повесть о таежном следопыте*. Владивосток, 1966.

Зоологический музей Московского университета основан в 1791 г. и вначале назывался «Кабинетом натуральной истории». В 1812 г. во время московского пожара музей сгорел; погибли не только коллекции, но и его ценная научная библиотека. После окончания войны музей стал восстанавливаться. В этом большая заслуга профессора Г. И. Фишера, который очень много внимания и сил отдавал музею. Это был чрезвычайно энергичный и разносторонне образованный человек.

Здание, занимаемое в настоящее время музеем, построено в 1902 г. За 180 лет своего существования музей собрал огромный научный материал по многим разделам зоологии.

В советский период долгие годы музей возглавлял профессор Сергей Сергеевич Туров. В этот период музей превращается в крупный научно-исследовательский центр. снаряжается ряд экспедиций, среди которых надо особо отметить экспедиции, возглавляемые С. С. Туровым, в Восточный Алтай, Тиманскую тундру, Мордовский заповедник. 30 лет своей жизни отдал музею этот замечательный зоолог.

Огромное значение также имела работа в музее крупнейших наших зоологов — профессоров С. И. Огнева, В. Г. Гептнера и Г. П. Дементьева.

Я буду говорить здесь только о коллекции птиц, которая мне хорошо известна. В течение 50 лет я постоянно обращаюсь к ней, обогащая свои знания, разрешая многие вопросы систематики, географического распространения и биологии птиц. Немногие посетители музея знают о том, что, помимо экспозиции (выставочной коллекции), которую они осматривают, в музее есть еще научная коллекция, во много раз превосходящая выставочную. Научная орнитологическая коллекция в настоящее время включает сто тысяч экземпляров птиц. Она доступна только для специалистов-орнитологов.

Основную часть коллекции составляют птицы Советского Союза, но имеется еще большое количество видов из многих стран мира. Большинство видов нашей страны представлено, как правило, значительными сериями. Так, например, больших пестрых дятлов в коллекции 1086 экземпляров, турухтанов — 454, фазанов — 236, филинов — 204, вальдшнепов — 164 экземпляра и т. д.

Серийный сбор материала необходим для изучения деталей распространения и географической изменчивости вида. Кроме того, большое число особей одного вида позволяет установить половой, возрастной и сезонный диморфизм<sup>1</sup> у различных видов птиц, а также индивидуальную изменчивость отдельных видов. Но наряду с большими сериями птиц нашей фауны некоторые редкие или труднодобываемые виды, а также виды, имеющие

<sup>1</sup> Различия между самцами и самками или различная окраска одной и той же птицы в разном возрасте или в разное время года.

ограниченный ареал, представлены лишь очень немногими экземплярами. Например, белых журавлей, или стерхов, в научной коллекции музея всего лишь четыре экземпляра, черных журавлей — два, трехперсток — четыре, рыбных филинов — три, ширококрылых кукушек — один экземпляр.

Надо отметить, что до сих пор еще не все виды, обитающие в Советском Союзе, представлены в коллекции музея. Нет, например, красноногого ибиса, крайне редко встречающегося у нас в Южном Приморье, нет даурского журавля, малой пестрогрудки, длинноклювой камышевки, белокрылого погоныша.

В пополнении зоологических коллекций музеев большую помощь ученым могли бы оказать наши охотники. Ведь в руки охотников, помимо разнообразной дичи, попадают и редкие, часто неизвестные им птицы. Во время экспедиций мне неоднократно приходилось слышать, что тогда-то охотник застрелил неизвестную здесь птицу и через несколько дней выбросил ее. Как досадно бывает слушать подобные рассказы, особенно, когда догадываешься, о каком замечательном виде идет речь. Широко известно место случай, имевший место 70 лет тому назад, когда охотник помог ученым разобраться в одном вопросе.

25 мая 1908 г. охотник А. С. Флоринский убил у города Тары на Иртыше парочку неизвестных ему куликов и счел их достаточно интересными, чтобы показать местному орнитологу В. Е. Ушакову. Это оказались азиатские бекасовидные веретенники — новый вид для фауны России. Сообщение об этой сенсационной находке опубликовал С. А. Бутурлин в журнале «Наша охота» за 1908 г. После этого были снова просмотрены старые коллекционные материалы. Среди веретенников оказалось несколько экземпляров этого вида, неправильно определенных и хранившихся под другим наименованием.

Из коллекций, имеющих большое историческое значение, можно отметить сборы Н. А. Северцова из Туркестана, Н. М. Пржевальского из Центральной Азии, М. М. Березовского из Китая, С. А. Бутурлина с Колымы. Какое-то особое чувство волнения испытываешь всегда, когда среди многих тушек птиц попадается экземпляр, добытый экспедицией Н. М. Пржевальского. Читаешь этикетку, написанную сто лет назад рукой великого путешественника, и как много говорит короткая запись на этом маленьком кусочке бумаги: «*Pyrrhospiza longirostris*. Июнь 1872 г. Бассейн верхнего течения Хуан-хе. Н. Пржевальский».

В памяти возникает образ могучего человека, чье имя еще при жизни стало легендой. Это он с горсткой людей прошел там, где не был ни один европеец и где не ступала нога человека. Много раз экспедиции грозила гибель: то надвигающаяся мучительная смерть от жажды в пустыне, то нападение разбойничьих племен, но горсточка русских людей во главе с Пржевальским все дальше и дальше уходила в глубь азиатских пустынь. Несмотря ни на какие трудности, лишения и опасности, научная

работа экспедиции не прекращалась. Так, много лет тому назад отвага и сила воли одного человека открыли перед наукой новые до того просторы Центральной Азии.

Несколько лет тому назад, просматривая в коллекции музея серых журавлей, я увидел среди них тушку черношейного журавля (*Grus nigricollis*). Эту замечательную птицу добыл Н. М. Пржевальский в Восточном Тибете около 100 лет назад. Птица оказалась новым для науки видом. Вот что пишет по этому поводу Н. М. Пржевальский в своей книге «Монголия и страна тангутов»: «Описываемый журавль найден был нами только на озере Куку-нор, всего в числе нескольких пар, прилетевших сюда 30 марта и, по всему вероятно, оставшихся гнездиться. Голос нового вида весьма благозвучен и много походит на голос стерха. Образ жизни наблюдать не удалось, так как мы вскоре оставили Куку-нор, составляющий для *Grus nigricollis* северную границу географического распространения. Кроме того, мы встретили пару черишейных журавлей в верховьях р. Тетунга, где, собственно, и был убит единственный экземпляр нашей коллекции»<sup>2</sup>.

В музее хранятся очень интересные сборы М. М. Березовского из Китая. Они содержат большое количество видов, которые не встречаются в Советском Союзе и многие из которых не были представлены в музее. Интересна судьба этой уникальной коллекции птиц. После научной обработки в Зоологическом музее Академии наук в Петербурге она поступила в Музей Восточно-Сибирского отдела Географического общества в Иркутске, где и хранилась до последнего времени. В 1963 г. Министерство культуры СССР в целях обеспечения лучшей сохранности и большей доступности коллекции для научных работ приняло решение о передаче ее в Зоологический музей Московского университета.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о М. М. Березовском, биография которого не совсем обычна и мало кому известна.

М. М. Березовский родился в Сибири, но учился в гимназии в Петербурге. Окончив ее, служил преподавателем в войсковом казачьем училище в Уральске. Он принимал участие в трех экспедициях Г.Н. Потанина в Центральную Азию. В 1876 г. Березовский был зачислен в состав Монгольской экспедиции Г. Н. Потанина. Его основной задачей являлся сбор зоологического материала. В экспедиции работал препаратор Коломийцев, у которого он имел возможность обучиться препараторскому делу и впоследствии в совершенстве овладеть им.

После окончания Монгольской экспедиции М. М. Березовский под руководством зоолога М. Н. Богданова определил всю коллекцию птиц, собранную во время экспедиции. К сожалению, результаты научной обработки этих материалов не были опубликованы.

<sup>2</sup> Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. СПб., 1875.

1883 г. Русское географическое общество снарядило экспедицию в Китай под руководством Г. Н. Потанина. В состав экспедиции вошел в качестве орнитолога и М. М. Березовский, который проделал ряд самостоятельных маршрутов, останавливаясь в наиболее интересных местах для продолжительных стационарных исследований. После окончания экспедиционных работ он еще целый год работал один, изучая заинтересовавшую его фауну этой неведомой для натуралиста страны. В результате исследований Березовским была собрана коллекция птиц из 1400 экземпляров, относящихся к 267 видам. Большая часть этих материалов была добыта в области системы Голубой реки, в южной части провинции Гань-су.

Научную обработку коллекции М. М. Березовский проводил совместно с известным орнитологом В. Л. Бианки. Результаты этих исследований опубликованы в 1891 г. в книге «Птицы Гань-суйского путешествия Г. Н. Потанина 1884—1887». На основании изучения этих материалов описаны несколько новых для науки видов птиц — *Trochalopteron Sukatschewi*, *Suthora Przewalskii*, *Parus Davidi*.

М. М. Березовский производил свои исследования в труднодоступной местности, где до него не был еще ни один зоолог; в зоогеографическом отношении они дали чрезвычайно ценный материал.

Среди наиболее старых орнитологических собраний музея следует отметить сборы Г. С. Карелина с Иртыша (относящиеся к 1841 г.); О. Н. Шатилова из Крыма (1856 г.); А. П. Федченко из Туркестана (1868 г.); Г. И. Радде из Закавказья (1879 г.). Таким образом, некоторые орнитологические материалы находятся в музее уже более 130 лет, но надлежащие условия хранения коллекций и бережное отношение к ним людей науки служат гарантией их полной сохранности.

Чувство большого удовлетворения испытываю я, когда среди коллекций музея встречаю сборы своих экспедиций из разных мест нашей Родины. Здесь хранятся уникальные серии, собранные мною много лет тому назад в Южной Туркмении,— 35 филинов и 40 турачей. Среди последних — самцы и самки, добытые в различные сезоны года, а также молодые птицы. Кроме научной коллекции, добытые мною птицы представлены и среди экспонатов выставочного зала — бородач с гор Кугитанга, фламинго с побережья южного Каспия, турачи с низовьев Атрека.

Орнитологическая коллекция Зоологического музея МГУ представляет большой интерес и величайшую научную ценность. Наличие подобных материалов дает хорошую основу для детального изучения орнитофауны Советского Союза, а также способствует дальнейшему плодотворному развитию основных направлений отечественной орнитологии.

## *Орнитологи*

---

### *старшего поколения*



Когда в 20-х годах я начинал изучение птиц Московской губернии и с увлечением читал научные работы по орнитологии, мне пришлось познакомиться с крупнейшими нашими орнитологами старшего поколения. И это общение с ними я считаю для себя большим счастьем в жизни, ибо оно не только многому научило меня, но и дало возможность по-настоящему глубоко осмыслить значение науки и бескорыстно полюбить ее.

Бывало и так, что одна беседа с М. А. Мензбиром или С. А. Бутурлиным открывала передо мной обширные горизонты увлекательной работы исследователя-орнитолога и стоила нескольких прочитанных книг. Это трудно забыть. Это то, что не многим дается в жизни. Высокая культура и огромная эрудиция этих ученых, так много сделавших для зоологической науки, для просвещения и культуры нашей страны, вызывают чувство гордости и глубочайшего уважения. И теперь мне захотелось вспомнить о них и посвятить несколько страниц этой книги жизни и творчеству выдающихся русских ученых-натуралистов. Мы не должны, не вправе забывать тех, кто создавал и развивал нашу науку.

Люди уходят из жизни, но их свершения в науке, искусстве, литературе, их жизненный путь столетиями живут в памяти людей, в памяти многих поколений.



*Михаил  
Александрович  
Мензбир*

(1855-1935)



Крупнейший зоолог и зоогеограф, один из основателей русской орнитологии М. А. Мензбир родился 23 октября 1855 г. в г. Туле в дворянской семье. Осенью 1874 г. он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Здесь его учителями были известные ученые — профессора С. А. Усов, А. П. Богданов и Я. А. Борзенков. Еще в студенческие годы М. А. Мензбир познакомился со знаменитым зоологом-путешественником, исследователем Туркестана Н. А. Северцовым. Это знакомство, несомненно, оказало большое влияние на формирование научных интересов Михаила Александровича. В дальнейшем научные труды его были посвящены главным образом вопросам орнитологии и зоогеографии.

После окончания университета М. А. Мензбир был оставлен при кафедре профессора Борзенкова для подготовки к профессорскому званию. С этого времени начинается его долголетняя научная и педагогическая деятельность в Московском университете.

В 1888—1893 гг. выходят в свет четыре выпуска «Орнитологии Туркестана» — результат обработки среднеазиатских орнитологических коллекций Н. А. Северцова. В 1895 г. выходит из печати двухтомная монография М. А. Мензбира «Птицы России», создавшая целую эпоху в истории русской орнитологии. Эта монография в течение нескольких десятилетий являлась настольной книгой всех орнитологов нашей страны, с появлением которой изучение птиц в России стало плодотворно и быстро развиваться.

Большое научное значение имели также капитальные монографии М. А. Мензбира — «Орнитологическая география Европейской России» (1882), «Промысловые и охотничьи птицы Ев-

ропейской России и Кавказа» (1900—1902), научно-популярная монография «Птицы» (1904—1909) с большим количеством иллюстраций и описанием птиц всего земного шара, а также очень содержательные очерки по экологии и географическому распространению птиц.

Надо отметить, что Михаил Александрович всю жизнь с большим интересом относился к изучению хищных птиц и особенно к соколам. В 1916 г. в издании Академии наук, в серии «Фауна России», вышел первый выпуск, посвященный монографическому описанию кречетов и балобанов. Книга иллюстрирована прекрасными цветными таблицами художника-анималиста В. А. Вагагина. Педагогическая деятельность Михаила Александровича была чрезвычайно плодотворной. Он воспитал большое количество выдающихся ученых различных дисциплин, среди которых блистательные имена академиков П. П. Сушкина и А. Н. Северцова, профессоров Н. К. Кольцова, Д. Н. Кашкарова, С. И. Огнева, А. Ф. Котса — основателя Дарвинского музея в Москве.

В течение долгих лет Михаил Александрович был тесно связан с Московским обществом испытателей природы. Еще в 1880 г. он избран его действительным членом. Очень много времени, труда и сил уделял Михаил Александрович этому старейшему русскому обществу натуралистов. После смерти профессора Н. А. Умова в 1915 г. он избирается президентом Общества, и в течение двадцати лет, до самой своей смерти, он оставался на этом ответственном и почетном посту.

В 1911 г. Михаил Александрович подал в отставку в знак протеста против нарушения университетской автономии. В этом энергичном протесте сказались глубокая принципиальность, твердость и прямота характера ученого. Только после революции Михаил Александрович Мензбир возвратился в университет и был избран ректором Московского государственного университета.

В 1927 г. он избирается почетным, а в 1929 г. действительным членом Академии наук СССР.

10 октября 1935 г. после продолжительной и тяжелой болезни Михаил Александрович Мензбир скончался.

В докладе, посвященном памяти выдающегося ученого, С. И. Огнев говорил: «Прошло десять лет со дня смерти М. А. Мензбира. Современные и будущие поколения знают и будут знать М. А. Мензбира только по его бессмертным трудам в области орнитологии как создателя эпохи в истории этой отрасли науки, но они могут позабыть о нем как о человеке. А между тем, как ярок, как целеустремлен был этот ученый, горевший любовью к русской науке. Такие нравственно сильные, такие яркие натуры должны служить примером для будущих поколений наших ученых-натуралистов»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Огнев С. И. Михаил Александрович Мензбир. — Бюллетень Московского общества испытателей природы, 1946, вып. 1.

Первая орнитологическая конференция, проходившая в Ленинграде в январе 1956 г., была посвящена памяти академика М. А. Мензбира.

\* \* \*

С М. А. Мензбиром я познакомился в Обществе испытателей природы; здесь он бывал почти ежедневно, и здесь его легче всего можно было застать. Память сохранила мне облик этого большого ученого, его манеру общения с людьми. Михаил Александрович был строгий и требовательный, но в то же время доброжелательный и очень простой человек.

В 1922/23 учебном году я слушал курс зоогеографии, который в те годы читал Михаил Александрович. Эти лекции имели постоянный успех и пользовались в университете большой популярностью. Они всегда собирали большую аудиторию, и, что вообще случается редко, их посещали не только студенты, но даже и преподаватели университета.

Лекции Михаила Александровича всегда были очень содержательны, интересны и давали нам много знаний. Они имели огромное значение для тех, кто серьезно занимался зоогеографией. Надо отметить, что в те годы еще не было учебников по курсу зоогеографии и, таким образом, записи лекций являлись основным и почти единственным источником наших знаний. И только «Зоогеографический атлас» М. А. Мензбира, опубликованный в 1912 г. и ныне мало кому известный, помогал нам в усвоении этого предмета. Атлас состоял из 30 цветных таблиц художника В. А. Ватагина, иллюстрирующих животное население суши земного шара по зоологическим областям.

Значительно позднее, в 1936 г., вышла в свет «Общая зоогеография» профессора В. Г. Гептнера, а через два года — учебник профессора И. И. Пузанова «Зоогеография».

Экзамен по зоогеографии я сдавал у М. А. Мензбира в 1924 г. Это мой любимый предмет, и я готовился к экзамену с особым увлечением. Он прошел успешно, я получил высшую отметку. После экзамена мы долго беседовали. Профессор расспрашивал меня о зоологических исследованиях в Воронежской губернии, результаты которых были незадолго перед этим опубликованы в книге «Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии».

Впоследствии, уже после окончания университета, я приходил к М. А. Мензбиру, чтобы показать ему свои орнитологические сборы, среди которых бывали интересные фаунистические находки. Так, например, я показывал ему птиц, привезенных мною из Костромской губернии, а затем сборы из дельты Волги и прикаспийских степей. Михаил Александрович всегда внимательно и, я бы сказал, любовно просматривал эти материалы. Его интересовали многие детали и характер распространения, а также биология отдельных малоизвестных видов. Особый интерес вызвали

у него овсянка-ремез и пеночка-таловка из Костромской губернии. Тогда же Михаил Александрович предложил опубликовать результаты моих исследований в Бюллетенях Общества испытателей природы.

Из астраханских сборов профессора очень заинтересовали пустынная славка и белоусая славка, впервые найденные тогда на гнездовье в астраханской полупустыне.

Я многим обязан этому замечательному ученому. Беседы с ним всегда оставляли глубокое впечатление и очень долго не забывались. Общение с большим человеком никогда не проходит бесследно и остается в памяти на всю жизнь.

*Сергей  
Александрович  
Бутурлин*

(1872-1938)



С. А. Бутурлин родился 22 сентября 1872 г. в г. Монтре (Швейцария). Детские годы его протекали в Поволжье, в Симбирской губернии, в имении отца. Среднее образование С. А. Бутурлин получил в Симбирской гимназии; в эти годы он начал изучение животного мира Среднего Поволжья.

В 189-5 г. С. А. Бутурлин окончил училище правоведения в Петербурге, получив не биологическое, а юридическое образование. Очень знаменательно то, что Сергей Александрович уже в начале своей научной деятельности, будучи еще очень молодым человеком, занял выдающееся место среди наших зоологов. Как отмечает Г. П. Дементьев, «кроме замечательной одаренности Сергея Александровича и его широкой эрудиции, этому он был обязан своей совершенно исключительной работоспособностью. За исключением самого непродолжительного времени, необходимого для отдыха, он работал буквально весь день с утра до поздней ночи; такой распорядок занятий оставался у него до самого последнего времени»<sup>1</sup>.

Научная деятельность С. А. Бутурлина очень разнообразна. Как зоолог он интересовался главным образом птицами, и в области развития орнитологии его заслуги очень велики. Имя его как орнитолога получило мировую известность.

Сергей Александрович был прекрасным знатоком охотничье-го оружия, а также стрелкового дела. Широко известны его двухтомная монография «О стрельбе пуль» и «Дробовое охотничье

<sup>1</sup> Дементьев Г. П. Жизнь и деятельность С. А. Бутурлина. Полный определитель птиц СССР. М., 1941,

ружье и стрельба из него». Последняя книга выдержала восемь изданий. С. А. Бутурлин много работал в области охотничьего дела, а также по охране природы.

Экспедиционные работы Сергея Александровича охватили главным образом Крайний Север нашей страны. В 1900 г. он совместно с Б. М. Житковым производил исследования в низовьях Северной Двины, на острове Колгуев и на Новой Земле. В 1902 г. С. А. Бутурлин совершил вторичную поездку на остров Колгуев. В 1905 г. он возглавлял экспедицию на Колыму. Это путешествие продолжалось почти целый год и в научном отношении дало чрезвычайно много.

Скончался С. А. Бутурлин в ночь на 22 января 1938 г. в Москве.

Имя Сергея Александровича очень популярно среди зоологов, а также среди широких кругов любителей природы и охотников. Он пользовался большими симпатиями и глубоким уважением всех, кто работал или общался с ним.

Я познакомился с С. А. Бутурлиным в Москве в 1921 г., будучи еще юным студентом. Общение с известным орнитологом было для меня очень интересно и, конечно, принесло мне много пользы. В эти годы Сергей Александрович часто заходил в Зоологический музей Московского университета к Б. М. Житкову или к С. И. Огневу. Иногда я навещал Сергея Александровича дома.

Особенно запомнилось мне одно посещение после возвращения из Уссурийского края. Сергей Александрович лежал больной. Я показывал ему некоторые редкие виды птиц, добытые экспедицией на островах Японского моря, на озере Ханка, в тайге по рекам Хор и Хунгари, в низовьях Амура. Несмотря на свое недомогание, Сергей Александрович с живейшим интересом рассматривал принесенных мною птиц, расспрашивал о маршрутах экспедиции, о результатах наших исследований. Особенно заинтересовала его рогатая камышница, найденная мною на острове Аскольд. Он попросил меня достать с полки книгу «Птицы Британской Индии», в которой дано общее распространение этого вида и рисунок. И надо было видеть, как оживился старый ученый, даже забылся на время тяжелый недуг...

В другой раз я показывал Сергею Александровичу птиц, собранных мною в дельте Волги. Он также с большим интересом расспрашивал меня о фауне дельты великой русской реки, о моих поездках в прикаспийские степи, об Астраханском государственном заповеднике, где я в то время работал, и очень радовало его, что в дельте Волги снова загнездились пеликаны и многочисленны стали замечательные белые цапли. С большим интересом просматривал он также мои фотографии.

Впоследствии мне было очень приятно, что предисловие к моей работе «Материалы к орнитологической фауне дельты Волги и прилегающих степей» написал С. А. Бутурлин. Наше знакомство продолжалось 16 лет, и светлый образ большого, умного, обаятельного человека сохраняется в моей памяти до сих пор.

*Петр  
Петрович  
Сушкин*

(1868-1928)



Выдающийся орнитолог нашей страны Петр Петрович Сушкин родился в Туле 8 февраля 1868 г. Среднее образование он получил в Тульской классической гимназии, по окончании которой в 1885 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Здесь он начал заниматься по орнитологии и сравнительной анатомии позвоночных животных на кафедре, руководимой М. А. Мензбиром.

Окончив в 1889 г. университет, П. П. Сушкин по представлению М. А. Мензбира был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию.

В 1891 г. П. П. Сушкин в течение семи месяцев изучал орнитологическую фауну Уфимской губернии, в то время совершенно не исследованную в зоологическом отношении. Результатом этих исследований явилась большая работа «Птицы Уфимской губернии». Спустя три года П. П. Сушкин приступает к изучению птиц Средней Киргизской степи. Он совершает туда две экспедиции (в 1894 и 1898 гг.), в результате которых орнитологическая фауна огромной малоизученной территории становится хорошо известной. В 1907 г. выходит из печати капитальный труд «Птицы Средней Киргизской степи», получивший высокую оценку как у нас, так и за границей. В Германии она была переведена на немецкий язык.

В 1899 г. Московский университет дает П. П. Сушкину длительную научную командировку в страны Западной Европы. Он работает в музеях и различных зоологических учреждениях Германии, Франции, Англии, Италии, Голландии и Бельгии.

В 1902 г. П. П. Сушкин закончил докторскую диссертацию на тему «К морфологии скелета птиц». Эта монография, являясь

выдающейся в орнитологической и сравнительно-анатомической литературе, удостоена премии Академии наук.

В 1909 г. П. П. Сушкин избран профессором Харьковского университета. Однако профессорская деятельность не прекратила его экспедиционных работ по изучению фауны нашей страны. В этот период он совершает две большие экспедиции в Русский Алтай и ближайшую к нему часть Северо-Западной Монголии. В результате этих путешествий (1912 и 1914 гг.) было собрано свыше 2000 экземпляров птиц и большое количество другого зоологического материала.

Предварительная работа по птицам Русского Алтая опубликована в 1925 г., а двухтомная монография П. П. Сушкина «Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии» вышла в свет в 1938 г. уже после смерти автора. В этом классическом сочинении с особой наглядностью проявилась огромная эрудиция ученого в области орнитологии, зоогеографии и систематики.

После смерти известного русского орнитолога В. Л. Бианки П. П. Сушкин был избран на должность старшего зоолога, заведующего орнитологическим отделом Зоологического музея Академии наук. В 1923 г. его избрали в действительные члены Академии наук, в 1924 г.— почетным членом Британского орнитологического союза. В том же году его командировали для научных работ в Германию, Англию и Америку.

О личности П. П. Сушкина как человека его учитель М. А. Мензбир писал: «Я знал Петра Петровича с его студенческих лет. Я помню его живым, веселым, остроумным в разговорах с товарищами при встрече в лаборатории. А жилось ему в то время не хорошо; зажиточная семья в короткое время почти катастрофически разорилась, самая связь с семьей почти порвалась. Несмотря на эти неблагоприятные условия, Петр Петрович учился внимательно, с любовью и мало-помалу заинтересовался самостоятельными наблюдениями над птицами.

Скромный в своих потребностях, он никогда не ставил заработок на первое место и, за исключением очень немногих, самых последних лет имел средства только на самое необходимое в жизни. На первом месте для него всегда была наука, в которую он верил и которую глубоко любил. В отношениях к людям П. П. отличался исключительной прямотой, доходившей иногда до резкости в оценке поступков, не заслуживающих его сочувствия. По существу же П. П. был добрым человеком и мог быть преданным другом, раз сдружился с кем-нибудь. Отличительной чертой его личности было, однако, сознание долга. Небрежное, а тем более формальное отношение к своим обязанностям вызывало с его стороны всегда резкое осуждение, и сам он с этой стороны был безупречен»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Мензбир М. А. Петр Петрович Сушкин как ученый.— Ежегодник Зоологического музея, 1928, т. XXIX.



Научная деятельность замечательного ученого оборвалась совершенно неожиданно; он умер от воспаления легких 17 сентября 1928 г. в Кисловодске. Это была очень большая потеря для науки. Советские биологи лишились одного из самых блестящих своих представителей, поражавших огромным своим дарованием, необычайной яркостью, силой и самобытностью своего ума и таланта.

\* \* \*

В моем архиве сохранилось несколько писем, полученных мною от П. П. Сушкина в 1927—1928 гг. В то время я работал в Астраханском государственном заповеднике и часть своих орнитологических сборов из дельты Волги и прилежащих степей посылал в Ленинград на просмотр П. П. Сушкину. В своих письмах Петр Петрович касается этих материалов. В одном из писем он просит прислать ему усатых синиц в спирту и несколько серебристых чаек. Относительно предполагаемой мною поездки в прикаспийские степи Петр Петрович довольно подробно пишет о том, на что надо обратить особое внимание при коллектировании птиц во время экспедиции. Эти письма большого ученого были тогда для меня не только интересны и содержательны, но служили также поддержкой и стимулом в моей работе орнитолога-путешественника.



*Николай  
Алексеевич  
Зарудный*

(1859-1919)

Выдающийся русский орнитолог и путешественник Николай Алексеевич Зарудный родился 13 сентября 1859 г. в поместье своего дяди — Грякове Харьковской губернии. В возрасте 11 лет поступил в кадетский корпус в Петербурге, но впоследствии перешел в учительскую семинарию Военного ведомства, по окончании которой был назначен преподавателем в кадетский корпус в Оренбурге. Эту скромную должность он занимал затем в кадетском корпусе в Пскове и, наконец, в Ташкенте.

Биограф Зарудного, известный зоолог Н. А. Бобринский, писал: «Тем замечательнее, что этот не получивший специального образования и постоянно нуждавшийся в средствах для жизни человек, используя лишь свободное от служебных обязанностей время, сумел обследовать зоологически разнообразные районы Европейской России и обширнейшие пространства Средней Азии, совершить четыре замечательных путешествия по Ирану, собрать огромные коллекции по всем группам животных, написать ряд капитальных трудов и многочисленные специальные статьи и приобрести имя орнитолога мирового масштаба»<sup>1</sup>.

Первая большая работа Н. А. Зарудного «Орнитологическая фауна Оренбургского края» опубликована в 1888 г. в «Записках Академии наук». Надо отметить, что это весьма солидное сочинение написал 25-летний автор.

Спустя несколько лет, в 1896 г., выходит капитальная сводка Н. А. Зарудного «Орнитологическая фауна Закаспийского края» — результат пяти экспедиций автора в Закаспий.

<sup>1</sup> *Бобринский Н.А.* Николай Алексеевич Зарудный — зоолог и путешественник. М., изд-во МОИП, 1940.

В период с 1896 по 1904 г. Н. А. Зарудный совершает четыре экспедиции в Иран. Эти замечательные путешествия в неисследованные пустынные области Ирана дали богатейший научный материал. В первую же экспедицию был открыт новый для науки вид—иранская саксаульная сойка (*Podoces pleskei* Zarud).

В 1900 г. по поручению Русского географического общества и на его средства Зарудный совершает свое третье путешествие в Восточную Персию. В течение года экспедиция проходит более 4,5 тыс. км, исследуя Хорасан и Персидский Белуджистан, и достигает побережья Индийского океана. Эта экспедиция принесла огромный и очень ценный зоологический материал. Достаточно сказать, что только одних птиц было собрано 3140 экземпляров и около 50 тысяч экземпляров насекомых. За путешествия по Восточной Персии и изучение фауны этой страны Русское географическое общество дважды присуждало Н. А. Зарудному премию Пржевальского, а также Малую золотую медаль Общества.

Трудно удержаться, чтобы не привести здесь одного эпизода, описанного Н. А. Зарудным, когда путешественник достиг Юго-Восточного Ирана, где встретил новую, неизвестную для себя фауну. «Перед Бампуром появились бугристые пески, изобильно поросшие неизвестными, пышными высокими кустарниками и акацией. Эта последняя образует здесь уже настоящий лес — первый после лесов Герри-руда. Я останавливаюсь в тени и, дождавшись отставшего каравана, делаю несколько глотков воды. Усталость проходит, и чувствуется прилив бодрости. Ну, думаю, здесь уже должны встречаться южные индийские птицы, и снимаю ружье из-за плеч. И точно: в тот же момент слышу хлопанье крыльев у вершины дерева, вижу какого-то неизвестного ястреба, стремительно вылетающего из чащи, и валю его метким выстрелом. Бегу к своей добыче и с восторгом узнаю в ней индо-малайского *Butastur teesa*. Вслед за громом выстрела слышу резкие неизвестные крики; поспешно подобрав убитую птицу, я мчусь туда, откуда они раздаются, неожиданно вспугиваю какую-то куропатку и, застрелив ее, признаю в ней *Ortygornis pondicerina*, которую до сих пор еще никогда не держал в руках. Радости моей нет границ, и я торжествую... Вдруг, совсем близко, раздается странный свист; я оглядываюсь и замечаю крошечную птичку, кажущуюся совершенно черной; вкладываю в ружье мелкодробный патрон и, несколько секунд спустя, первый раз в жизни рассматриваю великолепного медососа (*Nectarinia brevirostris*). Чувствую, что глаза мои смеются от удовольствия, что лицо складывается в улыбку...»

Осенью 1906 г. Н. А. Зарудный переводится в Ташкент на должность преподавателя кадетского корпуса. Здесь он с увлечением занимается изучением орнитофауны Средней Азии; совершает несколько интересных поездок по Туркестану. В этот же период появляется в печати несколько его больших работ и множество статей, посвященных главным образом орнитологии. По-

следние годы своей жизни ученый работал над капитальной сводкой «Орнитологическая фауна Туркестанского края», но смерть помешала ему закончить свой многолетний труд. Эта ценнейшая рукопись в настоящее время хранится в Орнитологическом отделе Зоологического института Академии наук СССР.

В статье «Заметки по орнитологии Туркестана», опубликованной в «Орнитологическом вестнике» за 1910 г., Н. А. Зарудный пишет: «Уже усталость сказывается: дает себя знать прожитое полу столетие и тяжелая педагогическая служба; сказываются путешествия, экскурсии и охоты, из которых одни были совершены при маловероятных условиях ослепительного солнца, палящего зноя и сверкающих солончаков, а другие — на громадных горных высотах, где порою среди снегов, льдов, туманов и грандиозных скал с болью билось сердце, кружилась голова, темнело в глазах и подкашивались ноги. Сказываются те восторги, которые я переживал, когда под моими пулями падали звери, когда удачно охотился по дудакам, гусям и лебедям, когда находил что-нибудь любопытное...»

Умер Н. А. Зарудный в Ташкенте 17 марта 1919 г. в возрасте 60 лет. Преждевременная смерть остановила кипучую и столь плодотворную деятельность замечательного нашего натуралиста и путешественника. Оборвалась яркая, самобытная, прекрасная жизнь одного из выдающихся орнитологов нашей страны. Эта жизнь, отданная столь щедро науке, будет еще долгие годы побуждать молодых исследователей к дальнейшим подвигам в изучении природы.

В заключение я позволю себе привести здесь выдержку из книги Н. А. Зарудного «Экспедиция по Восточной Персии» (1901), хорошо иллюстрирующую трудности, лишения и опасности, которые встречал путешественник в безводных пустынях Восточного Ирана.

«Утром 6 сентября мы действительно находим колодцы, но вода их для питья оказывается негодною; бурая как шоколад, вонючая, горькая и, что печальнее всего, соленая. Все падают духом, только Регимдад (мой проводник) не унывает и, в знак клятвы показывая на свою седую бороду, обещает через несколько часов провести караван к колодцам с хорошей водой. Дав немного отдохнуть нашему скоту (ишаки отказались от водопоя), мы выучим его и направляемся к северо-востоку, где, по словам Регимдада, есть колодцы на более близком расстоянии, чем известные мне. Вскоре один верблюд падает; градом сыплются на него удары, но он уже больше не встает.

Перевьючив бар, мы идем дальше, по-прежнему без дороги, и час проходит за часом. Среди своих людей я слышу звуки рыдания и возгласы: «Зачем мучиться и идти дальше, мы все равно умрем». Регимдад объявляет, что он спутался, что к вечеру мы будем у воды, но на этот раз он уже не трогает своей бороды. Снова идут часы за часами, солнце скрывается за горизонт.

том, и наступает ночь. Рот и горло пересохли, язык шуршит, как бумажный, в глазах стоят огненные круги и сыпятся искры. Пройдя еще несколько часов, всего мы сделали в этот день 46 верст, я из боязни, что вьючный скот откажется служить окончательно, приказываю остановиться и дать ему отдохнуть. Я спрашиваю Регимдада, что нам делать дальше. Он молчит и поднимает руки к небу. Тогда мы решаем, дав отдохнуть верблюдам и ишакам, идти на северо-запад, к Хамуну. Наступили тяжелые минуты; голова кажется налитой расплавленным свинцом, виски сжимаются как тисками, в мозгу что-то сверлит и ноет, губы трескаются и из ранок вытекает густая темная кровь, которая тут же запекается. Все мы почернели и страшно исхудали. Я понимаю наше критическое положение, и мне безумно жалко потраченного труда и собранных коллекций.

Через полчаса после остановки я слышу хриплый от жажды крик Джангира: «дуз, дуз» (воры, воры) и при свете звезд вижу, как несколько человек белуджей гонят наших ишаков и верблюдов прочь от стана, причем гулко слышатся в ночной тишине удары палок, которыми они их погоняют. Один из моих людей лежит без памяти, двое отстали еще днем, и для них мы оставили приметы. Я остаюсь с Пир-Магомедом и Регимдадом караулить багаж, а препаратора Литвинова с переводчиком и с Джингиром посылаю отбивать наш скот. Вскоре раздаются учащенные выстрелы берданок. В это же время к стану подлетает всадник на верблюде, но зарядом картечи из своего дробовика я заставляю его опрокинуться на верблюжий горб; животное пугается выстрела и скрывается со своей ношей в тamarисковых кустах. Все обходится благополучно; скот водворяется на место, а мы избавляемся от крупной опасности, так как, если бы разбойникам удался их план, мы вряд ли дошли бы до воды, а я во всяком случае лишился бы всего экспедиционного имущества.

Надо заметить, что под вечер мы несколько раз издали замечали подозрительных людей, следивших за нашим караваном и, вероятно, знавших о нашем тяжелом положении, но поймать кого-либо из них, чтобы расспросить о воде, никак не удавалось. Описанный инцидент влил в нас изрядную дозу бодрости, и мы на время забыли о нашем ужасном состоянии.

Часа в два пополудни 8 сентября, забрав больного, который, к счастью, скоро пришел в себя, и оставляя для отставших приметные знаки, мы двинулись дальше. Пройдя около тридцати трех верст в западном и северо-западном направлении и потеряв еще одного верблюда, мы были принуждены остановиться, так как скот отказался идти дальше. Кое-как расставлена была палатка и расположен багаж. Литвинов впал в беспамятство и стал бредить; у людей, еще державшихся на ногах, в глазах появилось растерянное и безумное выражение. Вероятно, такое же выражение было у меня, так как ко мне вдруг нагибается Пир-Магомед и говорит: «Сагиб, не бойся, ты умираешь вместе с мусуль-

манами, и я буду просить бога и его пророков, чтобы ты попал в рай; я сеид, и просьба моя будет исполнена».

Ишаки собрались толпой у входа в палатку, трогательно смотрят в глаза людям и так же, как люди, стонут и хрипят...

Наступили самые жаркие часы дня, и я не берусь описывать муки, которые все мы испытывали. Через некоторое время притащились отставшие люди, дрожащие, почерневшие и похудевшие; не произнося ни слова и ни на кого не глядя, они бросаются на пол палатки и затихают. Я чувствую, что мною овладевают ужас и отчаяние; умирать таким образом кажется нелепым, бессмысленным. Из всех нас только четверо могут двигаться и говорить: я, переводчик, Пир-Магомед и Мулла-Измаил. Мы все-сторонне обсуждаем, что нам делать. Переговоры ведутся шепотом, и каждый почему-то боится говорить громко. Мулла-Измаил вызывается поискать колодцы. В случае, если к ночи эти поиски не увенчались бы успехом, мы решаем оставить двух человек при больных и при багаже, двум же остальным с парой верблюдов ехать налегке к Хамуну, привезти воды и, если будет возможно, организовать помощь.

Сопутствуемые добрыми пожеланиями, Мулла-Измаил и Пир-Магомед уходят. Уже стало темно, когда я увидел верстах в двух от стана огонь костра... О чем говорит огонь? Призывает ли он к воде и к спасению или заблудившиеся люди просят указания найти наш злополучный стан? Я взбираюсь на бугор и зажигаю ответный костер. Едва только пламя охватило сушняк и взвилось кверху, как до слуха моего долетает звук отдаленного выстрела. Значит, нас зовут туда, значит вода найдена. Душа моя наполняется неопишуемым восторгом, а глаза застилаются жгучими слезами. Я посылаю переводчика к огню и менее чем через час получаю воду...

Вода приводит больных в чувство, они плачут от радости и целуются. Прежде всего отправляем наш скот на водопой, он идет ускоренным шагом...

Находясь на краю гибели, мы избегли ее главным образом благодаря своей выносливости. Без воды и при усиленном движении (шли все время пешком и сделали более 90 верст) мы были почти двое с половиной суток, причем погода в эти дни стояла довольно жаркая».

*Аркадий  
Яковлевич  
Тугаринов<sup>1</sup>*

(1880-1948)



А. Я. Тугаринов родился 9 ноября 1880 г. в Саратове. Еще учеником Саратовского реального училища он начал заниматься ботаникой. Свои первые шаги в изучении местной флоры Аркадий Яковлевич проделал под руководством молодого ботаника, впоследствии академика Б. А. Келлера. Затем на средства Саратовского и Казанского обществ естествоиспытателей он совершил поездку в Астраханскую область, на озеро Баскунчак и Ханскую ставку, где собирал гербарий и орнитологические материалы. Эти сборы Аркадий Яковлевич обрабатывал в Казанском университете. Первые работы, опубликованные двадцатилетним юношей, были геоботанического содержания. Это увлечение ботаникой не покидало Аркадия Яковлевича в течение всей его жизни, хотя вскоре и отступило на второй план.

В 1905 г. в жизни А. Я. Тугаринова произошла большая перемена; он переселился в Сибирь, где поступил на должность хранителя, а позднее директора Красноярского краевого музея.

В сибирский период жизни научные интересы Аркадия Яковлевича сосредоточились на птицах. За эти годы он охватил экспедиционными маршрутами все широтные зоны огромного, в то время почти неизвестного Приенисейского края. Эти исследования дали много нового и были чрезвычайно интересны в отношении зоогеографии, фаунистики и биологии птиц. Уже в 1911 г. выходит в свет большая монография А. Я. Тугаринова (совместно с

<sup>1</sup> В основу очерка положена статья Е. В. Козловой «Творческий путь Аркадия Яковлевича Тугаринова». — Труды Зоологического института АН СССР, 1949.

С. А. Бутурлиным) «Материалы по птицам Енисейской губернии». За время пребывания в Сибири он опубликовал более 20 работ на разные темы, а в 1927 г. вышла завершающая работа этого цикла — «Птицы Приенисейской Сибири. Список и распространение».

Кроме зоологических исследований ученый производил общегеографические и ботанические исследования, а также сбор материалов по этнографии и археологии. Все добытые в экспедициях коллекции поступали в Красноярский музей, быстро увеличивая его научные фонды. Большое внимание уделял он также экспозиции в выставочных залах музея.

Известный орнитолог Е. В. Козлова в своих воспоминаниях пишет: «Вдумываясь в огромную работу, которую так легко и свободно, с величайшим одушевлением и со свойственной ему скромностью нес на своих плечах А. Я. Тугаринов в Сибири, приходится удивляться его необычайной энергии и трудоспособности. Только настоящая любовь к делу вместе с даром быстро ориентироваться и овладевать каждой областью знания, в которой ему приходилось работать по роду своих занятий, могут объяснить его большие научные достижения и крупный успех общественного деятеля».

В 1926 г. по приглашению академика П. П. Сушкина А. Я. Тугаринов перешел на работу в Ленинград, в Зоологический музей Академии наук. В этот же год он принял участие в комплексной экспедиции Зоологического музея в Северную Монголию (в области Гобийского Алтая и Хангайской горной системы). В 1928 г. Тугаринов совершил вторую экспедицию в Северо-Восточную часть Монголии. В результате этих исследований им были опубликованы две работы «Северная Монголия и птицы этой страны» и «Птицы Восточной Монголии».

Много внимания и сил уделял Аркадий Яковлевич изучению перелетов птиц. Он принимал участие в обработке материалов Центрального бюро по кольцеванию птиц, содержащих новые оригинальные концепции. В период 1934—1937 гг. в целях сбора нового фактического материала по миграциям и зимовке птиц он совершил три поездки на юго-западное побережье Каспийского моря.

Необходимо отметить работы Тугаринова по изучению ископаемых остатков птиц, главным образом четвертичных. Это направление в орнитологии у нас совершенно не разрабатывалось. На протяжении многих лет ученый принимал деятельное участие в составлении капитального академического издания «Фауна СССР». Его перу принадлежат большие монографии по пластинчатоклювым (1941), веслоногим, аистообразным и фламинго (1947).

Аркадий Яковлевич Тугаринов скончался 8 июля 1948 г. в Ленинграде.



*Сергей  
Иванович  
Огнев*

(1886-1951)



Сергей Иванович Огнев родился в Москве 5 ноября 1886 г. В 1905 г. С. И. Огнев окончил гимназию и в том же году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. В 1910 г. он окончил университет и был оставлен при кафедре зоологии у профессора Г. А. Кожевникова для подготовки к профессорскому званию.

Интерес к зоологии, к изучению птиц и млекопитающих появился у Сергея Ивановича еще в старших классах гимназии. В студенческие годы он опубликовал несколько работ, среди которых следует отметить «Материалы к орнитофауне Смоленской губернии». Впоследствии Сергей Иванович опубликовал ряд орнитологических статей в журнале «Орнитологический вестник» и в некоторых других изданиях.

В дальнейшем научные интересы молодого зоолога сосредоточиваются на изучении систематики, фаунистики, зоогеографии и экологии млекопитающих. В 1913 г. вышла первая большая работа Сергея Ивановича «Млекопитающие Московской губернии». Она вызвала большой интерес у зоологов и долгое время служила образцом подобного рода исследований. Надо отметить, что эта замечательная работа молодого ученого была удостоена премии имени А. П. Богданова, присужденной Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной на столе лежат семь томов монографии С. И. Огнева «Звери СССР и прилегающих стран» (1928—1950), которой ученый отдал большую часть своей жизни. Я был свидетелем создания этого труда. Помню начало 20-х годов, пустые холодные аудитории и лаборато-

рии университета. Несмотря на тяжелые условия для творческой научной работы Сергей Иванович упорно продолжал работу над рукописью.

Приходя утром в Музей,— чтобы работать с орнитологическими коллекциями, я постоянно заставлял в кабинете у Сергея Ивановича художника-анималиста В. А. Ватагина, который в те годы писал цветные иллюстрации к упомянутой монографии. Я подолгу простаивал у мольберта замечательного анималиста, наблюдая за его работой, за тем, как возникали чудесные изображения зверей. С тех пор прошло уже более полувека, но эти минуты память во всех деталях сохранила мне навсегда...

Монография «Звери СССР и прилежащих стран» имела огромное значение в развитии советской и мировой териологии. В 1942 г. эта классическая работа была удостоена Государственной премии. К великому сожалению, она осталась незавершенной. Вышло лишь 7 томов (они включали 4900 страниц текста, 2000 иллюстраций и 56 оригинальных цветных таблиц, исполненных известными художниками-анималистами — В. А. Ватагиным, Н. Н. Кондаковым, А. Н. Комаровым и А. Н. Формозовым).

Можно еще отметить следующие весьма интересные работы С. И. Огнева — «Млекопитающие Северо-Восточной Сибири», «Млекопитающие Центрального Тянь-Шаня (Зайликийский и Кунгей-Алатау)» и «Экология млекопитающих». Большой интерес и значимость представляет также работа «Проблемы систематики», посвященная разработке теоретических основ систематики. В результате этих исследований были опубликованы две статьи: «Значение морфологии для систематических исследований» и «Вопрос о виде в свете новейших данных»<sup>1</sup>.

Большое внимание Сергей Иванович всегда уделял популяризации биологических знаний. Им написано большое количество научно-популярных статей, очерков и книг. Широкое распространение и заслуженную известность получили книги «Жизнь леса», «Фотография живой природы», «Жизнь наших степей», «Обитатели побережий». Совершенно особый успех выпал на долю небольшой книги «Жизнь леса», написанной много лет тому назад молодым ученым. Она выдержала шесть изданий (первое в 1914 г., шестое — в 1962 г.) и была удостоена Государственной премии.

В течение 40 лет Сергей Иванович вел педагогическую работу сначала в Московском университете, а затем и в педагогических институтах Москвы. За это время им создан ряд учебников по зоологии, среди которых большой университетский курс «Зоология позвоночных», выдержавший четыре издания. Наряду с большой педагогической работой ученый продолжал вести интенсивную научно-исследовательскую деятельность. Сергей Иванович был превосходным полевым натуралистом. Он совершил много экспедиций в различные районы нашей страны и собрал огром-

<sup>1</sup> Зоологический журнал, 1942, т. XXI, вып. 6; 1944, т. XXIII, вып. 1.

ный коллекционный материал и обширные сведения по биологии и географическому распространению млекопитающих и птиц. Во время этих исследований Сергей Иванович не расставался с фотоаппаратом. Книги ученого украшают прекрасные фотографии живой природы.

Много внимания и сил Сергей Иванович уделял Московскому обществу испытателей природы — старейшему ученому обществу нашей страны. В течение 10 лет С. И. Огнев был его вице-президентом.

Страстная преданность науке, глубокая эрудиция, огромная работоспособность и целеустремленность, необычайная добросовестность в изложении материала — вот, пожалуй, основные, наиболее характерные черты в научной деятельности Сергея Ивановича. Благодаря им жизнь его и была столь плодотворна.

Число его учеников очень велико. Среди них можно назвать таких известных ученых в области зоологии, как С. С Туров, В. Г. Гептнер, Н. А. Бобринский, А. Н. Формозов, Л. А. Портенко, С. П. Наумов, Н. П. Наумов, К. К. Флеров, Б. А. Кузнецов, И. Б. Волчанецкий, А. Г. Банников, Л. Б. Беме, А. П. Кузякин, С. У. Строганов, А. Г. Томилин и др.

Сергей Иванович Огнев скончался в Болшеве, под Москвой, 20 декабря 1951 г. Он похоронен на Пятницком кладбище в Москве. В лице этого замечательного ученого советская наука потеряла выдающегося биолога.

В заключение моего краткого очерка я позволю себе привести здесь выдержку из статей В. Г. Гептнера, одного из ближайших учеников С. И. Огнева: «Сергей Иванович живо интересовался всем окружающим. Он глубоко и искренне любил и понимал природу, особенно родную ему среднерусскую природу. Его фотографии пейзажей, всегда очень спокойные, несколько задумчивые и лирические, поистине великолепны и очень выразительно передают красоту природы Подмосковья. Так же мастерски он делал и портреты. Он очень увлекался охотой, был отличным стрелком, любил и хорошо знал охотничье оружие и имел хорошую коллекцию первоклассных ружей.

Сергей Иванович был не чужд искусства. Он очень любил оперу и вокальную музыку, знал и понимал ее. Сергей Иванович был общителен и прост. Он охотно проводил время в кругу друзей, любил шутку и смех, был остроумен в разговоре, понимал и ценил юмор. Это был оптимист с прямым и открытым характером, благожелательным и доверчивым. У него было много друзей, и все его ученики были его искренними друзьями. Это был не только большой ученый, но и поистине большой человек»<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> Гептнер В. Г. Сергей Иванович Огнев и его «Звери СССР». — См. кн.: Огнев С. И. Звери СССР и прилежащих стран. Т. IX. М., 1957, с. 1—4.

\* \* \*

Мне посчастливилось постоянно общаться с Сергеем Ивановичем в Зоологическом музее МГУ. Кроме того, мне удалось участвовать с ним в трех экспедиционных поездках — два раза в Воронежскую область и летом 1923 г. на Северный Кавказ. Кроме того, когда я работал в Астраханском государственном заповеднике, Сергей Иванович по моему приглашению дважды (в 1928 и 1929 гг.) приезжал в заповедник, и мы вместе экскурсировали на лодке по волжской дельте. Сергей Иванович с увлечением фотографировал своеобразную природу заповедника. Его особенно привлекали обширные гнездовые колонии бакланов, серых и белых цапель, кваков, колпиков и караваек. Постоянная база была на Обжоровском участке заповедника, но мы посетили также и Дамчикский участок, где фотографировали птиц и заросли лотоса.

Со дня нашего знакомства прошло более 50 лет. Воскрешая в своей памяти давно минувшее и радость общения с людьми, я всегда испытываю чувство гордости от сознания, что в числе своих учителей имел такого замечательного ученого, истинного натуралиста и зоолога, настоящего человека, каким был Сергей Иванович Огнев.

\* \* \*

В течение многих лет своей жизни я общался с орнитологами старшего поколения. Я хорошо помню наши встречи и беседы с Григорием Ивановичем Поляковым, продолжительное время изучавшим птиц Московской губернии, в прошлом издателем первого в России орнитологического журнала «Орнитологический вестник» (1910-1917).

Помню Владимира Алексеевича Хлебникова, с которым мне пришлось работать в Астраханском заповеднике. Встречался я и с В. В. Станчинским, П. В. Серебровским, С. И. Билькевичем, В. Н. Шнитниковым, Е. С. Птушенко. С Н. А. Бобринским и С. С. Туровым я имел более тесное и длительное общение. С Сергеем Сергеевичем мы когда-то охотились на глухариных и тетеревиных токах, охотились на лосей, а в 1944 г. совершили совместную экскурсию на Северный Кавказ. Несмотря на преклонный возраст, Сергей Сергеевич не оставлял научной работы в природе. Даже свой 80-летний юбилей ученый провел не в кругу семьи, не в тиши рабочего кабинета в Москве, а среди природы Дальнего Востока. Эту неугасаемую, страстную любовь к природе и научному ее познанию С. С. Туров пронес через всю свою жизнь. Какой прекрасный и яркий пример для наших молодых ученых-биологов, для юных натуралистов!

## У могилы Н. М. Пржевальского<sup>1</sup>



90 лет тому назад, 1 ноября 1888 г., в городе Караколе (ныне Пржевальск), следуя в пятое путешествие в Центральную Азию, скончался Николай Михайлович Пржевальский — великий русский путешественник, первый исследователь природы Центральной Азии. «Имя Пржевальского,— пишет Э. М. Мурзаев,— читается у нас как имя одного из самых выдающихся деятелей науки и путешественника, классика русской географии, которому нужно следовать, у которого нужно учиться, работы которого надо изучать. В истории науки есть ученые, идеи и труды которых являются целой эпохой. Проходят десятилетия, но не умирает память о них; наоборот, еще сильнее подчеркивается их величие, отвага, целеустремленность и научная страсть. К таким ученым относится и Николай Михайлович Пржевальский. Его имя вписано золотыми буквами в историю нашей науки»<sup>2</sup>.

Н. М. Пржевальский родился 31 марта 1839 г. в деревне Кимборово Смоленской губернии. Среднее образование он получил в Смоленской гимназии, по окончании которой поступил на военную службу. В 1861 г. он был зачислен в Академию генерального штаба в Петербурге и окончил ее в 1863 г. Во время пребывания в академии Пржевальский опубликовал в журнале «Коннозаводство и охота» свою первую статью «Воспоминания охотника».

В 1867 г. Пржевальский начал исследование Уссурийского края; оно продолжалось более двух лет. Это путешествие было важным этапом в дальнейшей деятельности путешественника. После Уссурийского края перед ним открылись неведомые просторы Центральной Азии. Начиная с 1870 г. Н. М. Пржевальский совершил четыре большие экспедиции, пройдя по горам и пустыням, среди величайших опасностей и лишений в общей

\*\*\*\*\*

<sup>1</sup> Некоторые материалы в этой статье заимствованы мною из работ Э. М. Мурзаева, посвященных Н. М. Пржевальскому.

<sup>2</sup> Мурзаев Э. М. Н. М. Пржевальский. М., Географгиз, 1953.

сложности более 32 тыс. км. Он изучил огромную территорию труднодоступной страны — от Памира на западе до Большого Хингана на востоке и от Алтая на севере до Тибета на юге.

Впоследствии по его стопам направились в глубь азиатских пустынь другие русские ученые. Среди них славные имена ближайших учеников и спутников Пржевальского — В. И. Роборовского и П. К. Козлова.

Путешествия Н. М. Пржевальского в Центральную Азию дали много выдающихся географических открытий и исключительные по разнообразию и богатству научные результаты. Впервые был описан климат, рельеф, растительный и животный мир огромной неведомой до того страны. Эти путешествия принесли Пржевальскому широкую славу. Еще при жизни имя его стало легендой. Академия наук выбила в честь Пржевальского золотую медаль с его портретом и надписью: «Первому исследователю природы Центральной Азии». Он получил почетные награды от научных учреждений многих иностранных государств. Замечательные книги Н. М. Пржевальского, написанные с большим талантом, имели огромный успех и были переведены на многие иностранные языки.

Надо отметить, что, помимо физической географии, Н. М. Пржевальский хорошо знал ботанику и зоологию. Особое внимание во время своих экспедиций он всегда уделял орнитологии. Вот что пишет Н. М. Пржевальский по этому поводу в своей статье «Новые виды птиц Центральной Азии»: «Одним из главных предметов специальных моих занятий при этих путешествиях были, по-прежнему, орнитологические исследования, доставившие в общей сумме значительную массу наблюдений над птицами столь обширной и орнитологам почти вовсе неизвестной части Азиатского материка. Всего здесь найдено мною до сих пор около 430 видов пернатых. За все четыре путешествия нами собрано около 5000 экземпляров птиц, и эта коллекция передана в Музей Академии наук»<sup>3</sup>.

Впервые для науки им были открыты такие замечательные виды птиц, как черношейный журавль, элегантная синичка (*Lerporoecile elegans* Przew.) и некоторые другие. За время своих путешествий Н. М. Пржевальский собрал огромный материал по зоологии, ботанике, метеорологии и климатологии Центральной Азии и Уссурийского края. Этот материал до сих пор является источником исследований для советских ученых.

В 1888 г. Н. М. Пржевальский отправился в пятую экспедицию. Это был последний путь великого путешественника. Неожиданная смерть помешала ему осуществить новые исследования в Центральной Азии.

<sup>3</sup> Записки Академии наук, 1887, т. 55.



Памятник Н. М. Пржевальскому на берегу озера Иссык-Куль

90 лет назад, в день похорон, залпы орудий разнесли печальную весть далеко по озеру и окрестным горам. Могила Н. М. Пржевальского находится на берегу озера Иссык-Куль. Гранитный памятник венчает бронзовый орел — символ мужества, отваги и смелости. Много людей посещают эту могилу; стоят, обнажив головы, перед холмом, под которым покоится прах легендарного путешественника, великого сына русского народа.

Пройдут века, но эта одинокая могила на рубеже нашего государства останется для грядущих поколений символом беззаветного служения Родине и науке.



## *Послесловие*

«Высшее дело зоологов русских есть ревностное изучение фауны отечества». В этих торжественных словах, сказанных на изысканной латыни, знаменитый казанский зоолог Э. А. Эверсманн почти полтора столетия назад сформулировал главную задачу ученых того времени. С тех пор в зоологии многое изменилось. Создавались и развивались новые направления, намечаются или уже бурно растут они и в наше время. По-разному смотрят сейчас специалисты и на «высшее дело» зоологов. Но то, что завещал русским зоологам Эверсманн и чему он сам был верен всю жизнь, остается неизменно живым и как научная и как патриотическая задача. Какие бы ветви ни выросли на древе нашей зоологии, по каким бы путям ни следовали зоологи, среди них всегда есть много таких, которые «ревностно изучают фауну отечества».

Автор этой книги Константин Александрович Воробьев родился в Москве, в семье, где не было биологических интересов и традиций, и тем не менее уже в юношеские годы он сложился как зоолог, и именно как орнитолог. Этому призванию Константин Александрович остался верен всю жизнь. Он и сейчас работает прежде всего как орнитолог-фаунист. Именно фаунистические и зоогеографические работы принесли ему ту известность и признание, которыми он пользуется в нашей стране и за рубежом.

В 1919 г. Константин Александрович поступил на естественное отделение физико-математического факультета (позже биологический факультет) Московского университета на кафедру блестящего ученого и педагога профессора Г. А. Кожевникова. Кафедра эта в то время составляла единое целое с Зоологическим музеем.

Начало 20-х годов в Московском университете было замечательным временем. Среди биологов, кроме профессора Г. А. Кожевникова, там работали профессоры М. А. Мензбир, А. И. Северцов, А. П. Павлов (впоследствии ставшие академиками), Б. М. Житков, Н. К. Кольцов, М. В. Павлова (палеонтология) и многие другие выдающиеся ученые. В те годы за лабораторные столы Зоологического музея, пустовавшие все годы первой мировой и гражданской войн, село сразу более 20 молодых людей. Среди этих энтузиастов были люди разных интересов, но

особенно много было студентов, интересующихся систематикой и биологией птиц и млекопитающих. Среди них Л. Б. Беме, рано умерший талантливый орнитолог О. А. Харузин, Л. А. Портенко, А. Н. Формозов, В. Г. Гептнер, Е. П. Спангенберг, Н. М. Дукельская, П. В. Терентьев, Н. В. Шибанов, К. К. Флеров и другие, из которых многих уже нет в живых. Вся эта молодежь группировалась вокруг выдающегося зоолога С. И. Огнева, который тогда был ассистентом профессора Г. А. Кожевникова. Константин Александрович Воробьев стал одним из ближайших учеников С. И. Огнева, и искренняя дружба соединяла их всю жизнь.

К. А. Воробьев закончил университет в 1925 г., но его исследования начались гораздо раньше. С 1919 г. вместе с автором этих строк он начал заниматься изучением птиц Московской губернии и вел эти исследования несколько лет. Три лета он провел в экспедициях С. И. Огнева в Воронежской губернии и на Северном Кавказе.

В студенческие годы опубликованы и первые научные статьи Константина Александровича, а также известная книга «Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии», в которой он, тогда еще студент, принимал участие как соавтор С. И. Огнева.

В течение своей научной деятельности К. А. Воробьев был связан с рядом заповедников (Астраханский, Гассанкулийский, Приволжско-Дубненский), а также с Дальневосточным и Якутским филиалами Академии наук СССР и некоторыми другими учреждениями.

Большую часть времени за 50 лет своей исследовательской деятельности Константин Александрович провел в путешествиях, причем часто в весьма трудных и суровых условиях. Его заслуги в изучении фауны отечества трудно переоценить.

Экспедиционные маршруты Константина Александровича охватили самые разнообразные области и ландшафты нашей страны. В Туркмении он работал от Каспийского побережья на западе до Кугитанга на востоке — в Копет-Даге, Бадхызе, Каракумах, на Мургабе, Атреке и Теджене, в верховьях Амударьи. На Дальнем Востоке он исследовал Уссурийский край от корейской границы на юге до низовья Амура на севере. Большие экспедиционные маршруты были проложены К. А. Воробьевым в Якутии — от ее крайнего юга до побережья Ледовитого океана. Исследованы Алдано-Учурский хребет, Олёкмо-Чарское нагорье, Приколымская и Яно-Индигирская тундры, хребты Черского и Верхоянский, низовья реки Алазеи и другие области этой огромной страны. Кроме того, Константин Александрович изучал орнитофауну Гиссарского хребта, Заилийского Алатау, Северного Кавказа, дельты Волги и прилежащих степей, а также Средней России (Московская, Костромская, Ярославская и Воронежская области). В некоторых местах, например в Туркмении, Якутии и Уссурийском крае, исследования длились по несколько лет. Впе-

чатления, вынесенные автором из многих экспедиций, читатель встретит на страницах этой книги.

В 1955 г. Зоологический институт Академии наук СССР за диссертацию «Орнитологическая фауна Уссурийского края и ее зоогеографический анализ» присудил Константину Александровичу ученую степень доктора биологических наук.

Все научные работы К. А. Воробьева насыщены фактическим материалом, причем материалом всегда оригинальным и достоверным. Это касается как чисто фаунистических данных, так и тех зоогеографических выводов, которые на них основаны.

Таковы, например, соображения о пустынных видах в астраханских степях, об индо-гималайских влияниях на фауну Средней Азии, о структуре и формировании орнитофауны Якутии, о происхождении уссурийской орнитофауны и некоторые другие данные.

Большой известностью пользуются и особую ценность представляют две капитальные монографии Константина Александровича: «Птицы Уссурийского края», изданная АН СССР в 1954 г., и «Птицы Якутии», вышедшая тоже в академическом издании в 1963 г. Первая из этих книг удостоена премии Президиума АН СССР и в 1966 г. издана в Японии. Эти книги К. А. Воробьева вошли в золотой фонд международной орнитологии. Наравне с монографией французского зоолога Делакура о птицах Индо-Китая и исследованием ленинградского орнитолога Л. А. Портенко по орнитофауне Крайнего Северо-Востока Сибири «Фауна Анадырского края», «Птицы Уссурийского края» и «Птицы Якутии» — основополагающие работы для всей Восточной Азии и стран, лежащих дальше к югу. Так, эти книги вызвали интерес даже у австралийских орнитологов.

Имя Константина Александровича как выдающегося орнитолога хорошо известно и за границей. Ряд его работ по орнитологии и зоогеографии опубликован в журналах Германии (1929—1931), Венгрии, Франции и Англии.

Названные книги и вообще фаунистические работы Константина Александровича представляют интерес и в ином отношении. Они показывают, как мало мы знаем нашу фауну даже «хорошо изученных» птиц и насколько нужны такие исследования. Его позиция в этом смысле всегда была последовательна, какие бы «ученые моды» ни пытались поставить под сомнение ценность фаунистических исследований.

Огромный опыт работы в разнообразной природной обстановке, накопленный с юношеских лет в тундре и пустыне, в высокогорье и тайге, в Подмосковье и уссурийских лесах, сделал из Константина Александровича полевого исследователя с изощренной наблюдательностью. С ружьем, биноклем и фотоаппаратом, без суеты и торопливости, спокойно бродит он целыми днями, удивляя своим упорством и выносливостью. К. А. Воробьев стреляет мало — в нем нет азарта орнитолога-стрелка, но ружьем он

владеет уверенно, идет ли речь о глухаре на току в костромских лесах или о белогрудом медведе в уссурийской тайге.

Из своего опыта и впечатлений Константин Александрович включил в «Записки орнитолога» сравнительно очень немного, во всяком случае далеко не все, что могло бы быть интересным для широкого круга читателей. И тем не менее читатель находит в них большой познавательный материал и постоянно чувствует любовь автора к природе. Не может читатель не заметить целеустремленности автора и его настойчивости, подчас упорства исследователя в достижении поставленной цели. Можно напомнить, чтобы найти гнезда и изучить биологию размножения индийского сорокопута-жулана, К. А. Воробьев совершил специальную поездку на крайний юг Туркмении, где в фисташковых рощах на границе с Афганистаном и находит впервые в Советском Союзе гнезда этого интересного вида. Он впервые установил ареалы и изучил биологию замечательных эндемиков — белого журавля и острохвостого песочника и некоторых других видов. Для этого ему пришлось проделать четыре экспедиции в тундру Якутии. И так, из года в год, на протяжении 50 лет добывался материал, обогащающий нашу орнитологическую науку.

«Записки орнитолога» — книга не только о нашей природе и наших птицах, но и о тех людях, которые без шума и рекламы ее изучают, и об их труде — нелегком, подчас небезопасном.

Научная деятельность Константина Александровича охватывает полстолетия. За плодотворное изучение фауны Советского Союза он в 1964 г. был удостоен почетного звания — заслуженного деятеля науки.

Несмотря на свой солидный возраст, Константин Александрович и сейчас методически работает не только за письменным столом и в музее, но и с юношеским увлечением продолжает полевые исследования даже в высокогорье Тянь-Шаня.

Профессор *В. Г. Гентнер*

## Литература

- Абдусаломов И. А.* Птицы горного Зеравшана. Душанбе, Изд-во АН Тадж. ССР, 1964.
- Абдусаломов И. А.* Фауна Таджикской ССР. Птицы, ч. 1, 1971; ч. 2, 1973. Душанбе, Изд-во АН Тадж. ССР.
- Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей СССР, т. I. Птицы. Под редакцией А. Я. Тугаринова и Л. А. Портенко. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- Белопольский Л. О.* Экология морских колониальных птиц Баренцева моря. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957.
- Бёме Р. Л.* Птицы гор южной Палеарктики. М., Изд-во МГУ, 1975.
- Биология птиц. Сборник. М.—Л., «Наука», 1966.
- Биология лесных птиц и зверей. Под общей ред. Г. А. Новикова. М., Изд-во «Высшая школа», 1975.
- Буруля А.* Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири. СПб., 1907.
- Бобринский Н. А.* Животный мир и природа СССР. М., «Наука», 1967.
- Воробьев К. А.* Птицы Уссурийского края. М., Изд-во АН СССР, 1954.
- Воробьев К. А.* Птицы Якутии. М., Изд-во АН СССР, 1963.
- Ганзак Я.* Иллюстрированная энциклопедия птиц. Прага, изд-во «Артия», 1974.
- Гептнер В. Г.* Фауна позвоночных животных Бадхыза. Ашхабад, Изд-во АН Туркм. ССР, 1956.
- Гизенко А. И.* Птицы Сахалинской области. М., Изд-во АН СССР, 1955.
- Голованова Э. Н., Пукинский Ю. Б.* Птицы заботы. Лениздат, 1967.
- Голованова Э. Н., Пукинский Ю. В.* Путешествие в мир птиц. Лениздат, 1971.
- Дементьев Г. П.* Птицы Туркменистана. Ашхабад, Изд-во АН Туркм. ССР, 1952.
- Дементьев Г. П.* Птицы нашей страны. М., Изд-во МГУ, 1962.
- Долгушин И. А., Гаурин В. Ф.* и др. Птицы Казахстана. Т. I—V. Алма-Ата, 1960—1974.
- Дорст Ж.* До того как умрет природа. М., «Прогресс», 1968.
- Зарудный Н. А.* Орнитологическая фауна Закаспийского края. Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Вып. 2. М., 1896.
- Зарудный Н. А.* Птицы Восточной Персии.— Зап. Русского географ. общ., 1903, т. XXXVI.
- Захидов Т. З., Мекленбурцев Р. Н.* Природа и животный мир Средней Азии. Ташкент, т. I, 1969; т. II, 1971.
- Зедлаг У.* Животный мир Земли. М., «Мир», 1975.
- Иванов А. И.* Птицы Памиро-Алая. Л., «Наука», 1969.
- Иванов А. И.* Каталог птиц СССР. Л., «Наука», 1976.
- Иванов А. И., Козлов Е. В., Портенко Л. А., Тугаринов А. Я.* Птицы СССР, ч. I—II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951-1953.
- Иванов А. И., Штегман Б. К.* Краткий определитель птиц СССР. «Наука», 1964.
- Карташев Н. Н.* Систематика птиц. М., «Высшая школа», 1974.
- Кириков С. В.* Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала. М., Изд-во АН СССР, 1952.
- Кищинский А. А.* Птицы Колымского нагорья. М., «Наука», 1968.
- Ковшарь А. Ф.* Птицы Таласского Алатау. Алма-Ата, 1966.
- Козлова Е. В.* Птицы Юго-Западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби. М., Изд-во АН СССР, 1930.
- Козлова Е. В.* Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии. Л., «Наука», 1975.

- Ляйстер А. Ф., Соснин Г. В.* Материалы по орнитофауне Армянской ССР. Ереван, 1942.
- Мальчевский А. С.* Гнездовая жизнь певчих птиц. Л., Изд-во ЛГУ, 1959.
- Мальчевский А. С., Голованова Э. Н., Пукинский Ю. Б.* Птицы перед микрофоном и фотоаппаратом. Л., Изд-во ЛГУ, 1972.
- Мензбир М. А.* Птицы. М., Изд-во Брокгауз — Ефрон, 1904—1909.
- Михеев А. В.* Биология птиц. М., Учпедгиз, 1960.
- Нейл У.* География жизни. М., «Прогресс», 1973.
- Нейфельдт И. А.* Пуховые птенцы некоторых азиатских птиц. Орнитологический сборник. Л., «Наука», 1970.
- Нечаев В. А.* Птицы южных Курильских островов. Л., «Наука», 1969.
- Огнев С. И.* Жизнь леса. М., Изд-во АН СССР, 1962.
- Орнитология. М., вып. I—II. Изд-во МГУ, 1958—1974.
- Панов Е. Н.* Птицы Южного Приморья. Новосибирск, «Наука», 1973.
- Питерсон Р.* Птицы. М., «Мир», 1973.
- Портенко Л. А.* Фауна птиц внеполярной части Северного Урала. М., Изд-во АН СССР, 1937.
- Портенко Л. А.* Птицы СССР, ч. III—IV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954—1960.
- Портенко Л. А.* Полезные и вредные птицы. М., Изд-во АН СССР, 1957.
- Портенко Л. А.* Птицы Чукотского полуострова и острова Врангеля. Ч. I, 1972; ч. II, 1973. Л., «Наука».
- Промтов А. Н.* Сезонные миграции птиц. М., Изд-во АН СССР, 1941.
- Промтов А. Н.* Птицы в природе. М., Учпедгиз, 1960.
- Птицы Советского Союза, т. I—VI. Под ред. Г. П. Деметьева и Н. А. Гладкова. М., Изд-во «Советская наука», 1951—1954.
- Пушненко Е. С., Иноземцев А. А.* Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий. М., Изд-во МГУ, 1968.
- Пукинский Ю. Б.* По таяющей реке Бикин. М., Изд-во «Мысль», 1975.
- Рустамов А. К.* Птицы пустыни Кара-Кум. Ашхабад. Изд-во АН Туркм. ССР, 1954.
- Рустамов А. К.* Птицы Туркменистана. Ашхабад. Изд-во АН Туркм. ССР, 1958.
- Северцов Н. А.* Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных. М., Изд-во АН СССР, 1953.
- Спурис З. и Шмит В.* Птичий заповедник. Рига, Латвийское изд-во, 1962.
- Степанян Л. С.* Состав и распределение птиц фауны СССР. М., «Наука», 1975.
- Страутман Ф. И.* Птицы Советских Карпат. Киев, Изд-во АН УССР, 1954.
- Страутман Ф. И.* Птицы западных областей УССР. Т. 1—2. Львов, Изд-во Львовского университета, 1963.
- Сушкин П. П.* Птицы Средней Киргизской степи.— Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи, 1908, выи. 8.
- Сушкин П. П.* Птицы Минусинского края, Западного Саяна и Урянхайской земли.— Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи, 1914, вып. 13.
- Сушкин П. П.* Птицы Советского Алтая. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938.
- Туров С. С.* Жизнь птиц. М., Изд-во МОИП, 1950.
- Успенский С. М.* Птицы Советской Арктики. М., Изд-во АН СССР, 1958.
- Фарб П.* Популярная экология. М., «Мир», 1971.
- Федюшин А. В., Долбик М. С.* Птицы Белоруссии. Минск, 1967.
- Флинт В. Е., Беме Р. Л., Костин Ю. В., Кузнецов А. А.* Птицы СССР. М., «Мысль», 1968.
- Хейнрот О.* Из жизни птиц. М., ИЛ, 1947.
- Шнитников В. Н.* Птицы Семиречья. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
- Штегман Б. К.* Дневные хищники. Фауна СССР. Т. I, вып. 5. Птицы. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.
- Штегман Б. К.* Основы орнитогеографического деления Палеарктики. Фауна СССР. Птицы. Т. I, вып. 2. Изд-во АН СССР, 1938.
- Шулъпин Л. М.* Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья. Владивосток, 1936.
- Янушевич А. И.* Птицы Киргизии. Т. 1—3. Фрунзе, Изд-во АН Киргизской ССР, 1959—1961.

# ИЛЛЮСТРАЦИИ

Орнитологический отряд Якутского  
филиала Академии наук СССР.  
Хребет Черского, 7 июля 1958 г.

На оленях по якутской тайге.





Гнездо кукши, найденное 16 апреля  
1959 г. в якутской тайге.

Гнездо вальдшнепа с кладкой яиц.



Вальдшнеп садится на гнездо.

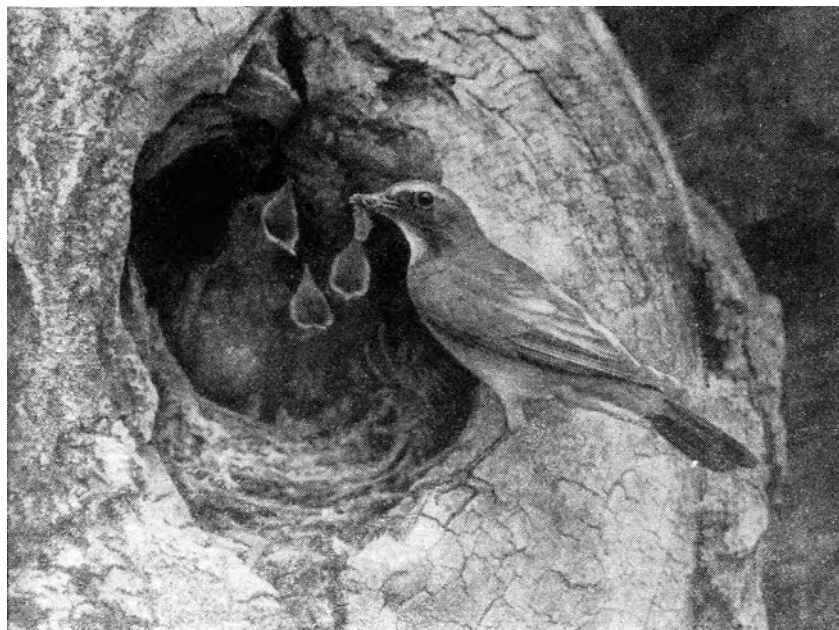
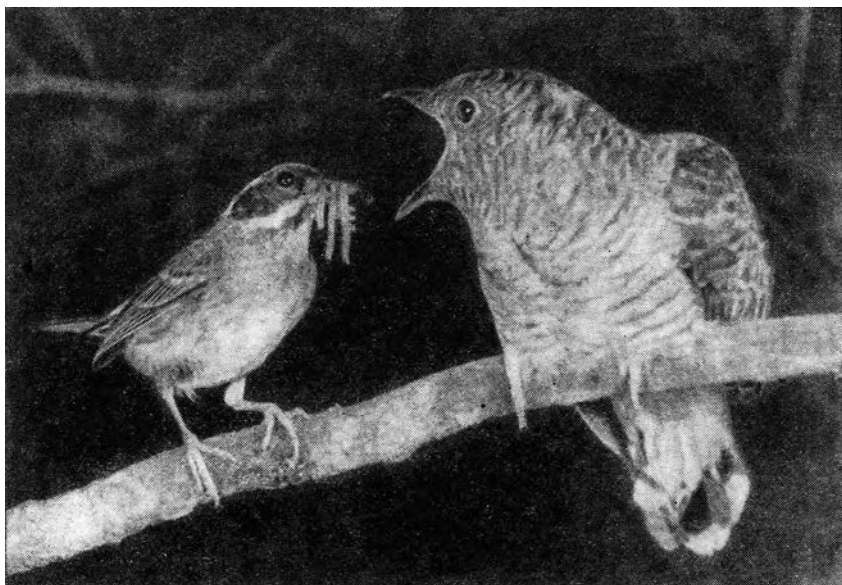


Весной на утренней заре токует глухарь.



Тажная овсянка подлетела с кормом для кукушонка.

Белогорлый соловей подлетел с добычей к гнезду.







В гнезде зарянки семь голодных птенцов требуют пищи.

Степной орел на гнезде. Очень много труда надо положить родителям, чтобы маленький птенец превратился в могучую птицу.



Тянь-Шань, Заилийский Алатау.  
Верхняя граница леса.

Заилийский Алатау (2700 м над уровнем моря). На этих склонах обитают арчевые чечевицы, черногрудые красношейки, расписные синички, индийские пеночки.



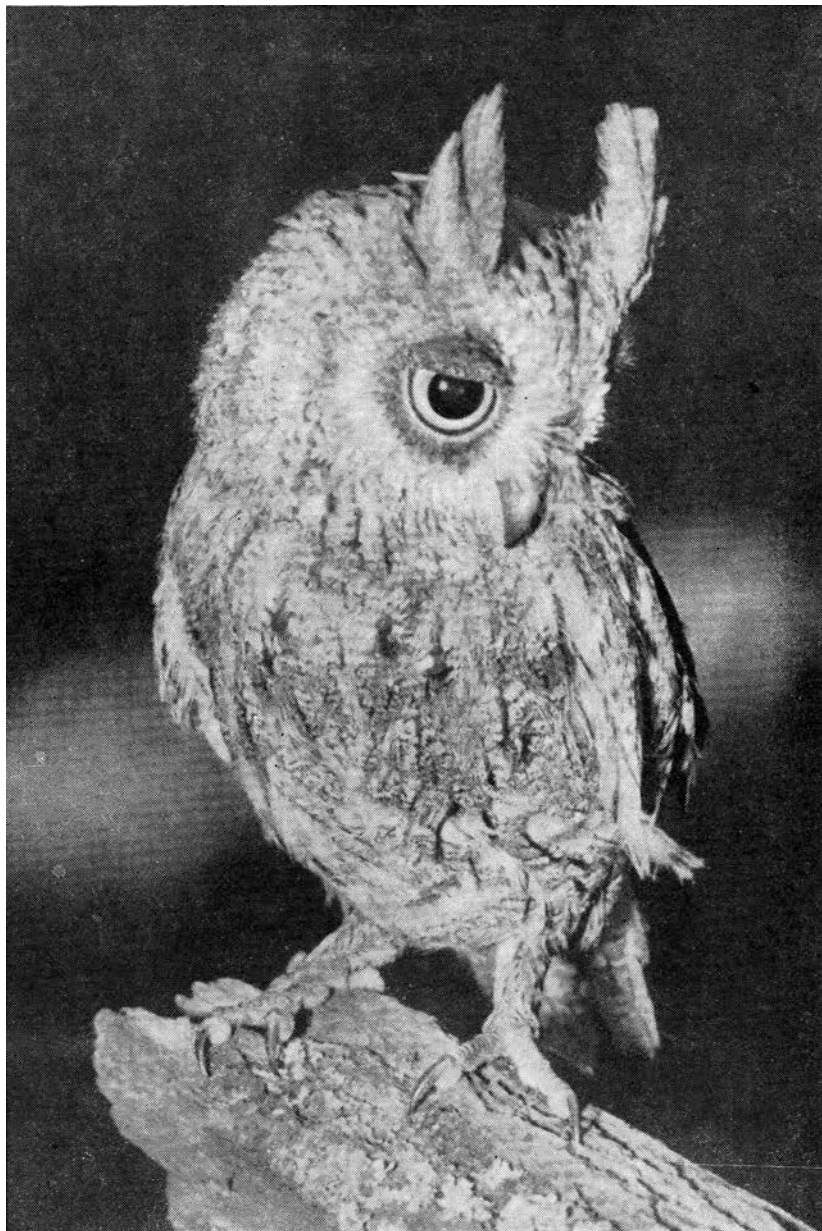


Семья арчевых дубоносов.

Черногрудая красношейка принесла  
ящерицу для своих птенцов.

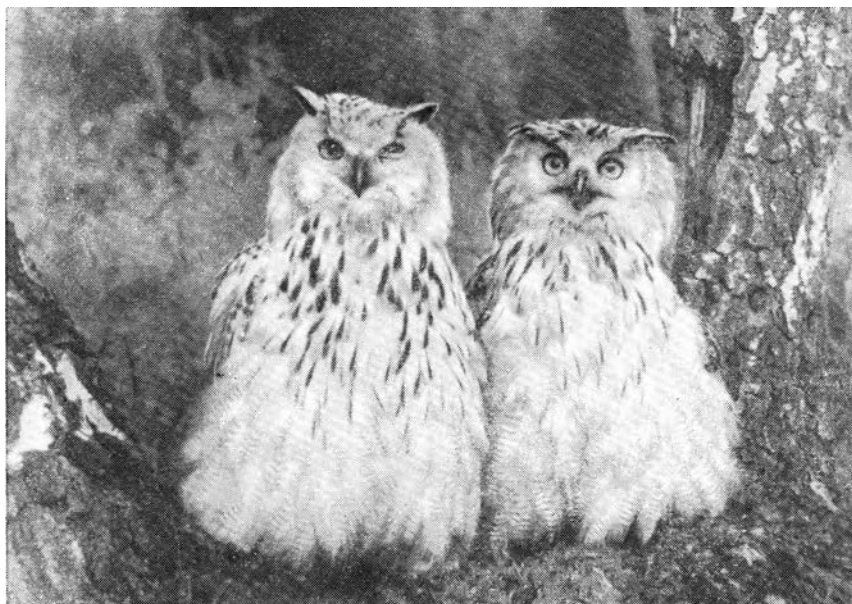


Совка, обитающая в уссурийских лесах.  
Нам часто приходилось слышать ее  
мелодичный посвист.



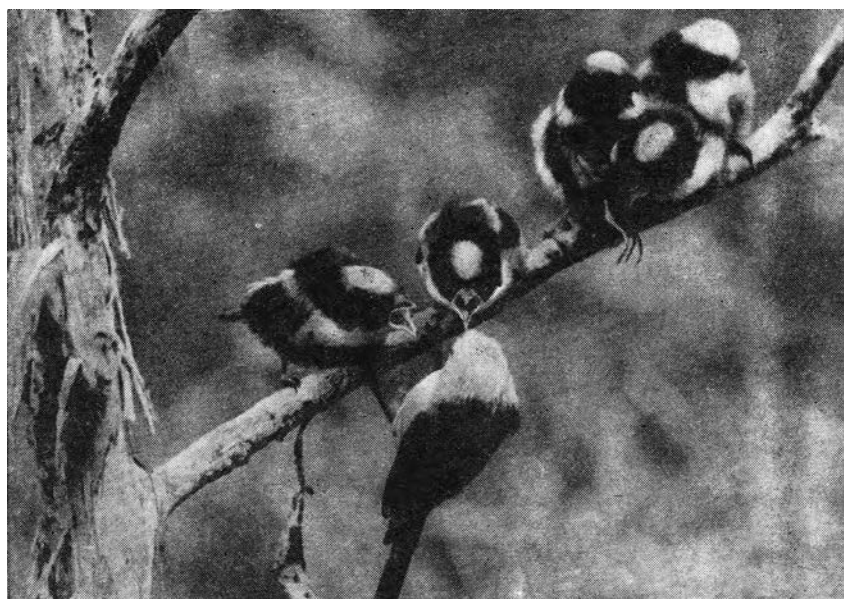
Встретить в глухом лесу молодых филинов — большая удача для орнитолога.

Пройдет еще несколько дней, и молодые пустельги покинут гнездо.



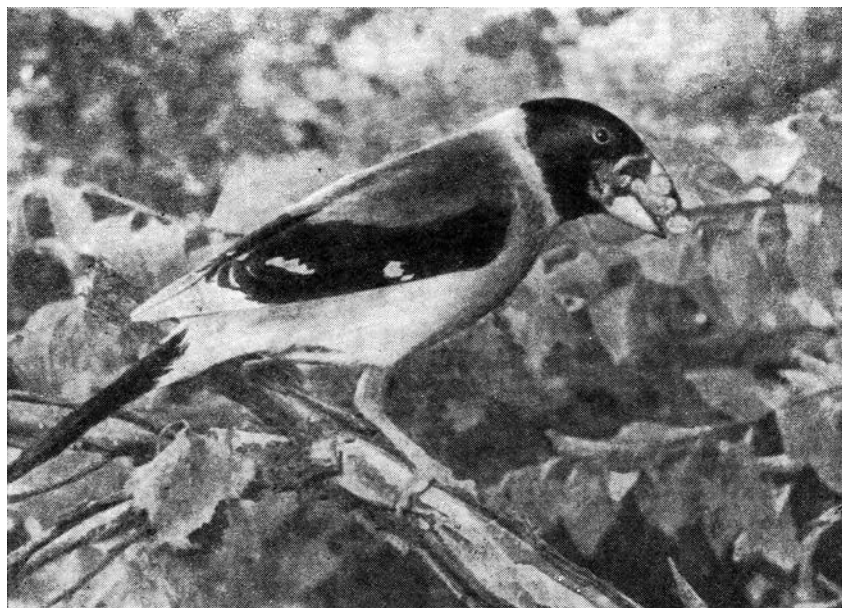
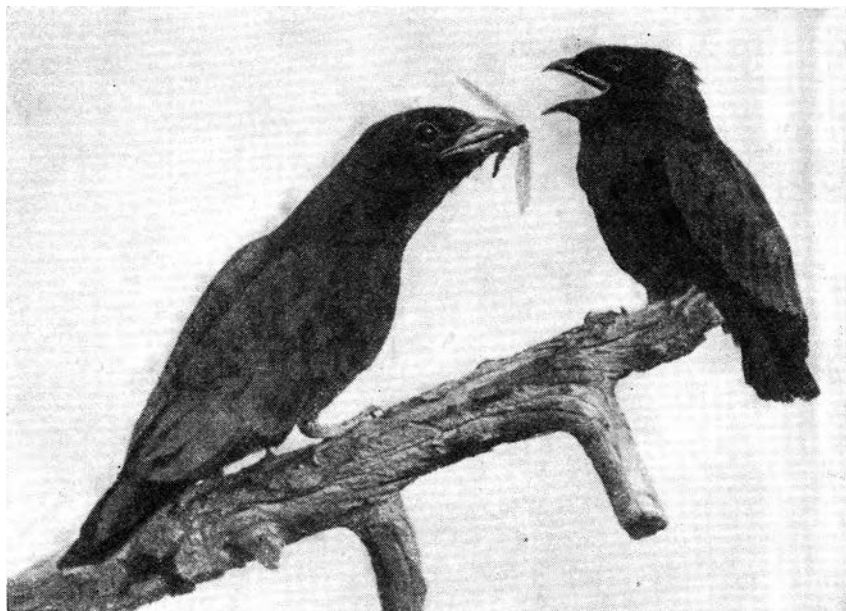
Длиннохвостая синица у гнезда с птенцами. Гнездо покрыто лишайником и трудноотлично от ствола дерева.

Птенцы длиннохвостой синицы покинули гнездо, но родители еще довольно долго кормят их.

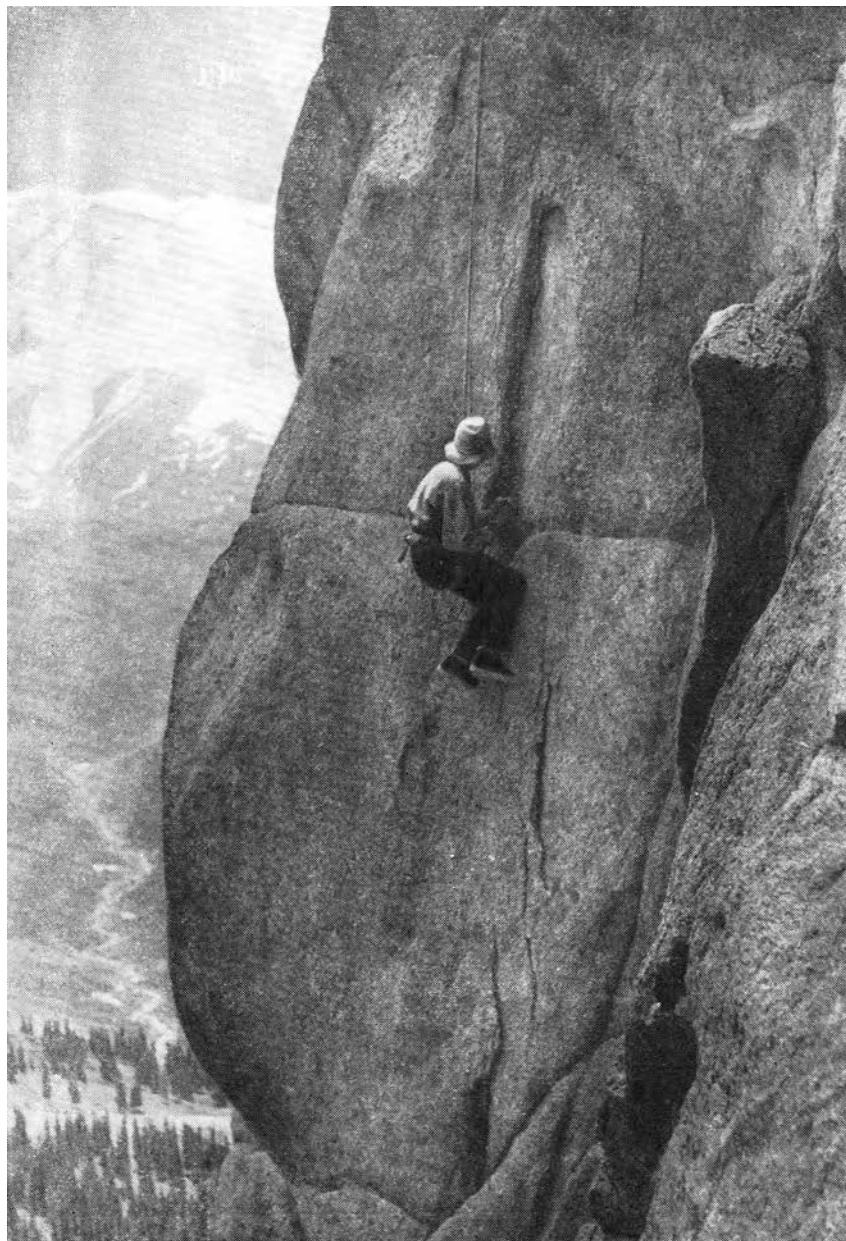


Восточный широкорот выкармливает птенцов, уже вылетевших из гнезда.

Малый черноголовый дубонос с кормом для птенцов.

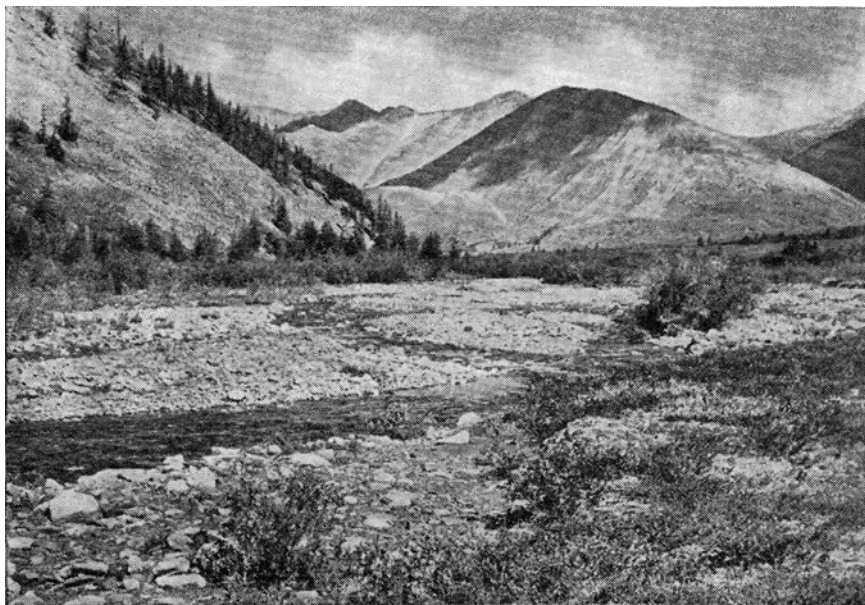


Нелегко даются некоторые орнитологические открытия. В таком положении иногда приходится работать часами



Хребет Черского. Здесь мы нашли  
гнездовье пепельных улитов.

Белая куропатка на гнезде. Сидящую  
птицу трудно заметить не только  
в тундре, но даже и на фотографии.







Здесь, в бассейне реки Бикин (Уссурийский край) гнездятся черные журавли

Первый самостоятельный раздел добычи. Самка ястребиного сарыча внимательно наблюдает за птенцами.



Выводок пеночки-теньковки.

Крапивник подлетел к гнезду с кормом для птенцов.



Сойкам надо очень хорошо «поработать», чтобы прокормить подобную семейку.



Пегий лунь — самый красивый  
из всех наших луней.

Пуховой птенец хрустана. Не пройдет и  
двух месяцев, как этот крохотный пу-  
шистый комочек станет взрослой пти-  
цей и полетит с Крайнего Севера на зи-  
мовку в Иран или Северную Африку.



Ошейниковая овсянка у гнезда. Началась горячая пора — надо кормить семью.

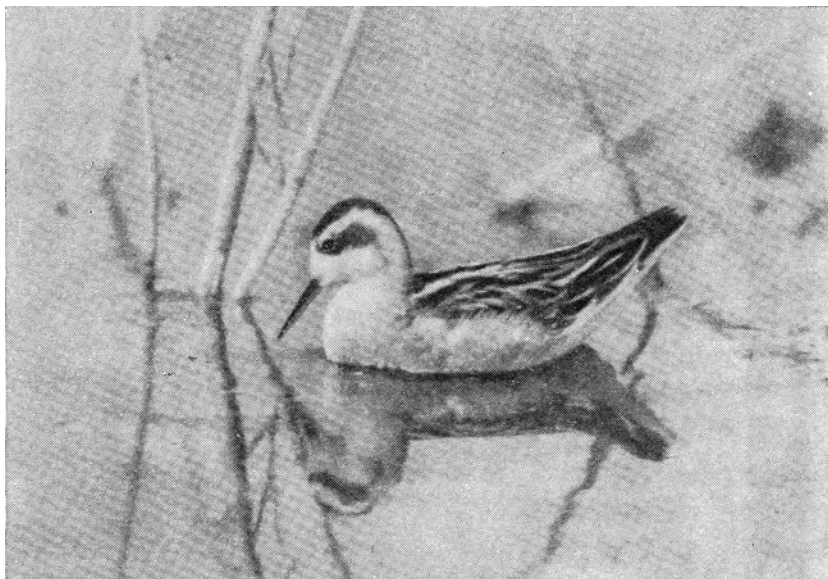


Соловей-свистун у гнезда. Его песня  
очень своеобразна — она напоминает  
тихое ржание жеребенка.



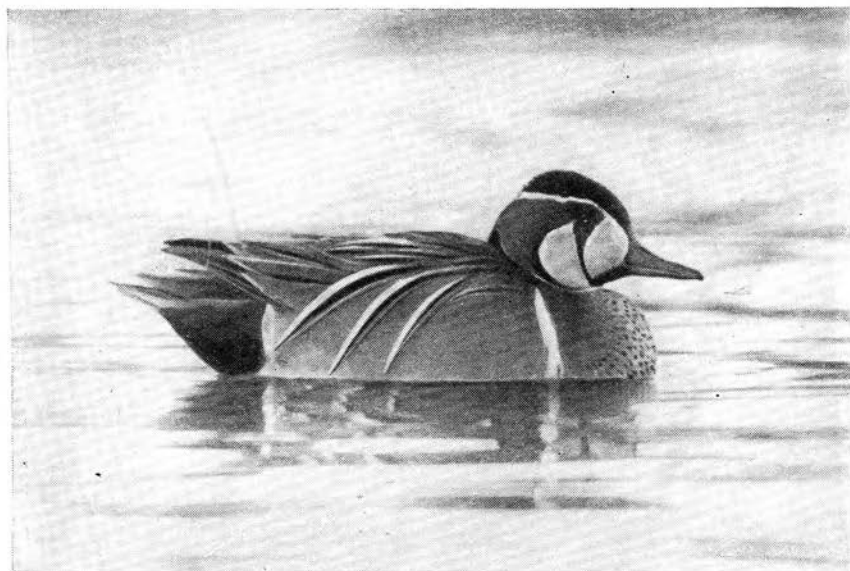
Круглоносый плавунчик. Биологическая особенность плавунчиков в том, что высиживание яиц и дальнейшая забота о потомстве лежит только на самцах.

Каменный глухарь (самка) на гнезде.



Птенцы рыбного филина. Эта замечательная птица обитает в Уссурийском крае.

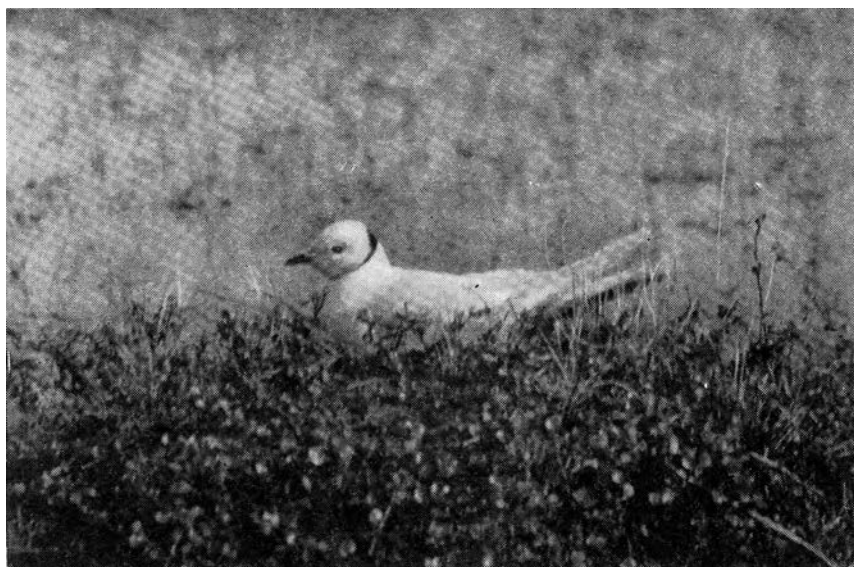
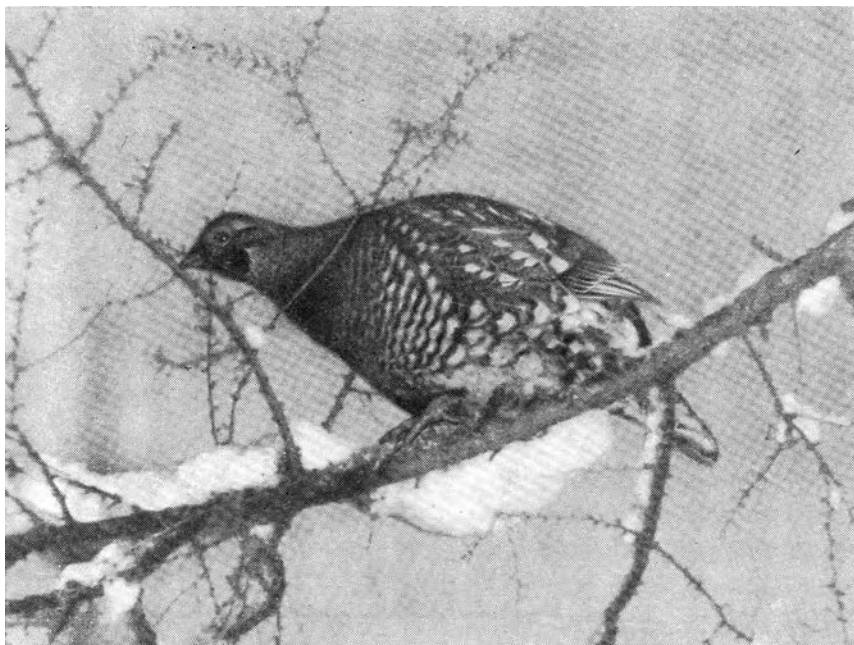
Утка-клокун. Весной на пролете на озере Ханка встречаются большие стаи этих красивых птиц, они гнездятся у нас на Севере.





Дикуша. Эта птица населяет тайгу от Юго-Восточной Якутии и Охотского побережья до бассейна Амура, Уссурийского края и Сахалина.

Розовая чайка на гнезде.



Гнездо сибирской гаги в приморской тундре, в низовье реки Коньковой.

Озерная лягушка заглатывает птенца белошейной крачки. Дельта Волги.

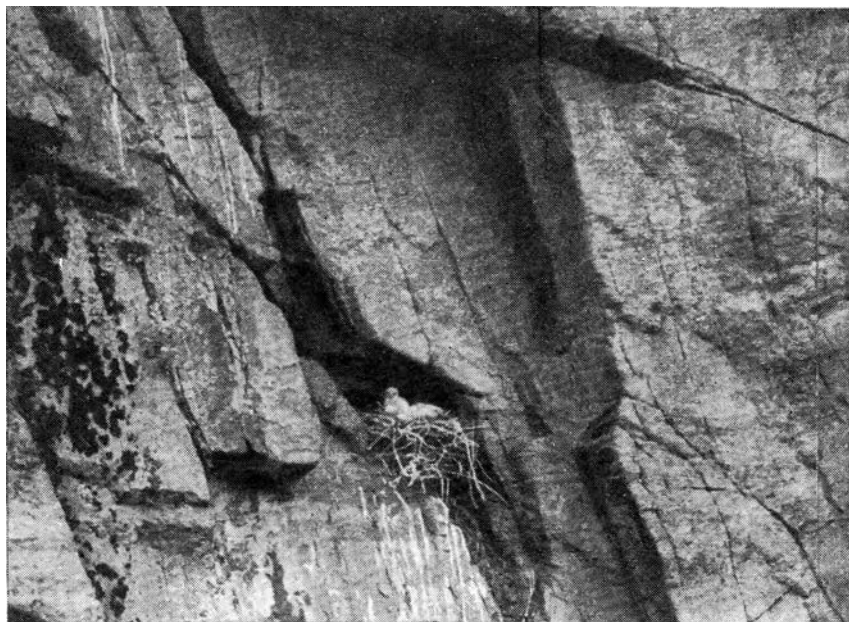


Большой подорлик подлетел с добычей к гнезду.



Гнездо кречета с птенцами, расположенное в скалистом речном обрыве. Кольский полуостров.

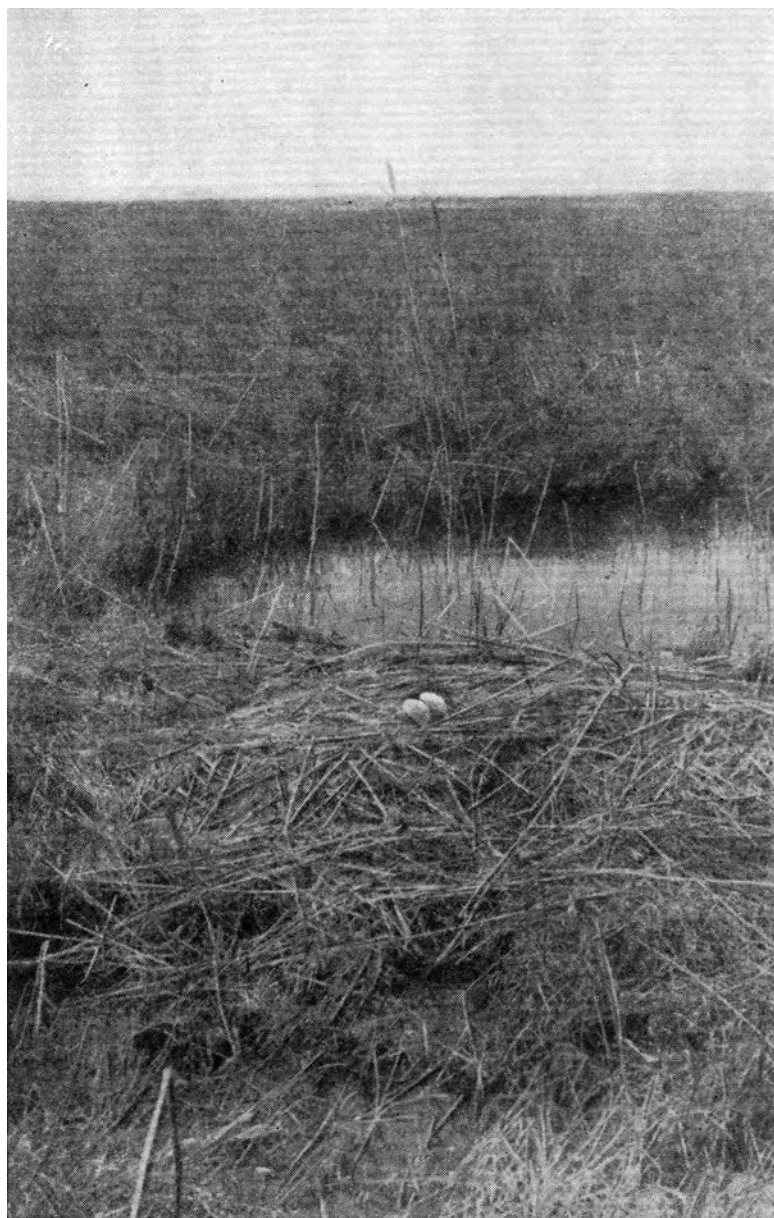
Гнездо стерха, впервые найденное орнитологами. Якутия, междуречье Хромы и Индигирки.



Бородатая неясыть с птенцами. В это время она очень энергично защищает свое гнездо, смело нападая даже на человека.

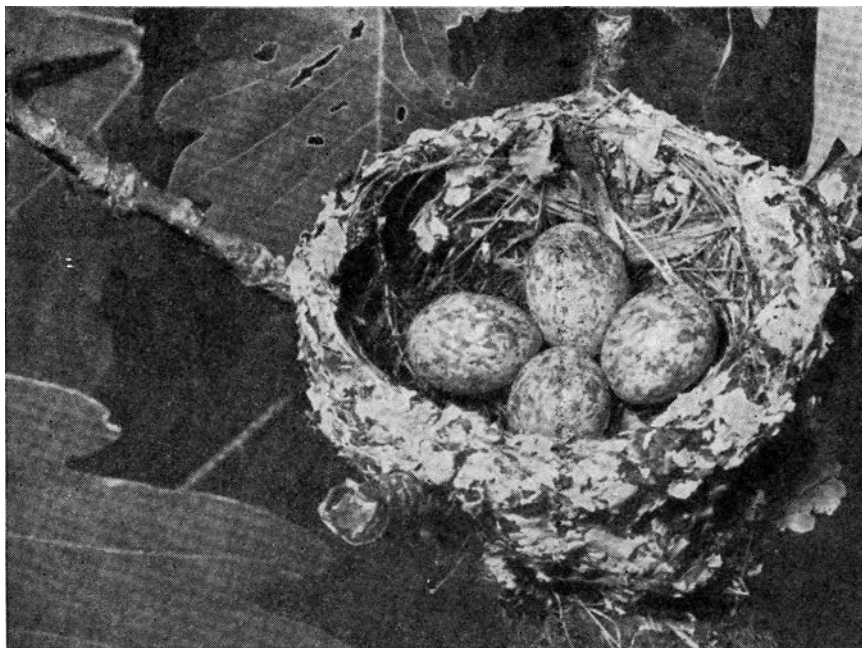


Гнездо уссурийского журавля  
в Приханкайской низменности.



Усурийские журавли в Приханкайской  
низменности.

Гнездо личинкоеда весьма своеобразно:  
наружные стенки его покрыты светлым  
лишайником.



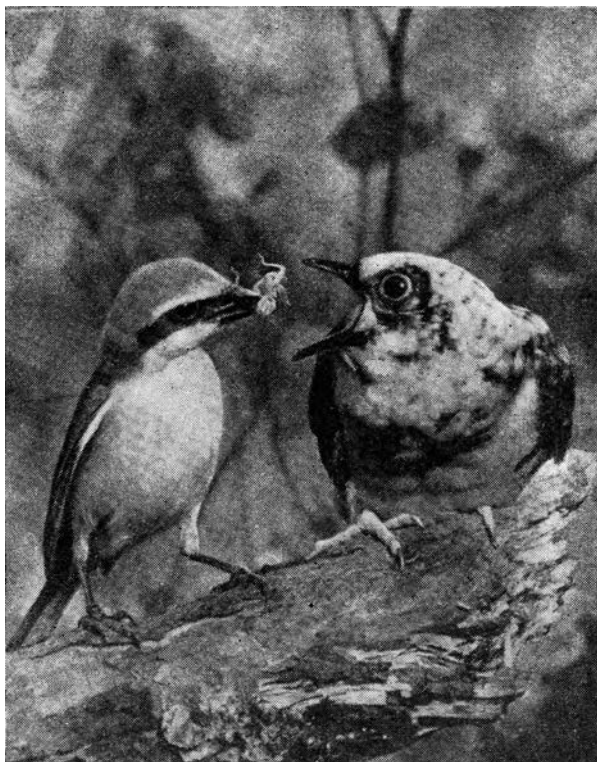
Скопа на гнезде. Добычей этого хищника является главным образом рыба.





Синяя мухоловка (самка) у гнезда.

Сибирский сорокопут выкармливает птенца индийской кукушки. Кукушонку 18 дней.







Уссурийская камышевка у гнезда.  
Эта скромно окрашенная птичка  
обладает изумительным голосом.



Соловьи. Самец принес корм и передает его самке.



Соловей-красношейка добыл корм  
для птенцов.



Сизый дрозд — наиболее характерный вид из всех дроздов Уссурийского края.



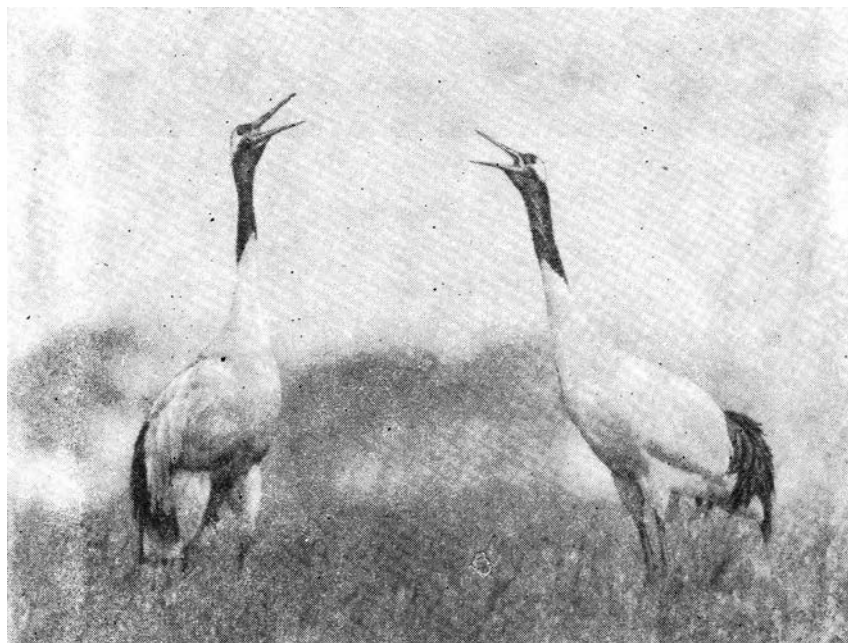
Мохноногий сыч широко распространен,  
но биология его изучена еще далеко  
не полно.





Большой острокрылый дятел подлетел с кормом к дуплу.

Уссурийский журавль — одна из замечательных птиц Приморья.



В гнезде дубоноса появились птенцы.



Ястребиный сарыч — характерный хищник Уссурийского края.



## Содержание

<i>Жизнь, посвященная птицам</i> .....	5
<i>От автора</i> .....	7

### *Исследования в Центральной части Советского Союза и в дельте Волги*

<i>Моя первая экспедиция</i> .....	18
<i>В ярославских лесах</i> .....	22
<i>В дельте Волги</i> .....	27

### *В горах и пустынях Средней Азии*

<i>По разливам Атрека и в ущелье Ай-Дере (Копетдаг)</i> .....	36
<i>В заповедном Бадхызе</i> .....	45
<i>В тугаях Теждена</i> .....	52
<i>Поездка на Тянь-Шань</i> .....	55

### *На Дальнем Востоке. Уссурийский край*

<i>В горах Сихотэ-Алиня</i> .....	61
<i>Пролет куликов в Южном Приморье</i> .....	66
<i>На озерах Южного Приморья</i> .....	71

### *Экспедиции в Якутии*

<i>К вершинам Алдано-Учурского хребта</i> .....	75
<i>В стране белых журавлей и розовых чаек</i> .....	81

### *Страницы экспедиционных дневников*

<i>Южноуссурийский край</i> .....	99
<i>Якутия. Олёкмо-Чарское нагорье</i> .....	103
<i>Фактория Становая в тундре на реке Коньковой</i> .....	105

## *Рассказы орнитолога*

К биологии размножения птиц .....	110
Зимнее гнездование птиц .....	125
Интересные гнезда .....	129
Новые виды птиц в фауне Советского Союза .....	147
Эндемики Советского Союза .....	150
Некоторые особенности географического распространения птиц.....	161
В дни перелета .....	165
Журавли .....	168
Несколько слов об охране природы.....	170
В Зоологическом музее .....	173

## *Орнитологи старшего поколения*

Михаил Александрович Мензбир (1855-1935).....	179
Сергей Александрович Бутурлин (1872—1938) .....	183
Петр Петрович Сушкин (1868—1928).....	185
Николай Алексеевич Зарудный (1859—1919) .....	188
Аркадий Яковлевич Тугаринов (1880—1948) .....	193
Сергей Иванович Огнев (1886—1951) .....	195
У могилы Н. М. Пржевальского.....	199
<i>Послесловие</i> .....	203
<i>Литература</i> .....	207
<i>Иллюстрации</i> .....	209

**Константин Александрович  
Воробьев**

*Записки орнитолога*

---



*Утверждено к печати  
редколлекцией серии  
научно-популярных изданий  
Академии наук СССР*

*Редактор  
В. Н. Вяземцева  
Художественный редактор  
И. В. Разина  
Макет книги  
и художественно-техническая редакция  
Ю. В. Рылиной  
Корректоры  
Е. Н. Белоусова, Н. И. Казарина*

И Б № 7531

*Сдано в набор 23.02.78  
Подписано к печати 22.06.78  
Т-07384. Формат 60X90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
Бумага № 1  
Гарнитура обыкновенная  
Печать высокая  
Усл. печ. л. 16.4 Уч.-изд. л. 17,2  
Тираж 50 000 экз. Тип. зак. 255  
Цена 1 р. 30 к.*

*Издательство «Наука»  
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а  
2-я типография издательства «Наука»  
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10*